

INSPIRIA

ЗНАЧИТ, Я УМЕРЛА

Хилари Дэвидсон

INSPIRIA

Annotation

ОТ ДВУХКРАТНОГО ЛАУРЕАТА ANTHONY AWARD И АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES.

Если ты читаешь это, значит, я умерла...

Так начиналось письмо, которое Дейрдре Кроули получает от своей сестры Кэролайн... в день ее похорон. В произошедшем Кэролайн обвиняет Тео Трэкстона – наследника многомиллиардного отельного бизнеса и... своего мужа. Более того: она утверждает, что когда-то он уже был женат. И зверски убил ту женщину.

Дейрдре ничего не остается, кроме как выполнить последнюю просьбу сестры. Но чем глубже она погружается в мрачное закулисье семейства Трэкстон, тем настойчивее напоминают о себе ее собственные демоны...

Закрученная, захватывающая, леденящая кровь история от автора бестселлеров New York Times для поклонников Таны Френч и Лизы Гарднер.

«Хилари Дэвидсон предлагает читателю сыграть в игру. С извилистым сюжетом, достойным Агаты Кристи, сложными психологическими нитями и глубокими, темными семейными тайнами, эта история – переворот в жанре!» – Венди Уокер

«Хилари Дэвидсон – мастер сюжетных поворотов!» – Тесс Герритсен

«Триллер, который необходимо прочитать». – New York Journal of Books

-
- [Хилари Дэвидсон](#)
 -
 -
 -
 - [Часть I](#)
 - [Часть II](#)
 - [Часть III](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
-

Хилари Дэвидсон

Значит, я умерла

Hilary Davidson
HER LAST BREATH

©2021 by Hilary Davidson. All rights reserved. This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Екимова Н. В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. «ООО «Издательство Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Обычно я отдаю свое сердце героиням, но в этой истории его завоевал Тео Трэкстон, полный неоднозначности и загадок. А учитывая, что интрига лишь нарастала, я сидела как на иголках до самой развязки. Крайне шокирующей развязки, потому что подобное нереально предугадать.

Екатерина Ковалькова, редактор

«Хилари Дэвидсон предлагает читателю сыграть в игру. С извилистым сюжетом, достойным Агаты Кристи, сложными психологическими нитями и глубокими, темными семейными тайнами, эта история – переворот в жанре!»

Венди Уокер

«Хилари Дэвидсон – мастер сюжетных поворотов!»

Тесс Герритсен

«Триллер, который необходимо прочитать».

New York Journal of Books

* * *

*Для Эли, Зои и Сейдж
неизменно с любовью*

Часть I

Все видят тебя таким, каким ты кажешься, и лишь немногие знают, каков ты есть.

Никколо Макиавелли

Глава 1

Дейдре

Я не знала, что надеть на похороны. В любой другой день я позвонила бы сестре и спросила совета у нее, ведь Каро всегда знала, как правильно. Но она умерла, и я никогда уже не услышу ее мягкий, немного хрипловатый голос.

Достав из алькова, который служил мне шкафом, всю имевшуюся у меня одежду – только черную, никаких других цветов я не носила, – я выбрала из нее тунику, достаточно длинную, чтобы сойти за платье, и добавила к ней колготки и кардиган, чтобы спрятать татуировки. Сунула ноги в дорожные и страшно неудобные лодочки на шпильках – откуда они у меня взялись, ума не приложу, не иначе как сестра подарила. Карабкаясь в них по лестнице, которая вела из моей полуподвальной квартиры на улицу, я чувствовала себя просто неуклюжей коровой. Но когда спустилась в метро, доехала от Квинса до Манхэттена и явилась в церковь, то оказалась самозванкой.

– Ваше имя и приглашенный билет? – обратился ко мне охранник в форме.

– Дейдре Кроули. Я сестра Кэролайн Трэкстон.

Охранник что-то сказал, но я не расслышала, потому что пялилась на фасад церкви, борясь с внезапно нахлынувшим дежавю. Католических церквей с замысловатыми каменными рельефами на фасаде, изображающими Воскресение Христа или Судный день, в Америке хоть пруд пруди. Но у этой весь фасад занимала сцена

распятия, причем мастер подошел к делу с такой глубокой серьезностью, что у меня от одного взгляда дух захватило.

– Сент-Винсент Феррер, – прошептала я. Именно здесь моя сестра выходила замуж четыре года назад.

– Какой номер был написан на оборотной стороне вашего пригласительного билета? – продолжал допытываться охранник, явно еще не решив, стоит ли соблюдать со мной вежливость.

Я моргнула, пытаясь вспомнить. Приглашение приволок в понедельник в шесть вечера какой-то подручный Трэкстонов. *Поминавание Кэролайн Анны Трэкстон*, – рельефные черные буквы на плотной шелковистой бумаге цвета слоновой кости. *Приглашаем Вас на поминальную службу и ланч*. Помню, как неприятно поразила меня рамка из стилизованной лозы вокруг ее имени – изысканно-острые шипы были нацелены на буквы так, словно хотели их задушить.

– Первая семерка. – Вообще-то на карточке было семь цифр, но остальные просто не желали приходить в голову. Само приглашение валялось сейчас где-то на книжном стеллаже в моей квартире – я сама зашвырнула его туда, как только получила, и до сих пор даже не вспоминала о его существовании.

– Назовите код целиком, – настаивал охранник. – Без него я не могу пропустить вас внутрь.

И тут меня переключило. Я почти не спала ночью; точнее, я не спала уже несколько ночей с тех пор, как узнала о смерти Каро. До церкви добралась на автопилоте – люди, наверное, шарахались от меня, видя мою походку зомби – а тут этот гад со своими претензиями... Не успела я глазом моргнуть, как мое горе превратилось в ярость.

– У меня сестра умерла, а ты не пускаешь меня на похороны! – заорала я.

Охранник даже втянул голову в плечи, точно опасаясь удара, но я только оттолкнула его в сторону и ворвалась в церковь.

На темных деревянных скамьях крупными оспинами белели розы. Смеялись и сплетничали гости, одетые от кутюр. В конце каждого прохода громоздилась башня из букетов, обвитых белыми лентами и тюлем. В общем, внутри церковь выглядела точно так же, как в день бракосочетания Каро, и я, как и тогда, сразу почувствовала себя не в своей тарелке.

Я, наверное, заплакала бы, если б не охранник, который уже дышал мне в спину.

– Она без приглашения, – заявлял он всякому, кто пожелал бы его слушать. – Ее не должно здесь быть.

Я хотела уйти, но он крепко вцепился мне в запястье. Пришлось сделать глубокий вдох. «Каро, прости, что пришлось начистить этому молодчику рыло прямо на твоих похоронах».

– Она агрессивная. Отпихнула меня и ворвалась, – продолжал ныть охранник, пока я разворачивалась к нему, сжимая кулак.

– Вот как? – раздался вкрадчивый голос у меня за спиной. – Ну, значит, ты уволен.

Я разжала кулак так поспешно, словно избавлялась от улики. Передо мной стояла Джульетта Трэкстон: плечистая, ширококостная, в черном костюме в талию, на лацкане – две бриллиантовые булавки, на высокой прическе из платиновых волос – черная шляпка с перьями и вуалеткой. Интересно, уж не берет ли она свои наряды напрокат в музей какой-нибудь киностудии? Вылитая киношная вдова: подкупила банду отморозов, чтобы те отправили ее муженька на тот свет, а сама изображает безутешность...

Пухлые напмаженные губы Джульетты снова ожили.

– Разве похоже, что я шучу? – спросила она охранника. – Нисколько. Пошел вон.

Его лицо сделалось пунцовым.

– Но она...

– Отпихнула тебя в сторону. Я слышала. – И она махнула на него рукой так, словно отгоняла комара. – Трэкстоны не берут на работу неудачников. Вон.

Он пошел к выходу, злобно бормоча что-то себе под нос.

– Спасибо, – осторожно поблагодарила я. Каро часто говорила, что увольнять людей – главная цель в жизни ее невестки.

– А ты умеешь оживить похороны. – И она, окинув меня взглядом с головы до ног, вздернула бровь так, словно я опять обманула чьи-то ожидания. Джульетта была остра на язык и никого не щадила, и я уже приготовилась дать отпор, но она лишь вздохнула и сказала: – Наверное, хочешь видеть Тедди... Он там, впереди, с няней.

– Как он?

– Ему тяжело. Бедный малыш... – Джульетта повернулась, чтобы уйти, но, задержавшись, добавила: – И не ходи тут с таким видом, как будто ищешь неприятностей. Они тебя сами найдут. – Отпустив это таинственное замечание, она удалилась.

О ком это она: об охраннике, которого сама только что уволила, или о моем отце? Я внимательно осмотрела толпу, но нигде его не увидела. Прячется, наверное, где-нибудь в тени, как все чудовища... Зато я торчу посреди центрального нефа, у всех на виду. На меня оглядывались, но никто не спешил подойти и заговорить со мной – невелика персона. Гроб сестры стоял в глубине церкви, прямо перед алтарем, но я была еще не готова к прощанию и решила сначала отыскать племянника, Тедди. Он был в черном траурном костюмчике, наверное, самом крошечном в мире, но строгом, с крохотной белой бутоньеркой, как полагается. Увидев меня, Тедди залез ножками на скамью, чтобы я могла его обнять.

– Тетя Ди, – выдохнул он мне в шею.

Что я могла сказать ребенку, которому едва исполнилось три с половиной года и у которого вдруг умерла мать? Все, кто знал Кэролайн, еще не пришли в себя от шока. Если уж у меня, взрослой, случившееся не укладывается в голове, то что может понять такой малыш? Наверное, о смерти матери ему рассказал отец, но как, какими словами? Ума не приложу.

– Ты ведь крепкий парнишка, да? – «Крепкий» – вот самый большой комплимент, который был в ходу у нас в семействе. «Славный» – тоже хорошо, «смышлелый» – замечательно, но «крепкий» – это был идеал, к которому стремились мы все.

– Ага, – гордо ответил малыш.

Глория Ривера, его няня, тоже встала мне навстречу. Невысокая, хрупкая, круглолицая, с волосами цвета воронова крыла, она казалась то тридцати-, а то и пятидесятилетней, как поглядеть. Сочувствие буквально выплескивалось из ее глаз, когда она сказала:

– Мне так жаль, Дейрдре...

– Спасибо. – Никто в церкви так и не сказал мне этих слов.

Когда Тедди наконец отпустил меня, я побрела к гробу сестры так, словно меня тянули туда на невидимых нитях. Верхняя часть крышки была откинута, и я увидела совершенное в своей красоте и еще не тронутое смертью лицо сестры. Золотоволосая, с нежным румянцем,

она больше походила на Спящую красавицу, чем на покойницу. На какое-то мгновение мне даже показалось, что сейчас она сядет, улыбнется, и окажется, что ее похороны были всего лишь постановкой, поводом, чтобы собрать вместе нашу разношерстную семейку.

– Я и не знала, что способна так скучать по кому-то, – прошептала я.

Ненадолго я даже перестала слышать болтовню приглашенных, как будто во всей громаде церкви не было никого, только гроб и я. Но чары рухнули, когда на полированную крышку гроба тяжело опустилась мужская рука, клацнув по ней золотым кольцом Кладда^[1]. По нему я его и узнала – это был отец. Именно этого я и боялась. Раньше, стоило нам с отцом оказаться в одном пространстве – на свадьбе Каро, на похоронах матери или крестинах Тедди, – сестра всегда брала на себя роль рефери, разводя нас по разным углам ринга.

Мгновение он и я смотрели друг на друга. Взгляд его голубых глаз был холоден и тверд. Воздух вокруг нас словно напитался отравой. Между нами ничего не изменилось. Он открыл рот, чтобы заговорить, но я не дала ему шанса: отвернулась и пошла прочь.

Минорные вздохи органных труб подчеркнули уродливость момента. Уходя, я споткнулась в проходе. Интересно, мне только казалось или на меня действительно смотрели? Помню, на свадьбе Каро я слышала, как кто-то сказал вслух: «Кто бы мог подумать, что Тео на ней женится!» Замечаниям о том, как повезло моей сестре, не было конца. Одна гостья с прической а-ля улей, сверкая драгоценностями, как рождественская елка игрушками, так прямо и ляпнула ей: «Ты, наверное, чувствуешь себя сейчас Золушкой, которая выходит замуж за принца, правда?» И даже Каро, невозможно элегантная, как всегда, – даже она не нашлась, что ответить на такую наглость, только улыбалась, как контуженная. Теперь Золушка лежала в гробу, но общее настроение осталось прежним.

Я поняла, что мне надо глотнуть свежего воздуха, иначе я задохнусь. В горле стоял ком; мысли вертелись вокруг того, что сказала бы мать, если б видела, какими убийственными взглядами обменялись ее муж и младшая дочь над гробом старшей. Когда я росла, мать всегда казалась мне очень печальной – какие бы радости ни маячили на горизонте, над ней всегда словно висела туча. И, честно говоря, так оно и было.

Когда я вышла из церкви, охранники уставились на меня с любопытством, но того, кто пытался меня задержать, среди них уже не было. Я зацокала каблуками по ступенькам. День был солнечный – для апреля. Внизу, обойдя с наветренной стороны группу безутешных курильщиков, я остановилась. На тротуаре какой-то придурок навел на меня объектив фотоаппарата. Я отвернулась и вытащила телефон. Необходимо было срочно отвлечься, пока меня не взорвало.

Тут-то я и увидела имейл. «Вам приватное сообщение от Кэролайн Кроули».

Со дня своей свадьбы сестра носила имя Кэролайн Трэкстон. Вот почему, когда я увидела на экране ее девичью фамилию, мне показалось, что это время расступилось и выдало своеобразный реликт, заблудившийся цифровой след человека, который перестал существовать еще четыре года назад.

Я нажала на сообщение, и экран вдруг пожелтел, словно пергамент. «В «Склепах Озириса» ваша информация в полной сохранности, – появилась надпись наверху экрана, и ниже: – Кэролайн Кроули хочет, чтобы вы прочли это письмо».

К этому прилагалось изображение Озириса, зеленоликого египетского бога, которого родной брат разрубил на куски, а родная сестра собрала эти куски и воскресила. В детстве я увлекалась мифологией и теперь еще не прочь почитать что-нибудь на эту тему время от времени. Каро часто дразнила меня по поводу моего анкха – татуировки с египетским крестом жизни у меня на плече. Может, она и тут решила пошутить? Я мотанула сообщение дальше.

Над окошком с письмом было написано: «Сообщение для вас от Кэролайн». У меня перехватило дыхание.

Дейрдре,

Я часто думаю о маме и о том, как не хочется верить, что и тебя постигнет судьба одного из родителей, пока это не случится.

Если ты читаешь это, значит, я умерла. Как бы ни выглядела моя смерть, она не случайна. Тео уже убил одну жену, и это сошло ему с рук. Заставь его ответить за мою смерть, чего бы это тебе ни стоило.

Я люблю тебя, Додо. Всегда.

Каро

Глава 2

Дейдре

Слова на экране закружились и слились вместе. Я зажмурилась, не зная, что думать: может, это розыгрыш? Но когда я открыла глаза, письмо Каро было на месте. Кружились не буквы, а моя голова.

– Вы ведь сестра Кэролайн, верно?

Со мной заговорила женщина в дорогом розовом костюме. Он придавал ей вид зрелой дамы, хотя вообще она, кажется, была моей ровесницей. При этом была худа, как велосипед, причесана, как девушка из прогноза погоды, и так густо покрашена, что когда солнце в очередной раз выглянуло из-за облака, ее лицо засверкало, словно зеркальный шар в дискотеке.

– Дейдре, да? Смерть Кэролайн – такой удар для вашей семьи... – Розовые губы женщины двигались стремительно.

– Да.

– Я – Эбби Морел, из «Глоуб». Я знала вашу сестру.

Из-за тошнотворно-сладкого аромата гардении, исходившего от нее, у меня еще сильнее закружилась голова. Мне хотелось отойти от нее, но, услышав последние слова, я застыла на месте.

– Откуда?

– Мы, случалось, писали для одних и тех же изданий как фрилансеры.

Я взвесила вероятность услышанного. Каро была журналисткой, до того как перейти на темную сторону, как она называла свой брак с представителем известного семейства.

– Я знаю, что Кэролайн скончалась скоропостижно, но что все-таки случилось с вашей сестрой, как вы считаете?

– Она скончалась в результате невыявленной патологии сердца, – машинально повторила я то, что услышала в полиции.

– То есть она никогда на сердце не жаловалась? В том числе в детстве?

– Нет, конечно, иначе патология была бы выявленной.

– Может, наркотики?

Я еще не оправилась от потрясения, вызванного письмом Каро, чтобы бодаться с назойливой дамой, поэтому просто повернулась к ней спиной, взбежала по ступенькам и укрылась в церкви, на задней скамье. Температура внутри за считанные минуты как будто упала градусов на десять, и я обхватила себя руками, чтобы согреться.

Как прошла служба, я помню смутно. В мозгу то и дело прокручивались отрывки наших последних разговоров с сестрой. Я давно догадалась, что Каро была несчастлива в браке, – по тому, как она старательно избегала этой темы, как всякий раз уходила от моих прямых вопросов о Тео, словно эта тема была ей особенно неприятна. Но я и подумать не могла, что муж задумал убить Каро, что он уже убивал раньше – эта мысль казалась мне совершенно безумной. На мгновение я даже допустила, что эта темная журналистка, которая подошла ко мне только что, права, и Каро действительно пропускала время от времени таблетку-другую чего-нибудь галлюциногенного, но тут же устыдилась своих сомнений в сестре. Чувство вины встряхнуло меня, как хорошая пощечина.

«Тео не убивал, – твердила я себе. – Просто у Каро оказалась невыявленная патология сердца».

Она умерла рано утром, во время пробежки по парку – сердце остановилось, она упала и умерла. С кем угодно может случиться, сказал мне коп. Многие люди живут с патологиями и ничего не знают о них.

«Как бы ни выглядела моя смерть, она не случайна...»

Фраза из письма сестры вспомнилась мне так внезапно, что я даже вскрикнула, чем заслужила недовольный взгляд священника. Он и так всю службу сохранял выражение лица раннего христианского мученика, проповедующего язычникам. Прикусив язык, я сидела молча, пока Джуд Лазаре, подруга Каро, читала отрывок из Библии: «А души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их. В глазах неразумных они казались умершими, и исход их считался погибелью, и отшествие от нас – уничтожением, но они пребывают /в мире»^[2].

Зацепившись мыслью за эти слова, я старалась не отпускать их от себя, пока Джуд читала дальше. «Каро пребывает в мире», – думала я. Тот коп сказал мне, что она не мучилась, что смерть была мгновенной и легкой.

«Заставь его ответить за мою смерть, чего бы это тебе ни стоило...»

Я обвела церковь глазами, ища Тео, и уперлась взглядом в его затылок. Он сидел на передней скамье, с родственниками. Я тоже должна была быть там – и была бы, если б не мой отец. Тео даже отсутствовал в Нью-Йорке, когда умерла Каро, напомнила я себе. Копы не сразу смогли с ним связаться, он был в самолете. Как он может быть виновен в смерти Каро?

Когда настала очередь Тео говорить и он поднялся, мне вдруг показалось, что во всей громадной церкви нас осталось лишь двое – я и он. Мне-то мой зять всегда нравился. Я познакомилась с Тео вскоре после того, как мы с Каро восстановили отношения после нескольких лет молчания – она как раз только-только начала с ним встречаться. Признаюсь, что я буквально возненавидела его еще до того, как увидела, – дело в том, что сестра сразу сказала мне, что он кто-то вроде Хитклиффа, а я всегда терпеть не могла «Грозовой перевал». Но, когда мы все же встретились, я поняла, что мне импонирует его серьезность, его неумение поддерживать пустой светский разговор и даже его сардонический юмор. Люди обычно стараются произвести наилучшее впечатление на других и прячут свое истинное «я» под маской условностей, так что на их фоне прямого Тео бодрит, как холодный душ. Мы с ним едва успели познакомиться, а он уже выдал мне: «Каро рассказывала, что ты еще в юности ушла из дома и жила с подругой до конца школы. Ты смелая. Мой отец сплавил меня в частную школу, которую я терпеть не мог, а я, вместо того чтобы сбежать оттуда, накачивал себя наркотиками как дурак».

Сидя на похоронах сестры, я спрашивала себя, не приняла ли тогда бессердечность за искренность.

– Спасибо вам всем за то, что пришли, – звучал между тем поставленный голос Тео. Его акцент Каро называла «среднеатлантическим», что всегда наводило меня на мысль о плавучем рыбзаводе посреди океана. Безупречная интонация выдавала богатство и хорошее воспитание, но из-за нее каждое слово у него выходило будто залитым тонкой корочкой льда, словно кусок рыбного филе, и мне всякий раз становилось холодно. – Не могу выразить, как много это для меня значит. Знаю, что Кэролайн удивилась бы, если б узнала, скольким людям она была дорога.

Его слова были подобраны безупречно, подача – выше всяких похвал. Тео говорил сам, не заглядывая в бумажку, так что слушать его было одно удовольствие, да и смотреть на него тоже: черные волнистые волосы, синие глаза, шесть фунтов и один дюйм чистой мускулатуры упакованы в дорогой костюм, пошитый на заказ. Правда, глаза у него были абсолютно сухи, но меня, урожденную Кроули, это не смущало: в нашей семье тоже ни из кого слезинки не выжмешь. Холодная сдержанность мне как раз понятна. Речь Тео текла размеренно, без долгих пауз и без эмоций. Каждое слово сверкало, словно отполированная монетка, брошенная в фонтан.

Поминальная служба закончилась в рекордно короткие сроки – почти все гости брали пример с Трэкстонов и сидели, словно деревянные; лишь немногие смельчаки отважились подойти к священнику под благословение, а причастие никому даже не предложили. Тео еще до похорон спрашивал меня, не хочу ли я сказать пару слов над гробом сестры, и я порадовалась, что сказала «нет». Пока он прощался с Каро, а потом отходил от гроба, я следила за ним глазами, не в силах двинуться с места, будто в трансе. Я понимала, что надо поговорить с ним, но не знала, с чего начать.

Но не успела я на что-нибудь решиться, как под сводами церкви раздался пронзительный голосок:

– Не трогай меня!

Я сразу узнала голос Тедди. Тео на полушаге развернулся и побежал к сыну. Когда я вскочила, он уже был возле Тедди, загораживая его от фотоаппарата, который держал высокий крепкий мужик.

– Я его пальцем не тронул!

– Тронул! – выпалил Тедди.

Одной рукой Тео схватил мужика за воротник, другой выбил у него из рук фотоаппарат; тот хряпнулся о каменный пол и тут же затрещал под ногой Тео.

– Отстань от моего сына! – Он сказал это не громко, но слова прокатились по всей церкви. Оттолкнув незадачливого фотографа, схватил малыша на руки и повернулся, чтобы уйти.

Фотограф бросился за ним, явно собираясь продолжить дискуссию не мирным путем, однако тяжелые шаги выдали его намерения, Тео развернулся и встретил его ударом кулака в лицо.

Мужик рухнул как подкошенный, а Тео, не выпуская Тедди, вышел из церкви через боковую дверь.

С трудом сохраняя равновесие на дурацких каблуках, которые подарила мне Каро, я кое-как добралась до выхода, спустилась по ступенькам, но на тротуаре все же зацепилась за что-то и чуть не грохнулась на четвереньки. Тихо матерясь, выпрямилась под пулеметным огнем фотовспышек: газетные стервятники щелкали затворами, и я поняла – сейчас они сольют все это в онлайн, и поползут сплетни, что на похоронах сестры я была пьяна в стельку, хотя я вообще не пью.

Но меня беспокоило другое: я еще никогда не видела, чтобы мой зять поднял на кого-то руку. Омерзительная сцена в церкви открыла мне глаза на другого Тео. Пока Каро была жива, мы пару раз в месяц ходили куда-нибудь вместе, и каждую неделю созванивались или списывались. Это создавало у меня иллюзию близости с сестрой, главным образом потому, что она была в курсе всех моих проблем. А своих у нее как будто не было – во всяком случае, так мне казалось. Я даже не представляла, что одной из них может быть ее муж.

Глава 3

Дейдре

На поминальный ланч я не собиралась и до сообщения Каро, а потом тем более. Перечитав сообщение, я обратила внимание на ссылку с надписью «Кликнуть доступ к файлу». Я кликнула, открылась веб-страница с надписью «Файлов нет». Похоже, я попала в западню. Не зная, как быть, поплелась к метро. До Элмхёрста, моего района в Квинсе, от Манхэттена езды пятнадцать минут, если сесть на экспресс Е. Мне нужно было побыть одной и подумать.

Вагон был почти пуст, и я сразу плюхнулась на свободное место. Сердце стучало как бешеное, мысли метались так, словно с цепи сорвались. Пришлось сделать несколько глубоких вдохов и выдохов. Забавно – люди стараются как можно меньше ездить в метро, чтобы не вдыхать вирус, а я сижу тут и дышу полной грудью, втягиваю в себя все подряд, и вирусы, и бактерии, лишь бы победить приступ

паники... Старая дама напротив метала в мою сторону убийственные взгляды из-под пластикового экрана, которым было закрыто ее лицо. Я устыдилась и надела бумажную маску. Вообще-то это было уже не обязательно, но некоторые люди готовы были в драку лезть, стоило им увидеть кого-то в помещении и без маски.

Выйдя на «Рузвельт», я пересела на местную линию до остановки «Гранд-авеню – Ньютаун». В обычный день я прошла бы это расстояние пешком, но в обычный день мои ноги не сжимали бы тиски туфель. Прихватив в «Кунг-фу ти» чай с личи, я поковыляла домой.

Каро не воротила нос от района, в котором я живу – в конце концов, наше детство прошло неподалеку, – но всегда возражала против того, что я живу в подвале. Она даже предлагала оплачивать мне квартиру, чтобы я, как выражалась сестра, жила в «нормальном доме», а не ютилась вшестером в жилье, рассчитанном на одну семью. Но в моей подвальной каморке на Пятьдесят пятой авеню были электрочайник и мини-холодильник вместо кухни, унитаз и раковина прямо в комнате, так что это было еще вполне терпимое жилье – случалось мне обитать в местах и похуже. Я терпеть не могу просить, и предложения Каро насчет квартиры, которые она делала не один раз, всегда вызывали у меня неловкость. Она говорила: «У меня есть деньги, а что толку, если я все равно не могу потратить их ни на что доброе?» Подходя к дому, я вдруг поняла, что моя сестра была единственным человеком на свете, который хотел сделать мою жизнь легче. А теперь ее не стало...

Поворачивая ключ в замке, я даже дыхание затаила: Господи, сделай так, чтобы моей квартирной хозяйки не было дома. Сэйра Мукерджи – неплохая, в сущности, женщина – почему-то считала своим долгом следить за тем, когда я ухожу и прихожу, как будто она была моя родная мать. Проблему выхода я решила просто: из подвала на задний двор вела лестница, по которой я незаметно выскальзывала из дома. Но во дворе была калитка, которая не открывалась с улицы, и возвращаться приходилось через обычную дверь. В тот раз мне повезло: квартирная хозяйка была у себя, наверху, – я слышала над головой ее шаги, – но вниз она не спускалась. Скинув туфли, я подхватила их и шмыгнула в подвал, где открыла свою дверь и тут же заперла ее за собой.

Мой застенок, как я про себя называла свое жилье, был крохотным и начисто лишенным естественного света. Стены были покрыты такой мрачной темно-зеленой краской, как будто предыдущий обитатель поставил себе целью понять, каково это – жить внутри незрелого авокадо. Перекрасить их мне не позволили, хотя не очень-то и хотелось. Вещей у меня было немного: матрас для сна, складной столик, стеллаж для книг и единственный стул для гостя, хотя я никого к себе не приглашаю. Вообще, я терпеть не могу интерьеры, забитые вещами, но мой книжный шкаф – это мой позор: его полки прогибаются под тяжестью книг, фотографий и резных поделок. Раньше у меня была привычка забрасывать почту на верхнюю полку. Вот и теперь, порывшись там, я обнаружила том с гравюрами Гюстава Доре к «Божественной комедии» Данте, а на нем – то, что я искала: большой конверт из плотной желтоватой бумаги, на котором четким завитым почерком Каро были выписаны мое имя и адрес.

«Я собиралась отправить его по почте, если мы не встретимся», – сказала тогда она, вручая мне конверт.

«Что здесь?»

«Помнишь, ты как-то сказала, что хотела бы иметь семейные фото? Ну вот, я наконец собралась и распечатала для тебя кое-что... Там еще карта памяти, на ней тоже снимки».

Вернувшись к себе после той встречи, я сразу взялась за фотографии. Но, едва увидев снимок с отцом, снова сгребла их в конверт, а конверт закинула на шкаф. С глаз долой, из сердца вон.

Теперь я достала конверт, взяла протеиновый батончик и села на матрас. В конверте лежали свежие перепечатки старых семейных фото. Вот мы с Каро обнимаемся на фоне рождественской елки: ей десять лет, мне – пять, обе в красных бархатных платьицах с пышными юбками, которые сшила нам мать. Следующий снимок сделан двумя годами позже, на нем мы с родителями. Его-то я и увидела пару недель назад, после чего забросила весь конверт на шкаф. Я возненавидела это фото сразу, с первого взгляда, потому что на нем была ложь: глядя на него, можно было подумать, что мы – счастливая семья, которой на самом деле никогда не были. Но теперь, когда Каро не стало, я смотрела на эту фотографию, и мое сердце ныло от тоски по сестре.

Я отхлебнула чаю с личи и собралась с духом. Каро, наверное, взяла снимки у отца. Всего около двух дюжин, в основном небольшие,

четыре на шесть или пять на семь^[3], и два портрета побольше. Пара снимков Тедди – на одном он играет сам по себе, а на другом снят с Каро на золотом песчаном пляже. Остальные фото были совсем старые. Каро даже раскопала где-то свадебную карточку отца с матерью, где они стоят на фоне церкви в Белфасте, не помню, как она называется. Мать там такая красивая, с безмятежным породистым лицом, а отец прямо раздулся от гордости – рад, поди, что сумел завлечь эту восхитительную женщину в сети брака. У меня и раньше был один старый снимок, так я буквально выкромсала из него отца, но после похорон у меня рука не поднялась сделать то же самое.

«Я часто думаю о маме и о том, как не хочется верить, что и тебя постигнет судьба одного из родителей, пока это не случится».

Вот снова мама, здесь она подросток, а вот я, в возрасте семи лет, в моем первом кимоно в школе карате Хигаси. Ну и разные семейные праздники: дни рождения, Рождества, вплоть до моего пятнадцатилетия. После ни на одном фото меня нет, и неудивительно. С пятнадцати до девятнадцати лет наступило молчание в эфире: я не общалась ни с кем из родных, кроме матери, – точнее, мать была единственной, кто еще общался со мной. Один снимок из тех лет меня удивил: на нем Каро в розовом кружевном мини-платье стояла на лестнице, обняв одной рукой мужчину, явно не мужа. Высокий блондин, лицо грубоватое, но по-своему привлекательное. Судя по тому, как повисла на нем моя сестра, я бы предположила, что это ее парень, с которым она встречалась в старших классах. Вот только на вид ему было лет тридцать. На обороте элегантным почерком Каро было написано: «С Беном, дом Кларксонов/Норткаттов в Хай-Фоллз, Нью-Йорк». Это ничего мне не объясняло, и я даже подумала, что Каро, наверное, положила это фото в конверт по ошибке.

Разложив снимки на матрасе, я поняла – среди них нет снимков Тео. Как будто Каро уже давно вычеркнула мужа из своей жизни. Он часто уезжал в командировки, но сестру это никогда особенно не волновало. А вот мне такое полное его отсутствие вдруг показалось неправильным.

«Если ты читаешь это, значит, я умерла...»

Смысл письма Каро ворвался в мой мозг, как торнадо. Со стороны ее жизнь выглядела сказкой. Вышла замуж за богача, вошла в семейный бизнес, родила чудесного карапуза. Конечно, у всего в

жизни есть своя обратная сторона – Каро терпеть не могла невестку, та платила ей тем же, зато у нее были прекрасные отношения со свекром и свекровью – мачехой ее мужа; те прямо-таки баловали ее. Я никогда не мечтала жить на Верхней Ист-Сайд, но не смогла удержаться от зависти, когда увидела дом, который Каро и Тео получили как подарок к свадьбе. Часовые-гаргульи на крышах, окна-витражи – дом прямо как из готической сказки, сразу и захватывающей, и страшной.

«Как бы ни выглядела моя смерть, она не случайна...»

В последний раз я видела сестру в субботу. Она показалась мне рассеянной и погруженной в себя, но она всегда бывала такой, когда работала над крупным проектом. Сеть отелей Трэкстонов сильно пострадала от пандемии, и от успеха рекламной кампании, которую вела Каро, зависело, удастся ли вдохнуть новую жизнь в старый бренд. Пока мы разговаривали, вокруг нас носился Тедди, смешил меня, и разговор вышел не особенно серьезным.

«Тео уже убил одну жену, и это сошло ему с рук...»

Прочитав это, я заподозрила, что письмо Каро – розыгрыш. Какую еще жену? Тео не был женат раньше. Когда он и Каро еще только встречались, я нашла о нем в интернете все, что только можно, но про жену там не было ничего. А ведь такой секрет не спрячешь. Или я ошиблась?

Я стала переворачивать фотографии, ища пометки Каро. Ни о какой первой жене Тео там не было ни слова. Тогда я схватила лэптоп, снова набрала «Склеп Озириса» – и снова вышла ни с чем.

Оставалась еще карта памяти из конверта. На ней оказалось 1702 файла. Я кликала на первые попавшиеся, пока не увидела на экране Тео. Он стоял возле рождественской елки, а у его ног возились с игрушечным поездом сын и отец. Судя по всему, дед с внуком прекрасно проводили время, чего нельзя было сказать о Тео: тот стоял, сложив руки на груди, и мрачно смотрел на них. Его лицо было непроницаемо.

«Заставь его ответить за мою смерть, чего бы это тебе ни стоило».

Первые пятьдесят файлов я просмотрела в убыстренном темпе. Там было столько снимков моей сестры в более счастливые времена, что у меня даже слезы на глаза навернулись. Может быть, где-то в этом архиве и было фото Тео и его первой жены, но я была не готова

перелопатить такой объем семейной истории за раз и потому не стала его искать. Выдернув из компьютера карту памяти, вернула ее в пластиковый чехол. На экране возникла статья о смерти моей сестры. Даже не знаю, почему я не закрыла ее сразу. Наверное, потому, что заглянула в строку с именем автора – впервые в жизни. Там было написано «Эбби Морел» – то самое блестящее чудище, которое я встретила на крыльце церкви.

«Смерть Кэролайн Трэкстон потрясла Нью-Йорк. Бывшая журналистка, ставшая светской львицей, умерла, совершая раннюю утреннюю пробежку неподалеку от штаб-квартиры ООН на Первой авеню. Полиция устанавливает причины смерти. По их мнению, сердце Кэролайн Трэкстон остановилось приблизительно в 6 часов утра в результате не диагностированного прежде сердечного заболевания. Она упала прямо на лестнице Щаранского, над парком Ральфа Банча, ударившись головой и рукой. Когда ее обнаружил прохожий, она еще дышала, но умерла по дороге в больницу Тиша, где и было выдано заключение о смерти.

На вопрос о том, могла ли молодая женщина – до 30-го дня рождения Кэролайн Трэкстон оставался всего месяц – быть убита или стать жертвой злоупотребления наркотиками, офицер полиции Нью-Йорка Луис Вильяверде ответил, что это исключено. По его словам, все случившееся – результат «несчастливого стечения обстоятельств»; во время пробежки покойную неоднократно зафиксировали камеры наружного наблюдения с разных точек, и ни в одной записи нет ничего подозрительного. «Многие люди имеют проблемы с сердцем, о которых они ничего не знают», – добавил полицейский, однако на прямой вопрос о том, употребляла ли светская львица наркотики, отвечать отказался.

Миссис Трэкстон была супругой Теодора Трэкстона-второго, наследника огромной империи отелей «Трэкстон интернешнл», и трудилась в компании на посту главы отдела по связям с общественностью. Связаться с самим мистером Трэкстоном нам не удалось, однако его сестра Джульетта Трэкстон сделала заявление для прессы от лица всего семейства. «Мы глубоко потрясены смертью Кэролайн, – сказано в заявлении. – Для всех нас ее кончина стала неожиданным и печальным событием. Мы до сих пор не верим, что ее больше нет».

У Кэралайн Трэкстон остался муж и трехлетний сын, Теодор Трэкстон-третий, которого в семье зовут Тедди».

У меня зазвенело в голове, в ушах застучала кровь, как бывало в детстве, когда из соседней комнаты доносились звуки драки, и я знала, что не в силах помешать этому. Грудь вдруг пронзила такая острая боль, что я повалилась на матрас, обхватив руками колени и прижав их к животу, но и это не помогло.

– Но теперь ты взрослая, – напомнила я себе вслух. – Ты не можешь воскресить сестру, но добиться для нее справедливости тебе по силам. Все зависит только от тебя.

Я вскочила с матраса, почистила зубы и поправила макияж, чувствуя себя воином, готовящимся к битве. Мне придется нарастить крепкий панцирь, если я хочу добиться того, о чем просила меня сестра. И я еще раз проглядела снимки.

– Черт побери, Каро, ну почему ты не оставила мне что-нибудь посущественнее, хотя бы имя его первой жены?

Сунув фото и карту памяти в конверт, я натянула высокие ботинки из черной кожи. У меня был всего один шанс добыть доказательства, и я не собиралась его упускать.

Глава 4

Тео

«Я больше не хочу быть твоей женой. Разве это так трудно понять, Тео? Уходи из моего дома».

Как только я вошел в церковь, меня окружили люди, но в ушах звучал лишь издевательский голос жены. Приглашенные подходили по очереди, говорили, как они сожалеют о случившемся, но вряд ли кто-то из них сожалел больше, чем я.

Просто не верилось, что всего неделю назад я был в Бангкоке, где обсуждал с правительственными чиновниками и представителями национального музея Таиланда возможности возвращения похищенных произведений искусства. Стояла влажная жара, в разгаре дня воздух как будто плавился. Я изо всех сил старался сосредоточиться на этом воспоминании.

Но сердце упорно выбивало навязчивый ритм.

«Уходи из моего дома».

Последние слова, сказанные Кэролайн мне перед смертью.

Надо было успокоиться, иначе я не смог бы как следует произнести свою речь. В дальнем конце церкви я нашел небольшую нишу и нырнул туда, надеясь на желанное одиночество. Но там уже сидели мой отец с сестрой – и стрекотали, точно сороки.

– Но признай, что явка просто отменная, – говорил отец. – Столько людей сразу в одном пространстве я не видел с самого начала пандемии. Кэролайн обожали, ведь так?

– Люди просто соскучились по шоу, да и по бесплатным обедам тоже, – сухо ответила ему Джульетта. – Половина из них понятия не имеет, кто такая Кэролайн. А вторая половина хочет взглянуть, как она выглядит в гробу.

– Опять ты со своей ревностью, Джульетта, – заворчал отец. – Так нельзя, это же просто некрасиво.

– Прикажешь мне притвориться безутешной?

Тут они увидели меня. Отец опомнился первым.

– Тео... Как ты, сын? Выглядишь неважно. Уверен, что сможешь произнести речь? Если нет, то не надо. Я сам сочту за честь сказать пару слов над ее гробом.

– Мне не нужна твоя помощь. – Вообще-то у меня дрожали колени при одной мысли об этой речи, но я не собирался никому уступать свое право.

– Вот оно, семейное обаяние Трэкстонов, – встряла Джульетта. – Вкрадчив, как уж, смертелен, как кобра. Чистый сердцеед.

Сестра старше меня на четыре года, и мы с ней терпеть не можем друг друга. Я тут же пожалел, что сорвался на отца, – он этого не заслужил, в отличие от сестрицы.

– Как ты забавно выглядишь, – сказал я ей. – Решила внести в похороны нотку комизма?

Укол был совсем слабый, но Джульетта сдулась мгновенно: она терпеть не может замечаний о своей внешности.

– А ну-ка, перестаньте, – прошипел нам отец, как в детстве.

– Кто-то должен пойти к людям, а не отсиживаться здесь, – сказала Джульетта. – Видимо, отдуваться придется мне, как всегда. – И

она вышла с таким видом, как будто вся церковь была ее собственностью.

– Я знаю, сегодня трагический день для тебя, сынок. – Отец взмахнул рукой, указывая на церковь. – Я постарался сделать все так, как понравилось бы самой Кэролайн. Цветы. Музыка. – Он смотрел перед собой, точно замороженный. – Белые розы и Моцарт. Она так любила «Реквием»... – Он усмехнулся. – Помнишь, как она уговаривала тебя выбрать его для вашей свадьбы? Это казалось ей романтичным.

Нам с Кэролайн нравилась не только сама музыка, но и связанные с ней легенды: о загадочном анониме, который заказал «Реквием», и о композиторе, который пытался присвоить шедевр Моцарта после его смерти. Едва познакомившись с Кэролайн, я понял, что за ее обманчиво-оптимистичной внешностью бьется сердце, приверженное всему мрачному и готическому. Но моему отцу было не обязательно знать об этом.

– Спасибо. Сам я не справился бы.

– Разумеется. – Улыбка отца померкла. – Это ты разрешил няне сидеть рядом с Тедди на семейной скамье?

– Да. Тедди привязан к Глории сильнее, чем к любому из нас.

– Ты не подумал о впечатлении, которое это может произвести на людей, Тео. Что, если какой-нибудь репортер снимет, как наемная помощница утешает Тедди во время мессы? Что о нас подумают люди?

– Ты даже не представляешь, как глубоко мне плевать на то, что о нас подумают.

– Зато мне не плевать. Ты мог бы доверить Тедди сестре.

– Джульетте? Да я ей и головастика не доверил бы.

– Ты несправедлив к ней. Джульетта прекрасно ладит с животными. – И он ухмыльнулся так, словно отлично пошутил.

– А где Урсула? – спросил я. Урсула – это моя мачеха и единственный член нашей семьи, чье общество доставляло мне истинное удовольствие, хотя я не питал никаких иллюзий на ее счет: она была мила со всеми, но только благодаря алкоголю.

– Сегодня утром с ней произошла маленькая неприятность, – ответил отец.

– Что такое?

– Упала и повредила запястье. Харрис повез ее на рентген – надо убедиться, что это не перелом.

Харрис – личный помощник отца и его телохранитель; так сказать, два в одном. Мрачный тип.

– Она была пьяна?

Отец нервно оглянулся – не торчат ли откуда-нибудь длинные уши любопытного репортера – и молча кивнул.

– Я не буду возражать, если ты захочешь уехать пораньше.

– И вознаградить ее за выходку моим отказом от присутствия на похоронах Кэролайн? – Отец покачал головой. – Посмотри, сколько людей пришло: на похоронах моего отца не было больше, а ведь то были самые крупные похороны в истории нашей семьи. Но и тогда среди пришедших не было всей этой великосветской публики. Конечно, отец был богат, но эти смотрели на него сверху вниз. Подумаешь, король мотелей... Таких, как он, в телешоу пачками показывают.

– Не говори о похоронах Кэролайн так, словно это какая-то вечеринка.

– Любые похороны – событие общественное. Люди любили Кэролайн. Конечно, разные подзаборные блогеры часто называли ее «карабкающейся лозой» – за происхождение, – но и оно не отменяло ее внутреннюю порядочность и доброту. Кэролайн была хорошим человеком. В сочетании с большими деньгами – гарантия успеха. И будь у ее родни проблем больше, чем багажа на борту «Боинга-777» на маршруте в «Дисней Уолрд», это все равно ничего не изменило бы. – Он состроил гримасу. – Надо было поручить Харрису купить ее отцу костюм. Видел, в чем он явился? Похоже, что одеяла для космонавтов шьют из той же ткани... Можно даже не беспокоиться насчет фото, его блеск всех ослепит. Он идет на ланч?

– Пожалуйста, прояви уважение к родственникам Кэролайн, – сказал я вслух, хотя в голове у меня засела совсем другая фраза, произнесенная отцом. «Она была хорошим человеком».

– Я никогда не проявлял к ее родственникам ничего, кроме уважения, сын. – Отец нахмурился и отошел от меня, качая головой.

«Я больше не хочу быть твоей женой. Разве это так трудно понять, Тео? Уходи из моего дома...»

Замешкавшись у выхода из алькова, я поборол попытку мозга заново преподнести мне картину того, что было потом, и чуть не задохнулся от напряжения.

– Начинать? – спросил меня священник.

– Мне нужно побыть в одиночестве, – ответил я. – Здесь есть место, где мне никто не помешает?

– Разумеется. Идемте. – Мы нырнули под какую-то низкую арку и оказались у небольшой запертой двери. Священник открыл ее, за ней оказалась часовня. Перед статуей, изображавшей прекрасную женщину с глубоко печальным лицом, горели свечи.

– Здесь вы можете побыть столько, сколько вам потребуется, – сказал священник.

– Спасибо.

И он закрыл за мной дверь. Какое-то время я стоял неподвижно, ожидая, пока уляжется паника. Меня трясло так, словно я оказался в холодильнике. Как же мне пережить эти похороны, не говоря уже обо всем остальном? Этот день, как и день перед ним, казался мне бесконечным; такими же, наверное, будут и все последующие. А ведь надо еще как-то объяснить смерть Кэролайн нашему сыну...

«Кэролайн была хорошим человеком», – так сказал мой отец. Но он ошибся. Она выстроила впечатляющий фасад и обманула многих, скрывая за ним жесткую и порочную натуру.

Дрожь в руках отдавалась по всему моему телу. Сделав шаг к статуе, я упал перед ней на колени, словно для молитвы, хотя никаких слов, чтобы обратиться к высшим силам, у меня не было. Меня воспитывали нерелигиозные люди, так что я даже не знал, кто передо мной. Дева Мария? Или какая-нибудь местная святая, чьи глаза с надеждой устремлены к иному миру, поскольку этот мир не сулит ей ничего, кроме боли? Ну и пусть, а вот мне как раз больше нравились язычки пламени многочисленных свечей вокруг статуи, которые мигали, словно маяки в шторм.

«Я полон скрытых страхов», – прошептал голос внутри меня. Эти слова я услышал не от Кэролайн, этот голос раздавался в моем мозгу задолго до нее.

И я готов был на все, лишь бы заставить его молчать.

Вытянув левую руку, я накрыл огонек ладонью. Острый зуб пламени исчез, успев так укусить меня напоследок, что слезы

навернулись на глаза. Резкая боль прошла сразу, но оставила по себе пульсирующее жжение, которое отвлекло меня от всяких мыслей. Я потянулся ко второму огоньку, потом к третьему... Я пытался заставить себя перестать, но не мог. Лишь когда все свечи погасли, а воздух в часовне заполнил синеватый дым и жирный сладковатый запах, я встал и молча кивнул мраморной женщине – спасибо. И вышел, чувствуя в себе силы произнести похвалу жене.

Глава 5

Дейдрэ

Пару раз вдохнув от самой диафрагмы, я все же набрала его номер. И, как только в трубке раздался голос зятя, выпалила:

– Привет, Тео, это Дейдрэ. Не заедешь за мной по дороге на кладбище? – От этих слов меня саму покорило: я терпеть не могу просить одолжений. Любая дура может взять такси и доехать до Гринвуда, но для меня это был предлог побыть с Тео наедине. Ничего лучше я не придумала.

– Я сам только что вышел из ресторана, но где-то здесь должна быть заказанная для тебя машина, – ответил Тео. – Сейчас я узнаю, где она.

– Я не пошла на ланч. Вернулась домой. Ты не подберешь меня на Квинс-Плаза?

– А что случилось? Тебе стало плохо?

– Все в порядке, Тео. Просто я хочу, чтобы ты меня подвез. – Это же не для меня, а для Каро. – Нам надо поговорить.

– Не отключайся. – Где-то рядом с трубкой раздались голоса, но слов было не разобрать. Вернулся голос Тео: – Мы едем через Квинсборо-Бридж. Я напишу тебе, когда будем подъезжать к Квинс-Плаза.

И он сдержал слово. К тротуару подъехала черная машина, я запрыгнула внутрь и буркнула:

– Спасибо, что согласился меня подвезти.

– Ты точно в порядке? – спросил Тео, по-настоящему встревоженный. Я даже поежилась под его пристальным взглядом.

– Нет, – призналась я. – Такое чувство, точно весь мир сломался. Я все время думаю, что, может, это кошмар и я сейчас проснусь. Не верится, что ее больше нет.

– Мне тоже, – сказал Тео. – Я всю ночь не спал.

В церкви я видела зятя только издали, и он показался мне таким же, как всегда: безупречный костюм, прямая спина, лицо одновременно привлекательное и холодное, точно маска. Теперь, разглядев его вблизи, я поняла, как он измучен: под глазами залегли фиолетовые круги, лицо стало изжелта-бледным. Губы сложились в тонкую линию, а скулы напряглись так, что я прямо готова была услышать, как он скрипит зубами. Опустив глаза, я уткнулась взглядом в его руки. Одна ладонь была вся в красных волдырях.

– Что у тебя с рукой? – спросила я.

Он застыл, но тут же повернул руку ладонью внутрь.

– Ничего. Наверное, отбил об того типа, который лез к Тедди.

Я тут же поняла, что Тео врет. Да, костяшки у него слегка распухли – такое вполне может быть, когда крепко врежешь кому-то кулаком, – но при чем тут ладонь? И вообще, таких ярких алых ран от ударов не бывает. У меня пропал дар речи, и я молча глядела на его руки, на старый шрам, змеившийся из-под манжеты. Правда, я видела только его край, но и этого было достаточно, чтобы я вспомнила статью, которую написала о нем сестра. Собственно, с этой статьи у них все и началось. Помню, в ней был описан жуткий случай: в детстве Тео сунул руку в клетку какому-то крупному зверю – не то льву, не то тигру, – и тот схватил ее. Надо найти ее и перечитать, как только появится время.

А пока нужно задать ему мои вопросы. Вот только я не знала, с чего начать. Наконец решилась:

– Хорошая была служба...

– Правда? – Он нахмурился. – Тебе понравилось?

– Нет, я вообще терпеть не могу такие сборища. Но Каро оценила бы.

Тео вздохнул.

– Мой отец тоже так считает. Это он все устроил, продумал каждую мелочь.

– Как прошел ланч?

– Как в аду, только компания похуже. Отец заказал *religieuses au chocolat* на десерт. Это такие двухэтажные эклеры, которые, по-моему, любила только Каро. – Тут я не могла с ним не согласиться – гадость кошмарная, но сестра их обожала.

– Хорошо, что я не пошла.

– Жутко было сидеть там и видеть, как люди, которых пригласили на службу, жуют и наслаждаются жизнью. Для них это была просто еще одна вечеринка, и всё. – Он отвернулся к окну.

– Не понимаю, как Каро их всех терпела, этих типов. – Я вспомнила, чем меня всегда привлекал Тео: он тоже был мизантропом, как и я. – А мой отец тоже там был?

– Был. – Он снова повернулся ко мне: – Ты из-за него не пошла?

Я дернула плечом.

– Отчасти.

– Ты с ним так и не разговариваешь?

Я помотала головой:

– Не-а.

– Последние два года я тоже почти не разговариваю с отцом. Но с тех пор, как умерла Каро, он снова втянул меня на свою орбиту.

– А вы почему не разговаривали?

– Он не может простить мне, что я ушел из семейного бизнеса. До сих пор называет мой выбор «предательством». А вы почему?

Но мне не хотелось пускаться в объяснения, особенно в день похорон сестры.

– Мы с отцом никогда не ладили. – Вообще-то это была не совсем правда, но ничего, сойдет.

– С родителями много кто не ладит, но не все уходят из дома в пятнадцать лет, – возразил Тео. – Он пил, в этом было дело?

– Каро тебе рассказывала?

– Я знаю, что он из тех, кто распускает руки, – ответил Тео. – Не с тобой и не с Кэролайн – по крайней мере, она так говорила, – но он бил вашу мать.

Я кивнула, радуясь, что он все знает и мне ничего не надо объяснять. Сестра всегда защищала отца, поэтому я не общалась с ней несколько лет. Я, конечно, могла кое-что добавить к сказанному Тео, но в тот момент мне не хотелось даже открывать рот на эту тему.

– Кэролайн говорила, что у него были проблемы с алкоголем, поэтому он бил мать, – продолжил он. – Но она клялась, что это в прошлом. Я верил ей, иначе и близко не подпустил бы его к Тедди.

– Конечно, во всем виноват алкоголь, – буркнула я. Как это типично для Каро: алкоголь – зло, а тот, кто заливает его в себя галлонами, чист, как ангел... Я кашлянула. Пришла пора трудных вопросов. – Тео, один репортер на похоронах намекнул мне, что Каро могла принимать наркотики. Я знаю, это безумие, но...

– Она принимала лекарства. Разные. Ей прописал их врач. Пока неясно, могло ли какое-то из них плохо повлиять на сердце.

В его тоне я уловила желание оправдать себя и жену – и сразу напряглась.

– А что именно она принимала?

– С тех пор как родился Тедди, она пила антидепрессанты. Еще что-то от бессонницы, тревоги и головных болей... Да, и от изжоги.

О том, что Каро страдала от мигреней и послеродовой депрессии, я тоже знала, но во все остальное верилось с трудом. Сестра никогда не жаловалась на здоровье.

– И когда она начала принимать лекарства от тревоги?

– Не знаю. Она не обсуждала это со мной.

– А как насчет запрещенных...

Тео перебил меня, не дав даже закончить:

– Каро никогда не стала бы принимать ничего такого, я уверен. Насколько мне известно, крепче красного вина она ничего в рот не брала.

– Вообще-то я имела в виду не сестру, а тебя, – выпалила я, надеясь пробить его фасад спокойствия. – Раньше ты ведь был наркоманом, да? А в последнее время как?

– Нет, с этим давно покончено.

Он посмотрел на меня с нескрываемым удивлением. Оно и понятно: Тео не видел, в какого зверя превращался мой отец, стоило ему пропустить лишнюю рюмку; так откуда ему было знать о моих подозрениях – вдруг и он тоже, когда выпьет или уколется, становится эдаким вервольфом? К тому же я до сих пор не могла примирить в своем сознании две ипостаси Тео: принципиальный парень, сотрудник благотворительной организации, которая выявляет и возвращает на родину краденые артефакты, и тот, о ком писала мне Каро.

– За ланчем я выпил двойной скотч, – смущенно добавил Тео. – Боялся, что иначе не выдержу.

Он говорил искренне, но я решила не верить ему на слово.

– У тебя, наверное, есть копия отчета о вскрытии. Не покажешь?

– Никакого вскрытия не было.

Я даже подпрыгнула. Внезапная смерть сестры потрясла меня настолько, что мне и в голову не приходило задавать вопросы. А потом я получила письмо. Ее письмо. Которое все изменило.

– Но почему? Разве это не обязательная процедура в случае внезапной смерти?

– Только при подозрительных обстоятельствах.

Я с трудом сглотнула.

– А их не было, Тео?

Он ответил мне равнодушным взглядом.

– Чего не было?

– Подозрительных обстоятельств. – Я подалась к нему. – Может, ее убили?

Несколько мгновений мы с Тео напряженно смотрели друг на друга. Потом он небрежно поправил запонку, и я снова увидела на его запястье шрам. Каро мало рассказывала о муже, но намекала, что он весь исполосован шрамами.

– Думаешь, тот тип, с кем она встречалась, что-то с ней сделал? – спросил Тео.

Такого поворота я не ожидала. Я была готова к любой его попытке развеять мои сомнения, но не к тому, что он станет изобретать подозреваемого.

– А с кем она встречалась?

– В то утро Каро не просто отправилась на пробежку, – сказал Тео. – Ты ведь это знаешь, правда? У нее была назначена встреча.

Он говорил спокойно, но его слова врезались мне прямо в сердце. Мой зять только что обвинил мою покойную сестру в обмане – возможно, даже в измене.

– У нее никого не было, – выпалила я. – Она никогда не поступила бы так с тобой.

– Она хотела развестись, – парировал Тео. – Зачем тогда ей развод, если у нее никого не было?

Тут уже я уставилась на него, как ошалелая. Сипло каркнула:

– Развод?

На лицо Тео легла тень.

– Я думал, ты знаешь... – Он опять отвернулся к окну. – Но Кэролайн, видимо, никому не раскрывала свои карты. Даже тебе. Она что, вообще никому не доверяла?

– А когда ты об этом узнал?

– Пару месяцев назад.

– И ты был готов развестись?

Тео ответил так тихо, что я еле расслышала:

– Нет.

Машина подпрыгнула, и я осознала, что мы проехали широкие роскошные ворота кладбища Гринвуд в Бруклине. «Сейчас или никогда», – мелькнула у меня мысль. Все равно никакого более изящного способа я не придумала.

– Может быть, Каро захотела развестись, когда узнала о твоей первой жене? – выпалила я.

– Что ты сказала?

– Твоя первая жена тоже похоронена на семейном участке Трэкстонов?

Несколько секунд Тео прямо ел меня глазами.

– Так жена все же была, раз ты ничего не отрицаешь? – повысила я голос.

Он посмотрел на часы, затем в окно. Мне хотелось схватить его за лацканы дорогущего пиджака и встряхнуть так, чтобы правда выскочила из его черепашки, как горох.

– Где похоронена твоя первая жена, Тео?

– Какое тебе до этого дело?

Его ответ развеял мои последние сомнения. Сестра не сошла с ума. Предыдущая миссис Тео Трэкстон действительно существовала, но, видимо, унесла свою тайну в могилу.

– Я просто не знаю, что думать, Тео. Каро мертва. Твоя первая жена – тоже. Неужели полиция не увидела тут подозрительного совпадения?

В один миг между нами как будто выросла ледяная стена. Я поняла, что Тео больше никогда не захочет говорить со мной. Ну и пусть. Он уже сказал достаточно.

Машина остановилась, и Тео вышел, громко хлопнув дверцей. Конечно, мне следовало бояться его гнева, того, что он может сделать со мной, а главное, того, что может сойти ему с рук, – но в тот момент холодная ярость подпитывала мое бесстрашие. Он убил мою сестру. Значит, я должна добиться справедливости, даже если это будет стоить мне жизни.

Глава 6

Дейдре

На кладбище было как на минном поле: с одной стороны в меня метал гневные взгляды Тео, с другой – едва сдерживал злость мой отец. Я обрадовалась, когда ко мне подошел отец Тео.

– Как держишься, Дейдре? – спросил он.

Трэкстон-старший был элегантным мужчиной – я еще ни разу не видела его иначе, как в костюме с галстуком. Ростом он уступал сыну, глаза у него были не синие, а голубые, и волосы седые, а не черные, но в целом эти двое здорово походили друг на друга внешне. Зато различались характерами: Тео был замкнут, что называется, весь в себе – а вот его отец, напротив, открыт и всегда готов к общению.

– С трудом, – честно призналась я, но не стала добавлять, что причиной моего неважного самочувствия во многом является его сын, – не хотела, чтобы Тео слышал.

– Я тоже, – ответил Трэкстон-старший. – Приходи навестить нас, когда захочешь. Буду рад видеть тебя.

– Боюсь, что ваш сын не обрадуется, если я приду.

Отец метнул взгляд на сына.

– Ему право голоса не давали. К тому же его я и не зову. Я думал пригласить тебя к нам отобедать со мной, Тедди и Урсулой.

Урсулой звали мачеху Тео. У нее были серьезные проблемы с алкоголем, из-за чего я всегда ее побаивалась, но, сказать по правде, она еще ни разу не сделала мне ничего плохого.

– Конечно. С удовольствием. – Я оглянулась. – Тедди сейчас с вами?

– Нет. Я решил, что для малыша это будет слишком.

Я согласно кивнула. Для меня все это тоже было слишком.

Началась служба; ее вел тот же священник, что и в церкви. Чтобы не думать о том, как мою сестру опускают в сырую, полную червей землю, я стала разглядывать Тео, который не сводил глаз с каменного ангела, стерегущего семейные могилы. Ангел был девушкой: неизвестный мастер так постарался, вырезая ее платье и крылья за спиной, что на них были видны каждая складка и даже рисунок каждого перышка. Ее лицо было опущено, слезы готовы были пролиться на блок белого мрамора с крупной надписью «ТРЕКСТОН». Каждая могила была отмечена небольшой каменной табличкой.

Когда гроб Каро опустили в могилу, члены семьи должны были осыпать его розовыми лепестками, но никто не захотел это делать. Тео даже не подошел к яме, его отец и мой отец тоже держались поодаль. Я поняла, что на кладбище не хватает Джульетты: это было в ее духе – отказаться ехать в Бруклин. В общем, лепестки сыпали я и Джуд Лазаре, подруга Каро. Мы бросали их в могилу горстями, а они липли к полированной крышке гроба из красного дерева и тоже казались красными.

«Как кровь», – подумала я.

Едва короткая церемония завершилась, мой отец повернулся к могиле спиной и бросился вон с кладбища. Даже не задержался, чтобы сказать священнику пару слов – значит, сильно расстроен. Повертев головой в поисках кого-то, с кем можно поговорить, я остановила свой выбор на Джуд. Она стояла на пригорке, которых в Гринвуде полно, и разговаривала с какой-то женщиной. Я пошла к ним, и тут заметила мужчину – тот стоял неподалеку и явно наблюдал за похоронами. Незнакомец был высокого роста, светловолосый, в джинсах и в серой рубашке. Черные очки скрывали верхнюю часть лица. Я ожидала увидеть в его руках камеру, но он стоял, сунув их в карманы. Каро, конечно, не была знаменитостью национального масштаба, но в Нью-Йорке ее хорошо знали, так что ее похороны могли представлять известный интерес для таблоидов.

Странно, я как будто уже видела этого человека раньше, хотя не могла вспомнить, где. В нем определенно было что-то знакомое. Но он, увидев, что я приближаюсь, как будто смутился, повернулся ко мне спиной и пошел прочь, почти побежал.

Инстинктивно я двинулась за ним. Обвинения Тео были еще слишком свежи в моей памяти. Не может быть, чтобы Каро его обманывала. Моя сестра ни за что не поступила бы так бесчестно.

Тут я услышала голос Джуд – и буквально застыла на месте.

– Она сходила с ума, ей нужна была помощь. – Джуд говорила, стоя ко мне спиной, но ветер доносил до меня ее слова так ясно, как если б она обращалась прямо ко мне. – Но не такая, какую оказываешь ты.

Ее собеседница была афроамериканкой, высокой и гибкой; ее волосы с проседью были уложены в высокую прическу. Она говорила так тихо, что я разбирала примерно каждое пятое слово, не больше. «Не... помощь... дать... забыть...» М-да, так много не узнаешь.

– Это неправда, и ты не должна была ее поощрять.

Я шагнула к ним и успела услышать обрывок ответной реплики афроамериканки:

– ...слушала ее.

Наверное, мое движение привлекло внимание Джуд, потому что та тут же повернулась мне навстречу.

– Дейдре, – сказала она, делая ко мне шаг и неловко обнимая меня одной рукой. – Как ты?

– Вы – сестра Кэролайн? – Вторая женщина тоже повернулась ко мне и смотрела на меня теплым заинтересованным взглядом. – Для меня честь встретиться с вами. Кэролайн вас просто обожала.

У меня в горле встал ком.

– Спасибо.

– Я Адина Герштейн, – сказала она, сложив руки лодочкой и приблизив их к груди, точно в молитве. С тех пор как началась пандемия, многие стали использовать этот жест для приветствия, и мне он нравился даже больше, чем традиционное рукопожатие. – Сказать не могу, до чего мне жаль Кэролайн. Необыкновенная была женщина.

– Нам с Дейдре нужно поговорить, – сказала Джуд. – Извини нас, пожалуйста.

– О, конечно. – Адина тихо отошла, оставляя нас наедине.

– Прости, что я не подошла к тебе в церкви, – начала Джуд. Ее карие глаза покраснели, но в остальном она выглядела превосходно: простое черное платье, пиджак, темные кудри убраны в свободный

пучок на затылке. Из украшений лишь скромный серебряный крестик. Джуд родилась на Гаити, но ее детство прошло в Квинсе; с Каро они дружили со средней школы. – Как ты, держишься? Только скажи правду, не сочиняй.

– Что это за женщина? – спросила я вместо ответа.

– Это Адина, она руководит «Диотимой», – сказала Джуд. – Кэролайн много помогала им, еще с колледжа.

Название я узнала сразу – «Гражданское общество Диотима» не сходило у Каро с языка, – но теперь меня интересовало кое-что другое.

– Почему ты сказала, что Каро сходила с ума?

– О, нет, я вовсе не... в общем, это не Каро. Прости меня, Ди, но тебе показалось.

– А. – Я чувствовала себя глупо. Видно, столкновение с Тео не прошло для меня даром – я ищу подвох в каждом слове.

– И, знаешь, пожалуй, я тебя расстрою, – продолжила Джуд. – Но твой отец просил меня передать тебе это, и я ему обещала.

Она протянула мне руку – на ладони лежала квадратная коробочка из обычного коричневого картона.

– Что бы это ни было, мне это не нужно, – сказала я.

– Ты даже не откроешь?

– Нет. – Я ничего не хотела брать от отца и никому не собиралась объяснять почему. Хотя Джуд и была ближайшей подругой Каро, та вряд ли посвятила ее в то, что такое мой отец на самом деле, иначе она с ним не разговаривала бы. – Но мне нужно кое о чем тебя спросить. Ты знаешь, что Тео был женат раньше?

– О чем ты говоришь?

– У него была жена. Каро никогда об этом не говорила?

Лицо Джуд выразило замешательство вперемешку с любопытством.

– Ни слова. Так Тео разведен? – спросила она с ужасом. Джуд была воспитана в католической вере, и ее набожность порой проявлялась в самые неподходящие моменты. По-хорошему, надо было показать ей письмо Каро, но мне не хотелось заводить о нем речь, пока вокруг бродили Трэкстоны и их окружение.

– Нет, первая жена тоже умерла, – ответила я. – Я спросила о ней Тео – так он унесся, не сказав ни слова.

– Имей к нему снисхождение – у него такое горе...

– Он привез меня сюда и, пока мы ехали, только что не напрямую обвинил Каро в измене.

– Какой ужас, – прошептала Джуд. – Но что он сказал?

– Что у нее было свидание с мужчиной в то утро, когда она умерла. Представляешь? Чушь какая!

– Ты права. – Джуд пару раз моргнула. – Конечно, чушь.

Ее реакция меня встревожила: слова словами, но, похоже, сама идея не казалась ей такой уж безумной.

– Так что, Каро правда с кем-то встречалась?

Джуд серьезно задумалась.

– Она никогда ничего такого не говорила, но вообще-то ее и Тео практически ничего не связывало, кроме Тедди. Они жили каждый своей жизнью.

– И когда это началось?

– По-моему, через год после рождения Тедди. Как раз когда Тео оставил семейный бизнес.

– Вот и мне так кажется, – согласилась я. – Каро сказала тогда, что Тео считает себя выше своей семьи, а я подумала, что искать пропавших идолов, как это делал Индиана Джонс, куда круче, чем управлять сетью отелей.

– Тео больше заседает с разными директорами, чем бывает в древних храмах, – сухо сказала Джуд. – У Кэролайн было такое чувство, будто он бросил ее в беде.

– Это из-за послеродовой депрессии?

– Она боролась с ней, как могла, – ответила Джуд. – Рассказывала, что ей помогают свекор и свекровь, но не Тео. Он хотел, чтобы она везде ездила с ним. Ребенка в охалку – и вперед. А еще он хотел, чтобы она перестала работать в компании его отца и снова вернулась в журналистику. Но Кэролайн нужна была помощь. Родственники Тео ее поддерживали. А сам Тео – нет.

В словах Джуд была правда. Сестра Тео никогда пальцем о палец для Каро не ударила, но вот отец и мачеха помогали как могли. И Каро искренне их любила.

– Как ты думаешь, Тео мог причинить Кэролайн вред?

– Физически? Нет.

Меня так и подмывало показать ей письмо Каро. «Так почему не покажешь?» – спросила я себя. Не хотелось полоскать семейное

грязное белье на публике, вот почему.

– А ты знаешь, что Каро хотела подать на развод? – спросила я.

Джуд молча поджала губы. У нее зазвонил телефон.

Я остолбенела от изумления.

– Ты знала?

Джуд тронула меня за руку.

– Кэролайн взяла с меня клятвенное обещание никому не говорить, – объяснила она. – И клятва остается в силе даже теперь, когда ее нет. – Она взглянула на телефон. – Извини, мне пора. – Джуд работала в мэрии, и поэтому ей вечно надо было присутствовать как минимум в двух местах сразу.

Она снова неловко обняла меня.

– Если тебе что-нибудь понадобится, звони в любое время, ладно? – И добавила: – Пожалуйста, береги себя, Ди.

Джуд зашагала по зеленой траве прочь с недюжинной скоростью, учитывая, что на ногах у нее были шпильки. Глядя ей вслед, я думала, что ничуть не удивилась бы, если б оказалось, что ей сестра рассказывала куда больше, чем мне. В конце концов, они с Каро всегда были лучшими подругами, а я – только младшая сестра, которую Каро к тому же не видела несколько лет. Мы с ней, правда, подлатали дыру в наших отношениях, но причина наших разногласий осталась. И хотя я обычно притворялась, что все это неважно, на самом деле провал в несколько лет между нами всегда оставался ощутимым и причинял мне боль.

Глава 7

Дейдре

С кладбища я ушла последней. Все уже давно смылись, а я все наблюдала издали за могильщиками, которые лопату за лопатой бросали в яму грунт, заполняя пустоту вокруг гроба Каро. Мне хотелось плакать. Зря я не показала письмо сестры Джуд, надо было решиться и сделать это. Но мне все еще не верилось, что меня не разыгрывают. Я достала телефон и перечитала письмо.

По-хорошему, с ним надо было, конечно, идти к копам. Но с полицией Нью-Йорка я столкнулась еще подростком, и они произвели на меня такое отвратное впечатление, что я поклялась себе не иметь с ними дела никогда. И то сказать: ну принесу я им это письмо, и что? Они только смеяться будут. Им нужна информация, добыть которую я должна сама.

Значит, придется начать со «Склепа Озириса». После текста Карошла стандартная юридическая тарабарщина насчет тайны переписки и удаления последующих сообщений, что в данном случае выглядело плохой шуткой. Промотав еще дальше, я нашла адрес компании в Бронксе и сразу направилась к ближайшей станции метро, миновав по пути множество контор, предлагавших резьбу по камню и иные ритуальные услуги. Вот уж кому пандемия пришлась на руку, так это гробовщикам... Поезд R довез меня до Манхэттена, где на «Юнион-сквер» я пересела на экспресс 4 и поехала на север.

Метро выплюнуло меня у «Янки Стэдиум»^[4]. Ходили слухи, что матчи вот-вот возобновятся, но пока и сам стадион, и все его окрестности выглядели до того безлюдными, как будто здесь тайком взорвали нейтронную бомбу. Первые два квартала к востоку казались совершенно безжизненными: витрины заколочены, кое-где печально покачиваются на ветру вывески ресторанов. Признаки жизни появились только по ту сторону Уолтон-стрит: в парке Джойс Килмер сидели и прогуливались вокруг фонтана молодежь и люди постарше, а на ступеньках величественного здания суда Бронкса собралась целая толпа. Но дальше все снова как вымерло. Даже тротуары имели такой вид, будто по ним уже года три не ступала нога человека: бетонные плиты потрескались, в щелях проросла трава. Я свернула налево, на Шеридан-авеню: заколоченных витрин там было меньше, зато больше поручительских контор. Но в целом пустыня была такая, что я не удивилась бы, вылетев мне навстречу из какого-нибудь переулочка куст перекачанного поля.

— А как еще должно выглядеть место, откуда рассылают письма покойников? — подумала я вслух.

Входная дверь офисного здания была, разумеется, на замке. Еще бы — в таком районе, как этот, и пакет чипсов свистнут, если его не запереть как следует. Из стены у двери торчала ржавая кнопка звонка, рядом висел список компаний с номерами офисов. Судя по его виду, в

последний раз список обновляли примерно в год моего рождения, когда какая-то деловая колбаса, выслуживаясь перед начальством, раздобыла принтер для печати этикеток. Кстати, «Склеп Озириса» в списке не значился, зато был какой-то Джой Спа. Я стала тыкать во все кнопки подряд, пока в интеркоме не забулькал человеческий голос.

Меня впустили.

Я вошла – и едва не ослепла от яркой желтизны стен. В их жизнерадостности сквозило что-то безумное, как будто тот, кто выбрал такую краску, был уверен, что это привлечет в дом солнце. Берлогу «Озириса» я углядела сразу: на их входной двери красовалось увеличенное фотоизображение мертвого бога – такого же, как в письме, только зеленее. Дверь запиралась на цифровой замок. Я машинально нажала 9-5-7 – этот код придумал для такого же точно замка мой начальник: именно эти три цифры располагались на цифровой панели треугольником, удобным для пальцев. Замок тихо щелкнул, и я потянула на себя дверь.

Переступив порог, я чуть не села: стены приемной выглядели так, словно их щедро облили кровью марсианина. В соседней комнате, где с легкостью разместились бы человек двадцать, теперь сидели семеро – социальная дистанция – и самозабвенно стучали по клавиатурам. На стене красовался силуэт Озириса, нарисованный по тому же самому трафарету. Похоже, кому-то в фирме он очень нравился.

Никто даже не заметил, как я вторглась в их святая святых – наверное, потому, что все работали в наушниках. Я не спешила заявлять о себе, а пару минут внимательно разглядывала этих «рабочих пчелок» и думала. Ни одна мало-мальски приличная айтишная компания никогда не выдаст личную информацию клиента иначе как по решению суда. Значит, мне нужен союзник – тот, кто сообщит мне желаемое из сострадания или симпатии ко мне лично. Мой выбор остановился на женщине с карамельно-розовыми волосами и массивным серебряным кольцом в носовой перегородке.

– Привет, – начала я. – Меня зовут Дейдрэ Кроули. Я получила сообщение от сестры через «Склеп Озириса». Вы не можете мне узнать...

– Ноа! – заорала женщина, даже не поднимая глаз. – Еще одна!

Из-за перегородки в дальнем конце комнаты вынырнула мужская голова.

– Чем могу помочь?

– Я получила сообщение от сестры, Кэролайн Кроули-Трэкстон, – снова начала я, решив назвать обе ее фамилии сразу – вдруг одна из них освежит его память. – Она умерла на прошлой неделе.

– Соболезную, – слово скользнуло с его губ медленно, как капля тягучей патоки. – Я Ноа, комьюнити-менеджер.

Он выскользнул из-за перегородки – костлявый парнишка с рыжими волосами торчком, выстриженными площадкой на макушке. Его лицо украшала острая козлиная борода, отчего голова спереди походила на равнобедренный треугольник вершиной вниз. Образ довершали очки в массивной черной оправе, кольцо в брови и татуировка мандалы на предплечье – короче, типичный хипстерский образ.

– Дейдре Кроули, – я сделала к нему шаг.

– Эй, эй, – Ноа вскинул руки так, будто я пригрозила ему ножом. – Не так близко... Вот так.

– Хорошо, хорошо. – С тех пор как началась пандемия, люди нервничают, когда кто-то нарушает их личное пространство. Две или три «рабочие пчелы» оторвались от своих клавиатур и даже стянули наушники. – В общем, я здесь из-за сестры. Сегодня я была на ее похоронах – и получила от нее сообщение. В нем сказано, что если она умерла, значит, ее убил муж.

– Подождите, я дам вам бланк.

– Наверное, я неясно выразилась. Сестра написала мне, что муж хочет ее убить, и умерла. – Я сглотнула. Идя сюда, я старательно подбирала слова, чтобы рассказать все спокойно, без эмоций. Но совсем не рассчитывала, что здесь мне придется заполнять какие-то бланки.

– Погодите. – Ноа шмыгнул за перегородку, выскочил с листом ярко-зеленой бумаги и швырнул его мне: – Вот что вам нужно.

Я поймала листок в воздухе.

– Не исключено, что мою сестру убили. Она написала...

– Заполните бланк. – В лице Ноа не дрогнул ни единый мускул.

– В сообщении сказано, что ее муж, Тео Трэкстон, убил свою первую жену. Раньше я даже не слышала, что у него была жена. И никто о ней не слышал. Но это правда.

– Заполняйте.

Мышцы по всему моему телу как будто завязались в тугие узлы. В отчаянии я почти взмолилась:

– Скажите хотя бы, когда было создано ее сообщение?

– Мы не вправе выдавать информацию о клиентах. Это нарушение конфиденциальности.

– Но ведь она умерла.

Ноа пожал плечами.

– И чем мне поможет ваш бланк? – спросила я.

Ноа вздохнул так, словно разговаривал с тупицей.

– Мы проверим наши архивы и решим, какую информацию можем выдать.

Не скрывая разочарования, я вынула из сумки ручку. Вопросы в бланке были типичные: мое имя и адрес, имя и адрес моей сестры, причина запроса. Объясняя причину, я написала: «Моя сестра убита». Взяв у меня бланк двумя пальцами, Ноа держал его на отлете.

– Хорошо. А теперь идите. Ответ придет в течение тридцати дней.

Я даже поперхнулась.

– Тридцати дней?

– Послушайте, мы занимаемся хранением цифровой информации и гарантируем нашим клиентам полную конфиденциальность, – начал Ноа. – Мы не раздаем сведения о них первому, кто зайдет с улицы.

– Но в сообщении сказано, что во вложении есть файлы...

– Так просмотрите их.

– Я смотрела – и ничего не нашла!

– Значит, у вас нет права открывать их, – сказал Ноа. – Это тупик.

– Я решила обратиться сначала к вам, а потом в полицию, – сказала я, надеясь, что это подстегнет его к действию. – Хотите, чтобы они заявили сюда сами?

– Пусть приходят, я попрошу их заполнить бланк. – И Ноа захлопнул дверь у меня перед носом.

Я прислонилась к стене, борясь с дурнотой. Видимо, я обманулась, считая, что люди, едва услышав о трагической гибели моей сестры, тут же бросятся мне на помощь. Если и остальные поведут себя как Ноа, то надеяться мне не на что. А я-то уже размышляла, навоображала себе, как найду улики, принесу их копам и заставлю их заняться Тео. Но правда, от которой я пыталась убежать, догнала меня: я понятия не имела, что мне делать.

Из офисного здания я выходила, поджав хвост. Оказавшись на растрескавшемся тротуаре, не сдержалась и пнула ногой стену, потом еще раз и еще, пока нога не заболела. «Заставь его ответить за мою смерть, чего бы это тебе ни стоило», – написала мне Каро. Моя сестра верила в меня, но, похоже, напрасно.

Прихрамывая на ноющую ступню и чувствуя себя последней душой, я поплелась прочь, в направлении 161-й улицы. Через квартал услышала за спиной шаги. Обернулась – за мной спешил толстый парень.

– Подожди! – крикнул он и взмахнул рукой.

– Жду, – отозвалась я.

Этого парня я только что видела в офисе: он сидел в тесной кабинке, откуда торчала его бритая макушка да спина, обтянутая футболкой с надписью *Rough Trade*. Пока он шел ко мне, я разглядывала картинку у него на груди: что-то вроде обложки альбома с изображением двух андрогинных фигур, одной черной, а другой в белом костюме. Когда он поравнялся со мной, я поняла, что фигура в белом – женщина, причем невероятно привлекательная.

Парень проследил мой взгляд.

– Кэрл Поуп. Мой кумир.

Имя было мне незнакомо, но я кивнула:

– Классная футболка.

– Ноа – гад, – выпалил парень, слегка запыхавшись. – Он обозвал тебя стервой и разорвал твоё заявление, когда ты вышла.

– Зря я не дала ему в глаз... Может, вернуться и исправить ошибку?

– Ему и не такое с рук сходило, он же братишка шефа. – Парень продолжал пыхтеть. – Надо гулять почаще... Кстати, я Тодд.

– Дейдре.

Он протянул мне лист, сложенный вдвое:

– Вот, я тебе распечатал.

Я развернула листок. «Кэролайн Кроули – аккаунт создан 3 апреля в 15:25».

– За две недели до смерти, – сказала я. – А это что за цифры?

– Люди обычно создают аккаунт, а потом заходят еще несколько раз, правят сообщения, – начал Тодд. – Твоя сестра заходила несколько

раз третьего и четвертого апреля, потом одиннадцатого, один раз, потом не появлялась до пятнадцатого.

Я пробежала глазами столбец с датами и едва не задохнулась, увидев последнюю.

– Пятнадцатое апреля, пять семнадцать... Это же время ее смерти. – Я вытаращила глаза. – То есть сестра отправила мне сообщение прямо перед смертью?

– Написала она его раньше, – сказал Тодд. – Но были там какие-нибудь ранние версии или нет, я не знаю. Такая информация хранится на сервере, но чтобы извлечь ее оттуда, требуется постановление суда.

– А почему я получила письмо только через неделю после ее смерти?

– Сработала «кнопка мертвеца».

– Какая кнопка? – Вероятно, вид у меня стал такой, что Тодд отступил на пару шагов и вскинул руки, точно злого духа увидел.

– Только не психуй, – сказал он. – Ты что, никогда такого названия не слышала? Это вроде сигнализации. Пока хозяин заглядывает в свой аккаунт, все нормально. Но если проходит заданное время, а хозяин не появляется, то – бац! – «кнопка» срабатывает, и письмо отправляется куда надо.

– Значит, письмо ушло мне потому, что сестра больше не заглядывала в аккаунт?

– Ну да. Значит, у нее стояла недельная отсрочка.

У меня вдруг так защипало глаза, как будто в них впились невидимые мошки.

– Извини. – Я смахнула непрошеную слезу. – Ты мне так помог...

– Однако есть и плохая новость – «рука мертвеца» стерла все ее файлы, – добавил Тодд.

– Но ведь они хранятся на сервере, и если у полиции будет ордер, то они их получат, верно?

Он покачал головой.

– Мы не зря называемся «Склепом Озириса». Любое дерьмо, которое сдают нам на хранение, запечатано здесь надежнее, чем в банковском сейфе. То же и с этими файлами – их все равно что не было. Больше их никто не найдет.

Я растерялась. Сестра на меня рассчитывала, а я ничего не могу сделать...

– Зато я могу сказать тебе вот что: твоя сестра отправила три сообщения трем людям.

Я задумалась: если Кэрлайн написала мне, значит, должна была написать и отцу.

– Дай-ка я угадаю: второе имя Райан Кроули?

– Точно. Я не стал его распечатывать, ведь он твой родственник, и я подумал, что со своими ты как-нибудь разберешься. А мне лишние неприятности ни к чему.

– Понятно, – разочарованно протянула я, но не стала объяснять чужому человеку, что мне проще слетать на Луну, чем прочитав сообщение, посланное Каро нашему отцу. Они двое всегда находили общий язык. И Каро, когда ей нужно было выбирать между ним и мной, всегда принимала его сторону. – А третий, случайно, не Тео Трэкстон?

Тодд пожал плечами.

– Не знаю, может быть. В строке «имя» стоял крестик.

– В смысле, икс? – переспросила я. Насколько я помнила, своего мужа она звала либо Тео, либо Хитклифф.

Тодд снова пожал плечами.

– Я думал, ты знаешь... Я списал адрес, – он протянул мне другую бумажку, – и сообщение.

Дрожащими руками я развернула листок. На нем, черным по белому, было записано третье сообщение Каро:

«Если у меня не получится, сделай это за меня. На тебя вся моя надежда. От этого зависит будущее моего сына».

– Что за черт? – не удержавшись, выпалила я вслух.

– У меня самого волосы дыбом встали, – заметил Тодд. – Жуть какая, а?

Он был прав. Страх камнем сдавил мне желудок. Что затеяла сестра перед смертью?

Глава 8

Дейрдре

В тот вечер мне необходимо было выжечь избыток энергии, и я пошла в додзё, постучать по груше. Занятия уже закончились, но сэнсэй Хигаси держал зал открытым до одиннадцати, специально для тех, кто захочет прийти потренироваться самостоятельно. Он и сам был там – прыгал в углу через скакалку, вертя ее так быстро, что ее не было видно, только слышно, как она задевает за деревянный шершавый пол. Я трудилась над грушей, когда в зал вошла моя лучшая подруга Риган – ее отражение всплыло передо мной в зеркале.

– Как ты узнала, что я здесь? – спросила я.

– А где тебе еще быть в день похорон сестры? – ответила она вопросом на вопрос. – Предсказуемость – твое решающее свойство.

Давным-давно, когда мне и Риган было по семь лет, мы вместе пришли учиться карате именно сюда, в этот простой прямоугольный зал с зеркалами вдоль одной длинной стены. Над зеркалами висела фотография в рамке, с которой смотрел доктор Титоси, основатель школы карате тито-рю. Побелка как была, так и осталась грязно-серой – частично от старости, а частично из-за сигаретного дыма, который затягивало внутрь с первого этажа, из зала для пула. По стенам висели плакатики с изречениями вроде: «Лишь тот, кто достигает совершенства в простом, легко справится и со сложным». В семь лет я была цинична не по годам и считала такие высказывания заезженными банальностями. С тех пор мое мнение не переменялось.

– Составишь мне пару? – спросила я.

– Что? Драться против тебя, когда ты не в духе?.. Нет уж, уволь. – Риган опустила на пол спортивную сумку, которую до сих пор держала на плече. – Тигрица-мать думает, что ты опять живешь на одних протеиновых батончиках. Боится, что у тебя рахит от них будет. Вот, наготовила тебе всякого...

– Она – лучшая в мире, – сказала я.

– Легко тебе говорить, ты ведь с ней больше не живешь, – возразила Риган. – В прошлую субботу я проспала до восьми утра, так она прочитала мне целую лекцию о том, как я попусту растрачиваю свою жизнь. А когда я напомнила ей, что перед этим отпахала семидесятичасовую рабочую неделю, она толкнула речь на тему, сколько они с отцом вкалывали в моем возрасте.

– Это хорошо, что она такая крутая. – Маму Риган звали Вера, но для меня она всегда оставалась миссис Чен, даже в мыслях. Это была

женщина редкостной доброты, но таких безапелляционных суждений, что у человека непривычного от них захватывало дух. Она и Риган уже давно стали моей второй семьей, а теперь, после смерти Каро, ближе них у меня вообще никого не осталось. Еще в детстве, когда нам с Риган едва исполнилось по десять лет, у ее отца обнаружилась опухоль головного мозга, и Риган практически переселилась к нам. Болезнь протекала мучительно, и два года, до самой его смерти, Риган жила у нас. А позже, когда я порвала с родителями, они с миссис Чен взяли к себе меня.

– Она беспокоится за тебя. – Риган сложила на груди руки. – Ждала, что ты зайдешь к нам после похорон или хотя бы позвонишь... Но я объяснила ей, что ты будешь прятаться от людей, как раненая волчица.

– Дело не только в похоронах. Дело в том, что... – Слова не шли у меня с языка. Риган, хорошо зная меня, даже не пыталась помочь. Она подождала, пока я сделаю пару глубоких вдохов и выдохов и успокоюсь – еще один навык, полученный мной в этом зале. – Как, по-твоему, смерть моей сестры была случайной?

Риган и глазом не моргнула.

– Она умерла скоропостижно, о том, что у нее были проблемы с сердцем, никто не знал. Такая смерть вполне может выглядеть подозрительной.

– Более чем подозрительной.

– Это твои догадки или у тебя есть факты? – Риган работала аналитиком данных, и я еще не встречала человека, чья личность до такой степени соответствовала бы выбранной профессии. Моя подруга обладала уникальной памятью и могла дословно воспроизвести любой разговор, участником или свидетелем которого она была. А еще у нее была склонность подвергать сомнению любую информацию, которую она добыла не сама, и это иногда раздражало.

Мой телефон лежал у стены, на зарядке.

– Сегодня я получила сообщение от сестры, – сказала я, беря телефон и заходя в почту. Найдя там нужное письмо, показала его Риган.

Она так долго вчитывалась в текст, что я едва не потеряла терпение, а когда подняла на меня глаза, ее брови были нахмурены.

– Судя по слогу, писала твоя сестра, – сказала подруга. – Но ты точно знаешь, что письмо – не розыгрыш?

– Она намекает на то, что случилось с нашей матерью, – раз. – Я загнула палец. – Кто знает об этом, кроме нас двоих? Она называет меня Додо: никто меня так не называл, только она, да и то в детстве, – два. Я выяснила, что ее муж был раньше женат, – три. Что из этого кажется тебе сомнительным?

– Начало письма – «Я часто думаю о маме и о том, как не хочется верить, что и тебя постигнет судьба одного из родителей, пока это не случится» – звучит вполне убедительно. Я прямо слышу голос Кэролайн, – ответила Риган. – Но вот дальше, когда она требует от тебя призвать ее мужа к ответу, – как, интересно, она себе это представляла? Что ты должна сделать?

Я и сама ломала над этим голову.

– Может, она хотела, чтобы я пошла в полицию... Или поступила с Тео так же, как тогда с отцом...

– Ну уж нет. – Риган даже голос повысила. – Каро любила тебя, Ди, и не могла хотеть, чтобы ты натворила такое, за что тебя потом упрячут в тюрьму. Даже думать не смей.

Я вздохнула. Подруга была права.

– Каро написала мне потому, что знала: с ней что-то случится, – сказала я. – Что-то плохое.

– Резонно, – ответила Риган. – Но тут есть другой момент, который заставляет меня сомневаться, что это писала Каро: если она знала, что Тео убил первую жену, то почему продолжала жить с ним? На нее это не похоже.

И с этим нельзя было поспорить. Риган всегда любила загадки: фрагмент за фрагментом она соединяла кусочки информации, и те складывались в картину раньше, чем я успевала хотя бы нащупать детали, вот как сейчас. А может, я просто еще не была готова увидеть картину в целом.

– Когда я прямо спросила Тео, что стало с его первой женой, он испугался. Видно, не ожидал, что я вообще о ней знаю. Может, и Каро только что узнала? Может быть, из-за этого она и оказалась в опасности?

– Погоди-ка, – перебила меня Риган. – Когда это ты успела расспросить Тео?

– Мы вместе ехали в Гринвуд, в одной машине. И я решила: сейчас или никогда. Мне просто необходимо было узнать, правда ли то, что написала мне Каро.

– Когда-нибудь ты пройдешь зефирный эксперимент^[5], Ди. Но не сегодня. Ты сама лишила себя козыря в виде элемента неожиданности.

– Мне все равно.

– Ди, но если этот парень действительно разделался с женой, что он сделает с тобой, как ты думаешь?

– Мне все равно, – повторила я.

Риган отнесла сумку к стене и сходила за медболом. Этот тренировочный снаряд, некогда сферической формы, был сшит из кожи и набит свинцом, как мы всегда подозревали. Такие мячи есть в каждом спортзале, но наш, из додзё, был единственным в своем роде. Глядя на него, легко было поверить, что его держал в руках сам доктор Титоси, причем еще в те дни, когда жил в Кумамото. Это было настоящее чудовище Франкенштейна среди мячей: угловатый, весь в шрамах, грубо зашитых через край суровой нитью, крепкой, как рыболовная леска. Таким я увидела его в свой первый день в додзё, и с тех пор он ничуть не изменился.

Риган швырнула в меня мячом. Я поймала его, в значительной степени погасив силу удара собственным телом – по-другому с ним было нельзя.

– Что ж, инстинкт самосохранения тебе еще не изменил, – заметила Риган.

Я запустила мячом в нее. Риган была коротышкой – пять футов четыре дюйма, – зато накачанной, и легко поймала мяч.

– Сестра доверяла мне, – парировала я. – Она прислала мне сообщение с просьбой о помощи.

– Кэролайн могла послать сообщение отцу. Ты говорила с ним об этом?

Я чуть не выронила мяч. Иногда мне кажется, что у Риган есть шестое чувство. От нее бесполезно что-то скрывать – по-любому догадается и все из меня вытащит.

– Я ходила в компанию, которая переслала письмо. Вообще-то все они там задницы, но нашелся один парень, который помог мне. Каро действительно послала сообщение отцу, но я понятия не имею, что в нем.

– Но ты ведь можешь позвонить ему и спросить...

– Ага, щас... Было еще третье сообщение.

– Подруге Каро, Джуд? – тут же отреагировала Риган.

Я положила мяч на пол. Раньше я считала, что письмо ушло к Тео, но теперь поняла, что, скорее всего, третьим адресатом была именно Джуд.

– Вообще-то не знаю, – сказала я и достала из сумки листок. – Оно без имени, в графе адресата просто Х, а сообщение вот какое.

Скользнув по нему глазами, Риган удивленно вскинула брови.

– Чепуха какая-то. Это точно сообщение? По мне, так рандомный набор цифр и букв.

– Каро не была сумасшедшей.

– Час от часу не легче... С кем еще общалась твоя сестра?

Я пожала плечами.

– Понятия не имею.

– Может, полиция разберется?

– Я не верю копам.

– Что ж, неудивительно, учитывая твой опыт, – сказала Риган. – И все-таки обещаю тебе, что пойдешь в полицию. Ни в коем случае не пытайся сама наказать Тео.

– Думаешь, не справлюсь?

– Ди, послушай меня. Такие вещи в одиночку не делаются, – заговорила Риган настойчиво. – Если мы хотим добиться справедливости для твоей сестры, нам просто необходимо, чтобы полиция была в деле.

– Кто это «мы»?

– Мы – ты и я, – сказала Риган. – Вот глупая.

В горле у меня встал ком.

– Ладно. Завтра перед работой зайду к копам.

Глава 9

Дейдрэ

В ту ночь я долго лежала без сна, глядя в потолок и прислушиваясь к урчанию хозяйской стиральной машины. Сэйра

вечно бродила по дому часов до двух-трех утра – пылесосила, шаркала шваброй, отскребала стены. А мой сосед, Уилсон, даром что коротышка ростом мне по пояс, храпел, точно корабельная сирена. Перегородка между нашими комнатами, тонкая, как из папье-маше, от его храпа не спасала. Я помучилась, потом решила перестать притворяться, что сплю, и потянулась за компьютером.

Я хотела отправить два сообщения, и одно из них – таинственному Х, чей адрес дал мне Тодд. Впечатав его в адресную строку, стала писать: «Здравствуйте, я Дейрдре Кроули, сестра Кэролайн Трэкстон. Я знаю, что после ее смерти вы получили от нее сообщение, и хочу поговорить с вами о нем. Не могли бы вы написать мне на этот адрес? Или позвонить? Спасибо». Я добавила к письму свой номер телефона и нажала на «отправить».

С одним покончено. Второе будет сложнее.

Я зажгла свет, достала снимки сестры, просмотрела их и нашла тот, где Каро была сфотографирована с мужчиной, которого я не знала. «С Беном, в доме Кларксонов-Норткаттов в Хай-Фоллз, Нью Йорк». Я взгляделась в лицо мужчины. Красивое, но без изюминки, незапоминающееся: хорошая стрижка, светлая, покрытая ровным легким загаром кожа, правильные черты лица, безупречные зубы. Я поймала себя на том, что пытаюсь представить его в черных очках, примерить на него образ того незнакомца, который наблюдал за похоронами Каро в Гринвуде. Что ж, это мог быть он, а мог быть и кто-то другой.

В Сети оказалось много информации о Бене Норткатте. Он был репортером из разряда неустрашимых, получил Пулитцеровскую премию. Написал три книги о политике, наркоторговле и терроризме в Южной Америке тех лет, когда сам жил в Колумбии и Аргентине. На его веб-сайте были ссылки на статьи, написанные им для «Эсквайра», «Джи-кью», «Нью-Йорк таймс» и «Гардиан». Я прошла по ним и, не отрываясь, стала читать все подряд. Статьи были о коррумпированных политиках и наркоторговле, но в памяти остались лишь самые жуткие сюжеты – например, о торговле людьми, которых увозили для работы на шахтах и рудниках Колумбии и Венесуэлы; о детях-солдатах, страдающих посттравматическим стрессовым расстройством; о бандитах из Боготы, которые пичкали своих жертв специальными наркотиками, превращая их в зомби; о нацистских преступниках

времен Второй мировой, чье гнездо внезапно обнаружили в Аргентине...

Одним словом, этот Бен был однозначно крутым парнем. Впечатляло даже его фото на сайте: лицо серьезное, без тени улыбки, а рядом – гора из человеческих черепов. Собравшись с духом, я напечатала банальнейший текст: «Здравствуйте, Бен, это Дейдре, сестра Кэролайн Кроули, мне очень нужно поговорить с вами», – и добавила свой номер телефона.

Теперь оставалось только ждать.

Мне очень хотелось еще почитать Бена, но я напредила себе, что собиралась поискать статьи Каро. Когда она заканчивала школу журналистики САНИ в Нью-Палтце, мы не общались – мне было семнадцать лет, я жила с Риган и ее мамой, а за успехами Каро следила в Сети, читала кое-какие ее статьи для женских журналов и сайтов турагентств и жестко высмеивала их. Прошло два года, прежде чем мы начали общаться по-настоящему. Каро как раз только что сделала статью о Тео Трэкстоне для глянцевого журнала, название которого я не помню. Ее быстро перепечатали многие сетевые издания. Еще бы, с таким-то названием: «Наследник Трэкстонов или современный Индиана Джонс?». Ужас, с какой стороны ни глянь. Статейка была небольшая, из разряда «30-летние о 30-летних», но с целой россыпью настоящих самородных слов, какие никогда не встретишь в пафосной журнальной писанине. Кликнув на нее теперь, я увидела фото Тео – он стоял в неопреновом водолазном костюме на фоне разбитой каменной головы, поросшей водорослями. Я начала читать.

«Фамилия Трэкстон ассоциируется с роскошью. Отели Трэкстонов действуют в 38 странах мира, и можно предположить, что у наследного принца империи, Теодора Р. Трэкстона-младшего, или Тео, как он предпочитает себя называть, дел всегда по горло. И все же двадцатисемилетний Трэкстон, вице-президент семейной компании и топ-менеджер глобального масштаба, обзавелся времяемким хобби: он возвращает похищенные древности тем странам, из которых они были вывезены.

«Честно говоря, я никогда не хотел быть отельером, – признается он. – Об этом мечтал отец, а я завалил первую попытку, когда учился в Берлине». Позже Трэкстон все-таки поступил в Гарвард на курс ЭмБиЭй/ДжейДи, который закончил одним из лучших в группе.

«Я вовсе не собирался становиться законником, – говорит Трэкстон. – Но я вырос среди людей, которые всю манипулировали законом для достижения своих целей. И хотя мое образование не делает меня полноценным игроком на юридическом поле, оно помогает мне ориентироваться в этой системе». Первый успех на новом поприще ждал его в прошлом году, когда ему удалось помочь правительству Таиланда вернуть в страну несколько предметов керамики бан чианг – считается, что им по крайней мере 2000 лет – из одного американского музея, который предпочел остаться неназванным.

«Сегодня музеи очень внимательно относятся к провенансу выставленных у них предметов, но так было не всегда, – говорит Трэкстон. – В эпоху колониализма захват чужого культурного наследия был обычной практикой и до сих пор кое-где остается таковой».

Не исключено, что Трэкстон добился столь многого в таком молодом возрасте благодаря наследственности – его мать, Пенелопа Арчер, легенда лондонской театральной сцены, получила свою первую премию Лоуренса Оливье в восемнадцать лет за главную роль в «Ромео и Джульетте»; всем известна история о том, как его отец, Теодор-старший, приобрел свой первый пятизвездочный отель на деньги, выигранные в казино Монте-Карло. «Да, в нашей семье любят драматические эффекты», – подтверждает Тео. Но о своей личной драме говорить не хочет. «Самой драматической историей в моей жизни стал поход в берлинский зоопарк. Мне было тогда шесть лет, и я ухитрился забраться в вольер к тигру, – говорит он. – Мне еще повезло, я выжил и отделался только шрамами. Но драмы с меня хватит. Теперь я хочу лишь одного – сделать для мира хоть что-нибудь доброе».

Эту статью я перечитала дважды. В коллекции сестры нашлись и другие упоминания о Тео, но в совершенно предсказуемом, скучном контексте развития глобальной империи «Трэкстон интернешнл». В более поздних статьях имя Тео встречалось в контексте кампании за возвращение Греции мраморов Элгина, но и там не было ничего о нем как о личности. В колонке «Нью-Йорк таймс» я видела заметку о бракосочетании Каро и Тео, но не нашла в себе сил кликнуть на нее. Была еще пара фото из таблоидов, на которых Каро и Тео вместе блистали на каком-то благотворительном балу, и несколько снимков

Каро, неизменно безукоризненно одетой, но без мужа. «Светская львица Кэролайн Трэкстон в качестве хозяйки первого ежегодного благотворительного бала в помощь жертвам семейного насилия», – выскочил вдруг заголовок, под которым стояла подпись: Эбби Морел. Та самая, в розовом, которая прицепилась ко мне у церкви. Я открыла записку, но там не было ничего существенного: одни фото людей в роскошных нарядах. Кстати, благотворительной организацией, ради которой все это было затеяно, оказалось «Гражданское общество Диотима». Я вспомнила, что это название всплыло в нашем с Каро споре где-то год назад, когда я упрекала сестру в том, что она превратилась в корпоративного трутня.

«Ты же собиралась стать журналисткой, – говорила я. – Почему же теперь довольствуешься тем, что делаешь паблисити для сети отелей?»

«А я и была журналисткой какое-то время, и оказалось, что это ужасно, – призналась мне тогда Каро. – Я должна была либо писать пафосную чушь под своим именем, либо пахать до седьмого пота на кого-то другого, кому доставалась вся слава. И в том, и в другом случае я работала за гроши».

«Но ты же мечтала о журналистике...»

«Мечтала, но с тех пор многое изменилось. – Каро ни словом не обмолвилась о тех годах, когда мы не общались друг с другом, но их тень всегда висела над нами. – Сейчас я делаю больше добра, чем в те дни, когда занималась журналистикой. «Диотима» не смогла бы делать то, что они делают, без моих денег».

«Пока – да, – презрительно бросила я. – Но империя Трэкстонов, скорее всего, не перенесет пандемию».

Каро улыбнулась в ответ.

«Ты удивишься, но дела у них идут совсем неплохо».

Тут я захлопнула лэптоп и выключила свет. Воспоминания о сестре оказались такими болезненными, что у меня буквально заныло сердце. Физическая боль была мне не в новинку, меня не раз и не два здорово колошматили в спортзале, но та боль была ничто по сравнению с этим.

Слова, сказанные свояченицей, звенели у меня в ушах, пока я стоял возле могилы. «Каро мертва. Твоя первая жена – тоже. Неужели полиция не увидела тут подозрительного совпадения?» Это было так неожиданно, ее ярость была такой молниеносной, что я никак не мог это переварить.

Она застала меня врасплох. Больше такого не случится.

И все же ее слова преследовали меня весь день. Даже вечером, оставшись один у себя в спальне, я не мог выбросить их из головы и, чтобы отвлечься, стал рассматривать фотографии, которые покрывали целую стену. Одна привлекала меня особо: мы с Каро были сняты в лодке. Позади нас искрилось темно-синее Средиземное море, над нами раскинулась чистейшая лазурь неба. Кэролайн была в купальном костюме цвета мяты с накидкой в тон, скрадывавшей ее беременность. Мое тело полностью скрывал синий костюм из неопрена, оставляя на виду лишь лицо, кисти рук и босые ступни. Мы оба широко улыбались в камеру, опьяненные беспечной свободой медового месяца. Счастье было безоблачным.

А потом все изменилось.

Я разглядывал фотографию, которая внушала столько надежд, и пытался понять, где мы допустили первую ошибку. Сначала все ухудшалось очень медленно, а потом понеслось, как валун с горы. Прокручивая в памяти нашу короткую историю, как кинолентку, я отмечал на ней все моменты кризиса и неверные решения. Вот только думать о своих ошибках мне не хотелось; гораздо легче было злиться на Каро.

Стена с фотографиями – единственное, что отличало мою спальню дома от номера в любом из наших отелей, и я пытался отвлечься, разглядывая их. Вот малыш Тедди, новорожденный, а вот он же, но постарше, строит на пляже замок из песка. Вот моя мать в костюме Антигоны, которую она сыграла в театре в Вест-Энде, – черные волосы убранные вверх, как у богинь на греческих вазах, и подхвачены золотой диадемой; даже на черно-белом фото она смотрит пронзительно. Наверняка существовали какие-то ее снимки со мной, но я никогда их не видел. Мое детство было представлено на этой стене двумя снимками: на одном мы с Джульеттой стоим на лыжах,

мне пять лет, сестре – девять; на другом, сделанном примерно в это же время, мы на свадьбе отца и мачехи. И там, и там сестра смотрит в камеру угрюмо, а я – ошалело. На том месте, где раньше висела наша с Каро свадебная фотография, теперь пусто. Помню, как я порезал правую руку, когда разбил стекло кулаком и сломал рамку.

Воспоминание невольно навело меня на мысль о том, что я сделал со своей левой рукой утром в церкви. Конечно, ладонь мне перевязали, но боль все равно чувствовалась. Какой же я был эгоистичный дурак, что сделал с собой такое, ведь я нужен моему сыну живой и здоровый... Это студентом я мог позволить себе роскошь предаваться горю и резать себя, чтобы забыться. Теперь все изменилось.

Я вышел в коридор и на цыпочках подкрался к комнате Тедди. С тех пор, как я уложил сына в кроватку, он звал меня уже трижды. В последний из этих трех раз я застал его на грани слез: он потерял любимую игрушку, ушастого плюшевого кролика, который просто выпал между прутьями кровати на ковер. С тех пор как Тедди сказали, что его мамы больше нет, он вообще стал воспринимать как катастрофу любую потерю, даже самую пустяковую. Я приоткрыл дверь, заглянул в детскую и с облегчением выдохнул: сын спал, обеими руками прижав к себе своего Банни. Успокоившись, я тихонько прикрыл дверь и пошел к себе.

Тут на кухне что-то грохнуло – и кто-то коротко взвизгнул.

В несколько прыжков я спустился по лестнице и побежал в дальнюю часть дома. Цветок на стеклянной двери кухни был ярко-алым: внутри горел свет. Распахнув дверь, я увидел мачеху: она стояла на коленях и голыми руками выбирала осколки из лужи на полу. Я тут же почувствовал себя виноватым: надо было зайти сегодня к ней, а я забыл. Ее запястье было перетянута эластичным бинтом.

– Урсула, ты в порядке?

– Тео! Ну как, держишься? – ответила она и улыбнулась так широко, словно мы встретились в чьей-нибудь гостиной. Бриллиантовые серьги-капельки сверкали в ярком электрическом свете, красная помада размазалась по зубам. Зато платье на ней было черное и такое мрачное, как будто она наконец собралась на похороны.

– Что случилось?

– Ничего страшного, дорогой. Просто я разбила бутылку.

В коридоре раздались шаги, и на пороге кухни появилась Глория, няня Тедди, в пушистом розовом халате.

– Ой, миссис Трэкстон! Вы в порядке?

– Да в порядке, в порядке. Просто *ungeschickt*, как мне неустанно напоминает мой муж. – Урсула хотела сказать «неуклюжая». По-английски она говорила с акцентом, но так свободно, что люди обычно принимали ее за британку, а немецкие словечки слетали у нее с языка, только если она была пьяна в стельку.

– Давайте я уберу, – предложила Глория.

– Не надо, я сам, – отказался я. – Я так благодарен вам за все, что вы сделали сегодня, Глория... Вы даже не представляете, как много это для меня значит.

Глория подалась ко мне.

– Она все время приходит, – прошептала она. – Наверное, ваш отец урезает ее запас. – И, окинув Урсулу встревоженным взглядом, вернулась к себе.

Лужа вина растекалась по итальянскому кафелю. Я стал искать ведро и швабру, но не нашел.

– Там, в чуланчике, есть щетка с совком, – сказала Урсула так уверенно, как будто в этом доме жила она, а не я.

Я принес щетку и прибрался как мог. Пока я был занят, Урсула достала из холодильника вторую бутылку, аккуратно вынула пробку и наполнила стакан.

– Как твое запястье? – спросил я. – Отец говорил, что ты упала сегодня утром.

– Да, споткнулась и упала, – ответила Урсула. – Ничего страшного, обычное растяжение. Отец наверняка сказал тебе, что я была пьяна, но я была трезвая. Почти. Просто очень расстроилась из-за Кэролайн.

– Хорошо, что это было просто растяжение. Тебе надо быть аккуратнее.

– Это я должна спросить у тебя, как ты себя чувствуешь, дорогой, – сказала Урсула и надолго приложила к стакану с шабли.

Моя мачеха не была утонченной женщиной, причем с самого начала. Я сильно подозреваю, что после моей матери с ее непредсказуемым актерским темпераментом, которую все, кто ее знал, иначе как сложной натурой и не называли, отец с радостью взял в

жены ту, чьи запросы были просты и понятны, а главное, предсказуемы. Урсула любила деньги, драгоценности и алкоголь, хотя не обязательно именно в таком порядке.

– День был очень долгий, – сказал я.

– Долгий день, долгая неделя, долгий год, – подхватила Урсула. – Тянется и тянется, конца не видать, правда?

Не спрашивая, она взяла с полки второй стакан и плеснула в него вина для меня.

– Нет, спасибо.

– Зря отказываешься, тебе еще пригодится, – сказала она. – А ты что сделал с рукой?

Мачеха была права; я сделал долгий глоток. Что меня всегда поражало в Урсуле, так это ее наблюдательность: даже пьяная в дым, она замечала каждую мелочь.

– Это отец тебя прислал?

– Вот еще. Я перед ним не отчитываюсь.

– А я всегда думал, что ты отчитываешься перед Клаусом. – Урсула приходилась младшей сестрой Клаусу фон Штрому, бизнес-партнеру моего отца. Они были как инь и ян: отец – общительный весельчак, Клаус – суровый молчун.

– Перед братом, этим засранцем? – Припечатав брата таким словечком, Урсула изящно выгнула бровь. – Уверена, он на это рассчитывал, когда я выходила замуж за твоего отца. Все мужчины думают, что женщины существуют только для их удобства. *Arschlöchen!*^[6] – Она сделала еще один большой глоток. – Так что у тебя с рукой, дорогой?

– Погасил свечку сегодня утром, в церкви.

– Одну?

– Несколько.

Урсула допила вино и поставила пустой стакан на стол.

– Я думала, ты с этим давно покончил.

– Так и было. До сегодняшнего дня. – Я не врал; я перестал жечь и резать себя, когда родился Тедди. А в последние два года – с тех пор как я ушел из семейного бизнеса – мне даже думать об этом некогда было.

– Ты снова принимаешь наркотики?

– Нет. После клиники – ни разу.

– Я рада это слышать. – Урсула налила себе еще. – Потому что, когда ты это делал, было кошмарное время для всех нас.

– Я знаю, – тихо ответил я. Мы помолчали с минуту. – Мне надо у тебя кое-что спросить, Урсула. Кэролайн когда-нибудь спрашивала тебя о моей первой жене?

Мачеха грустно кивнула:

– Спрашивала. Месяца три назад. Мне показалось, она темнит.

– В каком смысле? – спросил я, прикидывая в уме сроки. Кэролайн впервые заговорила о разводе два месяца назад, но так и не объяснила, почему он ей вдруг понадобился.

– Она несколько раз приходила в дом твоего отца, искала фотографии... – Урсула пригубила бокал. Они с отцом жили в громадном особняке через дорогу от нашего, но мачеха почему-то упорно называла его «дом твоего отца». Дом, в котором жили мы с Кэролайн, был их свадебным подарком нам. – Однажды, когда мы с ней были одни, она вдруг спросила меня: «А где альбом с фотографиями с первой свадьбы, Тео?»

Я резко вдохнул.

– Как она...

Урсула подняла руку.

– Понятия не имею, дорогой, я рассказываю только то, что знаю. Кэролайн и меня тогда удивила, но она была слишком умна, бедняжка, и это не пошло ей на пользу. Я ответила: «Какой альбом?» Конечно, мне следовало бы сказать: «Какая свадьба?», но это уже не важно. Кэролайн спросила: «Разве Тео не был женат раньше?», а я ответила: «Конечно, нет». Она настаивала: «Разве не из-за женитьбы он бросил университет в Берлине?» Нет, пардон, она сказала «колледж», а не «университет». Я спросила, кто ей рассказал такую чушь.

– И что она ответила?

– Она притворилась, что это ты – да, да, ты сам, Тео, – дал ей какой-то намек. – Урсула закатила глаза. – Мой брат и мой отец служили в Штази^[7], а эта малышка думала меня провести?

Я хотел сказать, что Урсула, наверное, была пьяна во время их разговора – это и подало Кэролайн надежду, – но промолчал. Впрочем, пьяная или трезвая, мачеха читала меня, как открытую книгу.

– Ты думаешь, это из-за вина. – Она поднесла стакан к губам и, словно бравируя, сделала большой глоток. – Я храню секреты

Трэкстонов с тех пор, как мой брат пристроил меня в ваш дом. Я как сейф, и отмычки ко мне не подобрать. Я никому ни словом не обмолвилась о твоих... ошибках.

Я ненадолго закрыл глаза и увидел лицо Мирей, словно призрак, вызванный воспоминанием. Было время, когда я не мог думать ни о чем, кроме ее смерти, но потом понял, что мне придется жить дальше, хотя и с пятном на совести. Моя ошибка еще не лишала меня способности делать добро, а значит, искупать ее я мог хотя бы и до конца жизни. «Я полон тайных страхов», – прошептал голос, и я вздрогнул. Когда Мирей умерла, было столько крови...

– Тебе было тяжело тогда, Тео, – продолжала Урсула. – И нам всем тоже. Мы боялись, что потеряем тебя. Твой отец был в ужасе. Ты отошал, стал похож на призрак, как будто сам вот-вот умрешь...

– Может, не будем об этом? – попросил я.

– Извини, – сказала Урсула. – Я знаю, для тебя это тяжелая тема. Неудивительно, что ты чувствуешь вину. Но та женщина была настоящей дьяволицей. Она заслужила смерть. – Урсула осушила стакан и, наклонив голову, оценила уровень вина в бутылке. После секундного колебания слила остатки в стакан. – Я любила Кэролайн, – продолжала она тихо, и ее бледно-голубые глаза наполнились слезами. Нет, Урсула не собиралась оплакивать мою покойную жену, это был всего лишь побочный эффект алкоголизма, но тем не менее я знал, что она говорила искренне. – Конечно, я лояльна прежде всего твоему отцу и тебе, но я старалась помогать Кэролайн, чем могла.

– Конечно, Урсула.

– Было бы лучше, если б она вышла замуж за кого-нибудь другого, – сказала она. – Брак с Трэкстоном – чистое несчастье.

Я решил отнести это на счет моего отца, хотя знал – я тоже не подарок.

– Ты и Кэролайн так говорила?

– Думаю, что эти слова слетели с моих уст.

Даже моя мачеха, которая вырастила меня как собственного сына, считала меня монстром. Но разве я мог ее винить? Она знала все обо мне и о том, что я натворил.

– Есть лишь один человек, который ненавидит тебя так сильно, чтобы открыть этот ящик Пандоры из твоего прошлого, – добавила Урсула. – Вот уж кто радовался бы крушению твоего брака...

Я сразу понял, о ком говорит Урсула. Конечно, было немало тех, кто, стоя в сторонке, с удовольствием наблюдали бы, как разваливается на куски моя жизнь, но только один человек охотно приложил бы к этому руку.

Глава 11

Тео

Урсулу я проводил до самого дома, хотя он и стоял через дорогу от нашего, а после вернулся к угрюмому созерцанию фотографий на стене своей спальни. А как же мы с Мирей? Неужели не сохранилось ни одного фото, где мы вместе? В наш цифровой век, когда люди старательно фиксируют каждую заурядную трапезу, это кажется невозможным. Но мы с ней повстречались в особенно темный период моей жизни, и эта встреча ничего для меня не изменила – мое падение продолжалось. Еще подростком я начал принимать наркотики вроде кетамина и мидазолама, чтобы заглушить голоса, которые нашептывали мне на ухо разные слова, и стереть страшные картины из памяти. А когда к этой смеси добавился героин, меня затянуло в ад.

«Я полон скрытых страхов», – шептал самый настойчивый из моих голосов.

Я взялся за телефон. Правда, шел уже одиннадцатый час вечера, но доктор Хэвен работала допоздна. На третьем гудке она подняла трубку.

– Извините, что звоню так поздно. Это Тео Арчер, – представился я девичьей фамилией моей матери, которую взял, чтобы сохранить инкогнито. – Мне очень нужно, чтобы вы приняли меня как можно скорее.

– Мы можем поговорить прямо сейчас, если ситуация критическая, – предложила она. – Вы в порядке, Тео?

– Да, все хорошо, – солгал я. Но правда была в том, что я никогда не чувствовал себя спокойно ни в одном доме или отеле, которыми владела моя семья. Этот особняк нам с Каро подарили на свадьбу, но в документах его владельцем до сих пор значился мой отец. Правда, сейчас меня больше беспокоил не он, а другой родственник, вернее,

родственница: моя сестра, которая, как я знал, только и подстерегала момент, чтобы воткнуть нож мне в сердце. Когда Урсула сказала, что только один человек на свете мог рассказать Каро о моем прошлом, она имела в виду именно Джульетту. – Но если у вас есть свободное время завтра...

– Можно прийти к одиннадцати, однако у меня будет всего полчаса, – предупредила она.

– Я приду. Спасибо.

В юности я повидал немало психологов и психиатров, к которым ходил по настоянию отца, и быстро понял, что они передают моим родственникам каждое мое слово. Сестра и теперь еще обожала дразнить меня тем, что посылала мне по имейлу терапевтические рекомендации, которые должны были помочь мне преодолеть мой патологический страх перед животными, как она выражалась. После того случая в берлинском зоопарке, когда мне было три года, я так и не смог заставить себя переступить порог ни одного заведения с животными; зато мой сын, как назло, обожал зверей. Доктора Хэвен я нашел сам и держал встречи с ней в тайне. Правда, то, над чем мы работали с ней, не имело ничего общего с тем, к чему призывала меня Джульетта.

Вдруг я услышал глухой удар и вскочил. Звук шел из комнаты Тедди. Коридор я преодолел бегом и распахнул дверь детской.

Мое сердце пропустило удар: кровать была пуста.

Я щелкнул выключателем: в дальнем конце комнаты кто-то пискнул. Тедди и его сообщник, ушастый Банни, сидели на полу у шкафа с книжками.

– Что вы тут делаете? – спросил я. – А спать кто будет?

Тедди притянул к себе Банни.

– Ничего не делаем.

По полу вокруг него были разложены раскрытые книжки с картинками. А еще он держал что-то в руке и прятал это что-то от меня.

– Тедди, что там у тебя?

– Ничего, – повторил он.

– А по-моему, что-то есть. Покажи.

– Не могу, – ответил он.

– Почему?

– Мама сказала, что это секрет.

Я подошел ближе.

– Теперь все по-другому, Тедди. Мама больше нет, и ты можешь рассказывать мне любые секреты.

Сын уставился на меня умоляющими глазами, круглыми, как монеты по четверть доллара.

– А когда она вернется?

Я сел рядом с ним на коврик.

– Мне тоже хочется, чтобы она была сейчас здесь, с нами, Тедди. Но она больше не вернется, вот в чем штука. Теперь только ты и я.

Он прижал что-то к груди.

– Можно я посмотрю? – попросил я.

Сын протянул мне кулачок и разжал его. На раскрытой ладонке лежал золотой медальон в виде сердечка. Внутри оказалось фото Каро и ее сестры в детстве.

– Это фото мамы, – прошептал Тедди. – С тетей Ди. Они здесь маленькие.

– Очень красиво, – сказал я. – Ты взял его в комнате мамы?

– Нет! Мама сама оставила его здесь. – И он показал на шкаф.

– Почему она так сделала?

– Она говорила, что гремлины перекладывают все ее вещи. А здесь они его не найдут.

В последние месяцы перед смертью Кэролайн часто говорила странные вещи, обвиняла меня в том, что я лезу в ее жизнь.

– А мы можем пойти завтра в зоопарк? – вдруг спросил Тедди, и даже голос у него стал светлее.

– Может, сходишь с Глорией?

– Ты никогда не водишь меня в зоопарк. – Он крепче прижал к себе Банни. – Я с мамой пойду.

Мой сын заявил это так решительно, как будто последней недели и не бывало, или нам все приснилось. У меня чуть не разорвалось сердце.

– Ты понимаешь, что мамы больше нет, Тедди?

– А ты говорил, что видишь ее, – выкрикнул он пронзительно, и в его словах звучала неумолимая логика маленького ребенка. Но это была моя вина, я не сумел объяснить ему, что мама умерла. Когда он плакал, я утешал его мыслью о том, что можно сохранить образ того,

кого любишь, в своем сердце и видеть его как живого, хотя его и нет рядом. Глупо было надеяться, что мальчик неполных четырех лет от роду справится с такой сложной идеей; я и сам не справляюсь.

– Мы же сегодня провожали ее в церкви, Тедди, – напомнил я как можно мягче.

– Угу.

– Пора возвращаться в кроватку.

– Я не устал.

– А как же Банни? Он-то хочет спать или нет?

Тедди внимательно посмотрел на ушастого друга.

– Ты устал, Банни, – сказал он немного удивленно, словно пушистая зверушка ему ответила.

Я уложил обоих в кроватку и принес Тедди попить.

– Хватит приключений на сегодня, – сказал я. – Сладких снов.

– А где мама теперь? – спросил сын.

Мое сердце опять пропустило удар.

– Не знаю точно, Тедди, но там, где она теперь, очень хорошо. Лучше, чем здесь. – Раньше я никогда не мог понять, почему взрослые говорят такие банальности детям. А тут вдруг понял: мне нечего больше предложить сыну.

Глава 12

Дейдре

В восемь утра я уже была в 17-м округе, на Восточной 51-й улице, и ждала Луиса Вильяверде, того детектива, чьи слова о смерти Каро цитировала газета. Мои контакты с полицией ограничились тем, что они сообщили мне о смерти сестры, а опознанием тела и другими формальностями занимался кто-то другой – скорее всего, Тео.

Вильяверде приветствовал меня зубастой ухмылкой. Лет ему было около тридцати пяти, кожа оливковая, глаза темные. Невысокий рост при мускулистом сложении, кривоватый нос и шрамы на лице делали его похожим на бывшего боксера.

– Как держитесь? – спросил он.

– Вчера похоронили, – ответила я. – Тяжело.

– Со скоропостижной смертью всегда трудно смириться. Особенно когда умирают молодые, как ваша сестра. Чем я могу помочь?

– Я хочу поговорить с вами о деле.

– Каком деле? – Он скептически посмотрел на меня.

– Мы можем побеседовать с глазу на глаз?

Так мы оказались в комнате для допросов, где сели друг против друга за металлический стол на металлические стулья.

– Это чтобы граффити не рисовали? – вырвалось у меня при взгляде на металлическую крышку стола. Сразу вспомнился другой стол, деревянный, за которым меня допрашивали в пятнадцать лет; он был покрыт вязью инициалов и отборных ругательств в адрес копов.

– Нет, чтобы клопы не ползали, – ответил Вильяверде. – Так о чем вы хотите со мной поговорить?

– Как идет расследование?

– Никакого расследования нет. – Он посмотрел на меня озадаченно. – Ваша сестра скончалась от сердечного приступа, если говорить по-простому. К сожалению, болезнь сердца развилась у нее еще во время беременности.

– Какая болезнь? – Теперь озадачена была я, но меня вовремя озарило. – Погодите, это вы про давление, что ли? Когда она носила Тедди, у нее было высокое давление. Но после родов оно вошло в норму.

Коп пошелестел листками на своей желтой дощечке.

– А вот ее доктор утверждает, что не совсем. Аритмия стала ее постоянной проблемой. Видимо, ваша сестра просто никому об этом не говорила. Даже ее муж не знал. И отец.

Я впервые в жизни услышала о том, что у Каро были проблемы с сердцем.

– Поверить не могу, чтобы все было настолько серьезно. Она бы сказала.

– Она жила бы и дальше, если б не ударилась головой, – продолжал Вильяверде. – Считается, что сотрясение мозга влияет только на мозг, но оно затрагивает и сердце. Учащаются сокращения. Конечно, то, что случилось с вашей сестрой, – это трагедия, но мы убедились, что с причинами смерти все чисто; значит, дальше уже не наше дело.

– Но откуда вы знаете, что все чисто? – накинулась на него я. – Почему не было вскрытия?

– Послушайте, люди почему-то считают, что в полиции вскрывают всех покойников подряд, – возразил Вильяверде. – На самом деле вскрытие обязательно только при насильственной смерти. Во всех остальных – по желанию семьи покойного. Мы предлагали; муж вашей сестры ответил «нет».

Конечно, Тео отказался. Теперь, что бы он ни сделал с Каро, все осталось в тишине и тайне.

Я вытащила распечатку письма Каро.

– Вчера я получила от сестры письмо. Она писала его прямо перед смертью. Вот, прочтите, – я подвинула листок к нему.

– Вы получили это вчера? – Он недоверчиво приподнял бровь. – Но ведь она умерла неделю назад.

– Каро устроила так, чтобы письмо ушло только в случае ее смерти.

– Откуда нам знать, что это она писала? В Сети сейчас что угодно можно подделать.

– Никто, кроме моей сестры, не мог оставить таких указаний на наше с ней прошлое.

Детектив еще раз пробежал глазами листок.

– Она называет вас Додо. Это прозвище?

– Так меня звали, когда я ходила в детский сад. Ее – Каро, а меня – Додо. – Полицейский, по обыкновению, сосредоточился на самом неинтересном. – Но главное не это. «Я часто думаю о маме и о том, как не хочется верить, что и тебя постигнет судьба одного из родителей, пока это не случится». – Я перевела дух. – Это фраза из письма, которое много лет назад написала наша мать. Увидев ее, я сразу поняла, что это сообщение от сестры. Потому что на свете нет больше никого, кто знает все об этом.

– О чем «об этом»?

Мне было бы легче раздеться перед ним до трусов или сигануть в окошко, чем рассказать ему правду. Но выбора у меня не было.

– Наш отец бил нашу мать. Ругались они постоянно, скандалы часто переходили в драки. Особенно если он напивался, что в те времена случалось нередко.

– Вы обращались в полицию?

Я расхохоталась, но тут же оборвала смех.

– Нет, мы с Каро должны были делать вид, что все нормально. В нашей семье не считалось большим грехом, если отец поднимал руку на мать, зато рассказать об этом чужим было бы настоящим преступлением. – Мои родители иммигрировали в Штаты из Северной Ирландии; для них не было ничего важнее, чем их драгоценный кодекс молчания.

– А вас с сестрой отец когда-нибудь бил?

– Нет. Мы же девочки, так что наказывать нас должна была мать.

– Значит, вас била она?

– Это уже не ваше дело. – Слова буквально сами сорвались у меня с языка, но я пришла в полицию не затем, чтобы говорить о матери. Она умерла от рака незадолго до рождения Тедди. У нас было немало разногласий, но я всегда любила ее.

Полицейский нахмурился, но проглотил и это.

– Насколько далеко у вас все зашло с отцом?

– Когда мне было пятнадцать, я нашла письмо. Его написала мама – на случай если с ней что-нибудь произойдет – и положила в семейную Библию.

Я склонила голову низко, как на исповеди. Строчки того письма и теперь стояли у меня перед глазами. «Райан Кроули не плохой человек, но он способен на очень плохие поступки. Если когда-нибудь меня найдут избитой в кровь или я умру от «случайного» падения с лестницы, знайте, что это дело рук моего мужа. Он будет раскаиваться, но поздно. Пожалуйста, берегите моих девочек. Я люблю их».

Дрожь прошла у меня по телу при одном воспоминании об этом, даже столько лет спустя. Каро тогда уже не жила с нами, она училась в колледже, и я в панике позвонила ей туда, не зная, что делать. Но сестра приняла мое сообщение на удивление равнодушно. «Положи письмо туда, где ты его нашла, – сказала она мне, – и сделай вид, будто в глаза его не видела».

«Но как? – рыдала я в трубку. – Ведь он же убьет ее рано или поздно».

«Не драматизируй, – ответила Каро. – Просто они так живут. А ты не обращай на них внимания, живи своей жизнью».

Коп хрустнул костяшками, возвращая меня к реальности.

– Ладно, – сказал он и протянул мне листок с распечаткой письма.

Утром я встала ни свет ни заря, чтобы успеть воспользоваться принтером, пока хозяйка спала. «Если ты читаешь это, значит, я умерла. Как бы ни выглядела моя смерть, она не случайна. Тео уже убил одну жену, и это сошло ему с рук. Заставь его ответить за мою смерть, чего бы это тебе ни стоило».

Он кашлянул.

– Кто была эта первая жена?

– Раньше я ничего о ней не слышала, – ответила я. – Но вчера спросила о ней Тео. Он не назвал мне ее имени, но и не отрицал, что был женат прежде.

– Он сообщил вам какие-то подробности?

– Я спросила его, где ее похоронили: на том же кладбище, что и Каро, или нет. Тео сказал, что нет.

– И всё?

Даже я была вынуждена признать, что это звучит слабовато.

– Он разозлился. И удивился, что я знаю. Но я могу расспросить его подробнее. Просто тогда мы с ним стояли уже у самой могилы, неудобно было наседать. Я...

– Вам ничего не придется делать.

– Но я могу...

– Это наша работа, Дейрдре. Предоставьте все нам.

– И что вы собираетесь делать?

– Проверим, была ли жена, – сказал Вильяверде. – Если найдем что-нибудь серьезное, то откроем дело.

– О первой жене вы ничего не найдете, – сказала я. – Я всю ночь не вылезала из интернета, искала любую информацию о Трэкстонах. Но не нашла ни одного упоминания о том, что Тео был женат раньше.

– Если был, то мы узнаем. Остаются еще бумажные следы.

До чего же мучительно было слышать это «если». Я выпрямилась на стуле, подозревая, что, как только за мной закроется дверь, он расскажет обо всем напарнику, и они вместе посмеются надо мной.

– У Тео есть алиби?

– Что у него есть?

– Алиби, – повторила я. – Какое?

– Он был в командировке в Таиланде, – сказал Вильяверде. – Но нам не пришлось проверять ничьих алиби, ведь смерть вашей сестры зафиксировала камера наблюдения.

Мне вспомнилась строчка из статьи: «Во время пробежки покойную неоднократно зафиксировали камеры наружного наблюдения с разных точек; в записях ничего подозрительного нет». Ну и что? Разве не мог кто-то неизвестный причинить ей вред в таком месте, которое не просматривается камерами? Что если ее сердце отказало не только из-за аритмии? Я ломала голову, как высказать свое подозрение так, чтобы не показаться копу чокнутой.

— У нас есть пленка с записью пробежки вашей сестры в то утро, на ней почти всё, от начала до конца, — сказал Вильяверде. — Мы последовательно сняли показания со всех камер, мимо которых она пробегала. Хотите взглянуть?

«НЕТ», — завопил мой мозг. Я не хотела смотреть, как умирает моя сестра. Хуже этого ничего и вообразить было нельзя. Но я согласно кивнула:

— Давайте.

Словно в трансе, я дошла вслед за Вильяверде до его стола, села, и на большом компьютерном мониторе тут же замелькала зернистая черно-белая запись — Каро. На ней был черный облегающий топ, легинсы, пышная белокурая грива собрана в хвост на затылке. На моих глазах сестра подбежала к пустынному перекрестку и встала, прижав ладонь к центру груди.

Ощущение было такое, будто я смотрю фильм ужасов, только заранее знаю, каким будет последний кадр.

— Единственное, что показалось нам странным, это что она повернула к зданию ООН, — сказал Вильяверде. — Няня ее ребенка утверждает, что она предпочитала бегать в Центральном парке. Вы не знаете, почему в то утро она побежала на юг?

— Нет, — шепотом ответила я, не в силах оторвать взгляд от экрана.

Я наблюдала за бегущей Каро, за гримасой боли на ее обычно спокойном лице. Знала ли она, что вот-вот умрет?

— Вот это самая тяжелая часть, у Стены Исайи, — заметил Вильяверде.

Каро опять прижала руку к груди, постояла так, но потом все же заставила себя подняться по лестнице и скрылась наверху.

Я боялась даже моргнуть, чтобы не пропустить чего-нибудь, и ждала, что будет дальше.

— Куда она пошла?

– Там, наверху, площадка, а потом лестница продолжается. На этой площадке слепое пятно – камеры его не видят, – прокомментировал Вильяверде. – Но она сейчас появится. Можно перемотать...

– Нет. – Я хотела увидеть все как было.

Секунды тикали. Пот тек по моей шее. Вот и Каро появляется на верхней ступеньке лестницы, выпрямляет спину, перекачивает голову с одного плеча на другое, разминая шею. Делает четыре шага и снова исчезает. Следующая камера оказалась дальше. Она показала, как сестра перелезает через какую-то изгородь высотой ей по пояс и исчезает.

– Куда она пошла? – спросила я.

– В парк. Там камер нет. Но пока она была там, эта камера никого больше не зафиксировала. – Тут детектив все же перемотал изображение вперед. – Пять минут ничего не происходит. А потом – вот это...

На экране появилась сестра: теперь она шла медленно, опустив плечи, словно старуха, прижав левую руку к груди, а правой держась за затылок. Снова исчезла. Следующая камера показала ее уже у Стены Исайи. Вдруг она прижала обе руки к сердцу, сильно вздрогнула и, описав изящный четвертной поворот вокруг своей оси, упала. Изображение исчезло, тело ударилось о каменную площадку лестницы. Видео, конечно, было без звука, но я легко представила себе этот тошнотворный стук.

– Видели, как она схватилась за сердце? – спросил Вильяверде. – В тот момент оно как раз остановилось. Потому она и упала.

– А почему она держалась за затылок?

– Голова, наверное, закружилась – из-за сердца.

– А на голове не было раны?

– Я же говорю вам – сотрясение мозга, – сказал коп. – Вы видели, как она упала? Она сильно ударилась о ступеньки.

У него на все был готов ответ, но из увиденного он и я делали разные выводы. Я была твердо уверена в одном: существовала какая-то причина, почему Каро в то утро не бегала по парку, как всегда, а выбрала другой маршрут, в сторону ООН, но никто так и не удосужился эту причину найти.

– В этой истории чего-то не хватает, – сказала я. – Зачем она вообще пошла в тот парк на верху лестницы?

– Честно говоря, я думаю, что у нее была назначена там встреча, – сказал Вильяверде.

Я чуть не задохнулась.

– Почему вы так решили?

– Вот список того, что было на ней и при ней в момент смерти. – Он вытянул откуда-то папку. Перед глазами у меня плыло, но я все же различила слова: «Часы («Картье»). Обручальное кольцо с бриллиантом. Сережки-гвоздики с бриллиантами. Карта памяти».

– Карта памяти? – удивилась я. – Она же вышла побегать. У нее в руках ничего не было.

– На поясе ее легинсов был потайной кармашек на молнии, – пояснил полицейский. – Знаете, для ключа от дома или кредитки. Но у вашей сестры лежала там только карта памяти.

– Где она теперь?

– У ее мужа, – ответил Вильяверде. – Все вещи покойной забрал Тео Трэкстон.

Глава 13

Дейдре

Знаю, глупо было идти прямо из полиции туда, где умерла моя сестра. Прошло уже больше недели. Что я могла там найти? Но мне хотелось своими глазами увидеть это место.

Знакомое всему миру по многочисленным фото здание ООН с разноцветьем флагов всех стран, реющих перед ним на флагштоках, находится севернее того места. Прямо напротив – Секретариат Объединенных Наций: небоскреб огромной зеркальной костяшкой домино возвышается над плоским берегом Ист-Ривер. Каро упала возле Парка Ральфа Банча – крохотного зеленого оазиса, названного в честь первого афроамериканца, лауреата Нобелевской премии мира. Извилистая Стена Исайи справа немного не доходит до спиральной лестницы, ведущей наверх. На стене выбит стих из Библии:

«Перекуют мечи свои на орала и копья свои на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать»^[8].

Мне, конечно, близка и понятна антивоенная направленность этой цитаты, но тогда я готова была поднять меч за свою сестру. Копы, по-видимому, не собирались меня слушать. «Заставь его ответить за мою смерть, чего бы это тебе ни стоило», – написала Каро, имея в виду своего мужа. Но я пока не видела, как это сделать. Непонятно было даже, причастен ли Тео к ее смерти. Что же заставило сестру написать мне такое паническое письмо на рассвете, незадолго до гибели?

Я хотела пойти домой и еще раз просмотреть ту карту памяти, которую получила от Каро. Наверняка там есть что-то такое, чего я не заметила. Но ровно в девять утра зазвонил телефон, напоминая, что пора на работу. В день, когда умерла Каро, я взяла выходной за свой счет, и в день похорон тоже. Больше терять деньги я не могла. Я работала в компании «Снапп», обслуживающей тех жителей Нью-Йорка, которые так заняты, что им даже туалетной бумаги себе купить некогда, а потому перепоручают шопинг и другие дела по дому посредникам. Конечно, таких посредников в городе миллион, но «Снапп» отличается от других тем, что его работники не только привозят покупки, но еще и раскладывают их по местам. Вот этим я и занималась. На жаргоне «Снаппа» я была куратором. Напыщенное наименование для того, кто весь день вскрывает упаковки с мылом и зубной пастой, извлекает из них содержимое и, предварительно протерев, расставляет и раскладывает по полочкам в олимпийских размеров ваннных комнатах, ароматизированных свечами, которые стоят больше, чем я трачу на еду в неделю. Для большинства моих клиентов я что-то вроде дружелюбного привидения: они никогда меня не видят, а мне только того и надо. Девиз нашей фирмы в ватсапе: «"Снапп", и все готово». Обычно я общалась с клиентами через электронную почту или СМС-сообщения. Многие на них даже не отвечали.

Эсэмэска прилетела от моего босса, Джен Ксера, – сердитого типа с вечно засаленными волосами и такими короткими ручками, что его, естественно, прозвали Ти-Рексом. Он ненавидел всех своих подчиненных, и его чувство было взаимным. Эсэмэска гласила: «ЧЗХ, Д? Какого хрена ты делаешь в Тюдор-Сити?»

Я оскалилась. Самым большим минусом моей работы в «Снаппе» было то, что начальники вечно шпионили за моими передвижениями. «Ходила в полицию, насчет сестры», – написала я.

Ответ Ти-Рекса прилетел мгновенно: «Ты вчера брала выходной на похороны».

Я почувствовала, как кровь прилила у меня к щекам.

«Полиция начала расследование ее смерти, – настрочила я. – Дело серьезное. Я уже еду на работу».

Я писала, а сама двигалась на север. До квартиры в Саттон-Плейс, где я должна была быть, оставалось всего с полмили.

«Безответственность грозит последствиями», – написал Ти-Рекс в ответ.

Скрытая в его словах угроза заставила меня сжать кулаки. Вот ведь мразь, знает, как достать меня посильнее...

В «Снаппе» я начинала в должности марафонца – это человек, который доставляет тяжеленные сумки с покупками от магазина до дома клиента, – но во время пандемии меня повысили: клиенты пускали в свои квартиры только сотрудников с подтвержденным наличием антител. Я переболела одной из первых, потом регулярно сдавала тесты, результаты которых действовали на людей настолько успокаивающе, что компания даже повысила цену на мои услуги. Стоит ли говорить, что, даже когда большинство привились, расценки не упали. Вообще работа была странная: я, минималистка по жизни, которая терпеть не могла лишнего барахла, расставляла продукты на кухнях клиентов, держащих не меньше десятка сортов одной лишь поваренной соли.

Моей первой клиенткой в тот день была одна пожилая леди, которая мне нравилась, хотя я никогда в жизни в глаза ее не видела. Она всегда оставляла мне хорошие чаевые, а большая часть покупок, которые я у нее раскладывала, предназначалась не ей самой, а трем ее шнауцерам, и это ужасно меня подкупало. Поработав два часа у нее, я прошла шесть кварталов до другой квартиры: там жили трое детей, и, судя по хаосу, который царил в доме, они были настоящими разрушителями – куда там до них собакам... Сумки с покупками, которые доставил марафонец, уже ждали меня у привратника. Покончив с ними, я съела протеиновый батончик и проверила почту. От таинственного X ничего не было, и я отправила ему еще одно

письмо. Зато Джуд прислала милую записку: «Как ты? Просто хочу убедиться, что все в порядке. Обнимаю».

Я слегка поморщилась. Обнимашки, даже виртуальные, всегда меня смущали.

Все это я проделывала на ходу. Моя работа была расписана по часам, и перерывы в плане не стояли.

До середины дня все шло нормально. Правда, моя работа всегда казалась мне довольно бессмысленной, и это отупляло, но, с другой стороны, ее монотонность позволяла мне оставаться наедине со своими мыслями. И с людьми почти не надо было общаться, что меня как раз устраивало. Но, увидев адрес моего следующего клиента – Бикман-стрит, в трех кварталах к центру от Сити-Холл-Парк, – я написала Ти-Рексу:

«Я туда не пойду», – коротко и прямо.

И получила такой же прямой ответ: «Пойдешь. Считай, что это твое наказание».

«Нет. В прошлый раз ОСБ пытался потереться об меня».

В нашем обмене информацией произошла небольшая заминка.

«Мне казалось, ты можешь о себе позаботиться», – пришел наконец ответ.

На меня он подействовал, как красная тряпка на быка.

ОСБ – это Обри Саттон-Брейтуэйт, известный среди работников «Снаппа» как худший человек в мире. Ему было двадцать девять лет, из которых он не проработал ни единого дня, и все благодаря отцу, управляющему хедж-фонда. Однако отсутствие работы не помешало Обри сделать весьма впечатляющую карьеру, хотя и особого рода. Еще подростком он стал подозреваемым в деле о многочисленных поджогах в курортных поселках на Лонг-Айленде. Его не раз арестовывали за вождение в состоянии опьянения. По меньшей мере две женщины подали на него в суд и добились судебного запрета на любые его контакты с обеими. Стоит ли говорить, что в тюрьме он также не провел и дня. Обри был как блуждающая раковая клетка: где зацепится, там все пойдет прахом, а ему самому вреда никакого. А еще он всегда был дома, когда я приходила к нему работать. Тот день не стал исключением.

– Дейдре. – Открыв мне дверь, он обшарил меня взглядом. Глазки у него были маленькие, близко поставленные, и это придавало

ему жульнический вид. В любом выпуске «Их разыскивают в Америке» обязательно был эпизод, посвященный исключительно его подвигам. – Славные сапожки. Что, никак подрабатываешь в клубах фетишистов?

– Заткнись, Обри.

«Снапп» уже расстался примерно с дюжиной женщин-кураторов, которые предпочли уволиться из компании, лишь бы не ступать больше ногой в его логово. Худший человек в мире не позволял присылать к нему кураторов-мужчин, а компания притворялась, будто вовсе не потворствует харассменту. В конце концов, разве удовольствие клиента – не главная цель компании? Вот почему, вместо того чтобы прекратить всякие отношения с Обри, как положено ответственному работодателю, мой босс регулярно подсылал ему меня, когда была такая возможность. Я терпела – с одной стороны, визиты к Обри оплачивались в тройном размере, а с другой – я же знала, что всегда смогу напирать ему, если что. «Просто не поворачивайся к нему спиной, вот и всё», – советовал мне Ти-Рекс, как будто речь шла о диком звере.

Я, как буря, пронеслась по квартире и плюхнула оставленные марафонцем сумки на итальянский кафельный пол в кухне. Квартира Обри сама по себе выдавала хозяина с головой. Представьте себе высоченные потолки, колонны, лепнину, дорогушие картины на стенах – в гостиной, например, висело полотно Ротко, составляя серьезную конкуренцию потрясающему виду из окон, – добавьте ко всему этому смесь пота, протухшей пиццы, сладковатый душок марихуаны, и получите фирменный аромат: дом студенческого братства наутро после знатной попойки сынков богатеньких родителей. Общее отвратительное впечатление ничуть не улучшало то, что буквально на каждой горизонтальной поверхности валялись скомканные грязные полотенца, заскорузлые штаны, футболки и разный спортивный инвентарь.

– Что, снова уборщица уволилась? – спросила я.

Обри хрюкнул в ответ. Дальше этого наше общение не заходило. Мне жутко хотелось сбежать, но надо было браться за работу. Обри стоял футах в четырех от меня, скрестив на груди руки и демонстрируя шнуручки бицепсов. Он вообще был худым и жидким, как те

нетерпеливые завсегда и спортзалов, которые, вместо того чтобы честно качать мышцу, балуются допингом.

– Презервативы есть? – спросил он.

– Если ты их заказывал, то они здесь.

– Надеюсь, не стандартного размера. Мне нужны экстра-лардж магнум. Спорю, тебе интересно почему.

– Этот спор ты проиграл.

– Мои подружки говорят, что я потрясающий.

– Не знала, что резиновые куклы разговаривают.

– Сука, – прошипел Обри.

Я подтолкнула к нему нарядную золотистую коробочку кондомов, которая легко скользнула по гладкой крышке разделочного стола.

– Одна упаковка резиновых игрушек, получите.

– Вытащи их из коробки и разложи на столике у моей кровати.

– Твоими презервативами я не занимаюсь.

– Ты должна заниматься всем, чем я скажу, – надулся Обри.

– Не угадал. Я здесь потому, что твои мама с папой оказались хреновыми родителями, и сами это знают. – Я аккуратно переставила бутылочки с комбучей^[9] на полку его «Менегини». Только на этой работе я узнала, что существуют холодильники, которые стоят столько, сколько средний американец зарабатывает за год. – Они знают, что от тебя никакого толку.

– Ха, ха... Твои родители, Дейдрэ, тоже с тобой напортачили, раз ты торчишь на этой дурацкой работе без всяких перспектив.

– Не-а, это моя вина – надо было родиться у богатых, – отпарировала я. – Ну иди, играй в «Долг зовет», или на что ты там еще убиваешь дни.

Я переложила в холодильник парочку каких-то странных сыров. Клянусь богом, этот тип не глядя заказывает всякую всячину, лишь бы я проторчала у него подольше. Еще бы, к нему, поди, и не приходит никто, так что хоть раз в неделю живого человека повидать...

– У тебя хреновое настроение сегодня, – поделился он наблюдением. – Кто-то умер?

Я отложила упаковку из шести банок японского пива «Спейс Барли» и уставилась на него. Обри ничего не может знать о моей сестре. Он даже фамилии моей не знает. Не надо на него сейчас

набрасываться. «Он просто неудачник, который живет на пособие от богатенького папаши, – напомнила я себе. – Ничтожество».

– Ага, точно, – продолжал Обри. – У тебя же сестренка умерла. Я читал.

– А ты умеешь читать? – сказала я, хотя у меня похолодело внутри. По правилам компании, клиентам не предоставлялось никакой информации о кураторах, кроме имени. Но правила, видно, пишутся только для зануд вроде меня.

Я быстрее задвигала руками.

– Ты из-за этого расстроена? – спросил Обри.

Я не ответила.

– Я бы не расстроился, если б моя сестра двинула кони. Она сука, – добавил он. – А твоя сестра была такая же сука, как ты?

Нет, видно, придется его вырубить. Я повернулась к нему, но слишком резко, и уронила бутылку текилы. Темно-коричневая жидкость растеклась по кафельному полу, в луже блестели осколки. На мое несчастье, это была «Клазе Азуль Экстра Аньехо», а ее цена – две мои недельные зарплаты вместе с чаевыми.

– Черт! – завопил Обри в восторге и тут же подвинулся ближе. – Ну ты и попала...

Я застыла на месте, прикидывая, что мне сделать, чтобы покрыть этот убыток. Но в голову ничего не приходило. Точнее, такого способа просто не существовало.

– А ведь я могу и не говорить об этом твоему боссу...

Я подняла голову. Крохотные глазки Обри были раскрыты так широко, как я у него сроду не видела; взгляд, обычно тусклый, точно мертвый, сменился мрачным оживлением. Я невольно перехватила осколок бутылочного горлышка, который все еще держала в руке, так, словно собиралась драться. Обри как будто этого и ждал. Я сообразить ничего не успела, а он уже накинулся на меня, притиснул спиной к дверце холодильника из нержавеющей стали, одной рукой схватил меня за грудь, а свой противный кислый язык просунул мне в рот.

Мой испуг в долю секунды сменился неудержимой яростью. При всем отвращении я даже обрадовалась оттого, что имею право выместить на нем гнев, и первым делом заехала ему кулаком в кадык. Он отшатнулся, а я с разворота ударила его локтем в лицо. Обри взвыл и перегнулся пополам от боли, спиной ко мне. Я пнула его под коленку,

и он осел на свой нарядный кафельный пол с таким звуком, какой, наверное, бывает, если уронить мешок свежего дерьма.

– Я знаю, что ты лапал девчонок, которые приходили сюда до меня, – сказала я. – Так вот, со мной такой номер не пройдет.

И для полноты картины отвесила ему пинок в живот. Обри рыгнул, как кот, который хочет выблевать комок шерсти, и свернулся на полу в позе зародыша.

– Не-е-ет, – заскулил он. Из его закрытых глаз по лицу текли слезы перемешку с соплями – тошнотворная смесь, разглядывать которую у меня не было желания.

– Не провожай, я сама найду дорогу, – сказала я. – И мой тебе совет: в следующий раз, когда соберешься полапать девчонку, вспомни, что ей наверняка хочется тебя убить.

На пороге кухни я вдруг передумала, вернулась, пнула Обри в почку, а потом ушла не оглядываясь.

Глава 14

Дейдрэ

Но, уже покидая квартиру Обри, я испытывала глубокий стыд. Он, конечно, заслужил эту взбучку, а его удивленный взгляд, когда он понял, что на этот раз не добьется своего, пьянил меня до сих пор. Однако это была победа с горьким привкусом поражения: ведь если б я контролировала свои эмоции с самого начала, до этого не дошло бы.

Быстрым шагом я шла по Бикман-стрит, не зная, куда отправиться дальше. Ти-Рексу звонить бессмысленно: даже при самом лучшем раскладе, то есть если он согласится, что не стоило посылать меня к Обри и что больше я туда не пойду, я все равно на крючке – счет за бутылку текилы стоимостью в две тысячи долларов повесят на меня.

Тут я увидела впереди Сити-Холл-Парк и обрадовалась: офис Джуд совсем рядом. Часы показывали пять с небольшим, значит, она наверняка еще на работе. Я отправила ей эсмэску и тут же получила ответ: она ждет меня на посту охраны у входа в ратушу.

– Что случилось? – шепнула мне Джуд, когда мой рюкзак пропустили через сканирующее устройство и я получила разрешение

войти.

– Да так, псих один напал.

– Ты его знаешь?

– Ага. Клиент «Снаппа».

– Это он тебе рубашку порвал?

Я посмотрела на себя. На мне была черная рубашка поверх черного топа, и я только теперь заметила, что на ней не хватает пуговиц – видимо, отлетели, когда Обри меня лапал. Вид был не то чтобы неприличный, просто Джуд слишком хорошо меня знала, чтобы решить, что это такой стиль.

– Ага, он.

– Давай на него заявим, – предложила Джуд. – Я могу вызвать полицейского прямо к себе в кабинет.

– Нет, спасибо. Я уже говорила с копами сегодня утром. Для одного дня хватит.

– А что было утром?

Мы пришли в закуток, который служил Джуд кабинетом. Она впустила меня и закрыла за нами дверь. На стене над ее столом висел диплом университета Джорджтауна в рамке, на котором черными чернилами было каллиграфически выписано имя: Джуделин Эстер Лазаре. Вокруг – несколько снимков Джуд с разными известными политиками и артистами. На столе стоял герб в рамке – гаитянская пальмиста с одинокой пальмой в окружении копий, пушек и якорей, – а еще гибискус в горшке с одним цветком на верхушке. Остальное пространство кабинета занимали книги.

– Я ходила к копам потому... извини, зря я не сказала тебе раньше. – У меня пересохло во рту, каждое слово приходилось силком выталкивать наружу.

– Что не сказала?

– Во время похорон Каро я получила от нее письмо.

Джуд вытаращила глаза.

– Как такое возможно?

– Она написала его раньше и отправила с задержкой.

Тот коп, Вильяверде, оставил мою распечатку у себя, так что мне пришлось искать письмо на телефоне. Джуд несколько раз пробежала глазами текст, с каждым разом хмурясь все сильнее.

– Хочешь, перешлю его тебе? – предложила я.

– Я бы согласилась, но моя частная переписка тоже под контролем, и, если что, меня могут вызвать в суд. – Она вернула мне телефон. – Просто поверить не могу... Почему Кэролайн не сказала мне, что ей грозит опасность?

– Мне она тоже ничего не говорила.

– Это моя вина, – сказала Джуд и промокнула глаза.

– Почему?

– Я ее не послушала. – Джуд схватила носовой платок и высморкалась. – Она говорила мне кое-что... и каждый раз брала с меня клятву, что я никому не расскажу – а я... – Ее голос прервался, пока она смотрела в пространство. – Я не понимала, насколько все плохо.

– Что она говорила?

– Пару месяцев назад мы встретились за ланчем, и она сказала, что хочет развестись с Тео, – начала Джуд. – Я спросила, почему, но она ушла от прямого ответа. Конечно, они почти всю пандемию провели порознь – ты ведь помнишь?

– Ну да. Тео тогда на несколько месяцев застрял в Европе.

– Да, но ведь не по своей вине, а из-за обстоятельств. Я спросила у Кэролайн: «Он хороший отец?» Она сказала, что да. Тогда я спросила, может быть, Тео бьет ее... – Глаза Джуд снова наполнились слезами, и она взяла второй платок.

– И что она ответила? – Я нетерпеливо подалась вперед. Это было важно.

– Она сказала, что нет и что не в этом дело. А потом спросила, как бы я поступила, если б узнала, что человек, которого я люблю, совершил ужасное преступление.

– Какое преступление?

– Не знаю. Я ответила, что поступила бы так, как мне предписывает моя вера: если человек по-настоящему раскаялся, если он изменился внутренне, то я бы его простила.

– Ты хороший человек, Джуд. А вот я предпочитаю око за око.

– Любое насилие порождает ответное насилие. Но если человек не раскаялся... – Она тяжело сглотнула. – Кэролайн сказала мне, что Тео лгал ей всегда, с самого начала.

– О чем?

– Я не могу тебе рассказать. Она была бы смущена, если б кто-то узнал. – Джуд потерла пальцами виски. – Но это не преступление. Она не говорила мне, что он сделал.

– Она узнала, что Тео убил свою первую жену.

Слова вырвались у меня сами. Конечно, со временем муж и жена могут охладеть друг к другу, однако Каро всегда была предана семье и никогда не потребовала бы развода только на этом основании. Но вот обнаружить, что твой муж – убийца, это совсем другое дело.

– Я напоминала ей о насущном, – продолжала Джуд. – Говорила, что в случае развода ей придется расстаться со своим прекрасным домом, который она так любила. Она отвечала, что не придется.

– Как так?

– Она заявила, что родственники мужа на ее стороне, а дом принадлежит свекру...

– А разве он не подарил его им на свадьбу?

– Подарил, но документы, видимо, так и не подписал, – объяснила Джуд. – Вообще отец держит завязки от семейного кошелька обеими руками. Кэролайн он сказал, что дом – ее и Тедди, а Тео может жить в любом из семейных отелей.

До сих пор я даже не задумывалась о том, какой у Тео мог быть мотив, чтобы убить Каро. Это ведь он был сыном богача. Но теперь выяснилось, что крупный семейный куш ему не принадлежит...

– А как же Тедди? – спросила я. – Кто получил бы опеку над ним?

– Кэролайн хотела остаться единоличным опекуном, но Тео сказал, что оспорит это в суде. Он заявил ей... что она неподходящая мать для мальчика.

Каждый нерв в моем теле вибрировал, словно электрический провод под напряжением. Попадись мне в тот момент Тео, я удушила бы его голыми руками.

– Я кое-что утаила от тебя вчера, – сказала Джуд. – Не хотела тебя расстраивать.

– Что?

– Помнишь ту женщину, с которой я разговаривала на похоронах? Адину Герстейн? Так вот, мы говорили о Каро.

– Так это ее ты назвала сумасшедшей?

– Не в прямом смысле. – Джуд посмотрела на меня с ужасом. – Но Кэролайн была у черты, это точно.

– У какой черты?

– Она долго страдала от депрессии. И не только послеродовой. Хотя роды, конечно, обострили ее состояние. – Джуд вся как-то поникла. – Она говорила тебе о гремлинах?

– Каких еще... гремлинах?

– Которые меняли местами ее обувь в коробках и украшения в шкатулках. Переставляли книги на полках. Неужели она совсем ничего тебе не рассказывала?

Я задумалась. Несколько месяцев назад я заметила, что Каро уволила почти всю прислугу, включая уборщиков. Шикарный особняк в Верхнем Ист-Сайде медленно, но верно зарастал грязью. Когда я сказала об этом сестре, она заявила, что прислуге нельзя доверять. Это показалось мне странным, но ведь у меня самой никогда не было слуг, так что я могла ей возразить?

– Может, кто-то из прислуги клал вещи не туда, куда следовало? Каро всегда была аккуратисткой, она сразу замечала малейшую перемену.

– Кэролайн видела то, чего не было, – заявила Джуд. – Когда я говорила с ней в последний раз, она сказала, что хочет уволить няню Тедди.

– Глорию? За что?

– Та якобы докладывает о каждом ее шаге Тео.

Я задумалась. Глория всегда прекрасно ладила с Тедди, и мальчик ее обожал, но кто знает, кому из хозяев она была предана?

– Это действительно странно.

Джуд кивнула и поглядела на телефон, лежавший на столе экраном вверх.

– Мне пора возвращаться к работе.

– Сейчас, только покажу тебе еще кое-что. – Я не носила с собой распечатку, которую сделал тот парень из «Озириса», но ее снимок был у меня на телефоне. – Каро отправила три сообщения. Одно мне, другое – нашему отцу, и третье – какому-то Х. Вот оно.

– «Если у меня не получится, это сделаешь ты. Я верю в тебя, на тебя вся моя надежда. От тебя зависит будущее моего сына», – прочла Джуд вслух. – Кому это письмо?

– Я думала, что тебе.

– Ничего подобного. Ты уже писала на этот адрес?

– Да, – сказала я. – И ничего не получила. А ты знаешь, чей он?

– Нет, – ответила Джуд. – Но, судя по комбинации букв и цифр, это, скорее всего, спам.

Тут зазвонил телефон Джуд. Я взглянула на экран и увидела имя: Бен Норткатт.

– погоди, это же...

– Бойфренд Кэролайн? – Джуд вздохнула. – К сожалению, да.

Глава 15

Тео

– Чтоб меня... Гляди-ка, что кошка принесла, – сказала моя сестра, обнаружив меня в своем офисе, которым ей служил угловой номер в отеле «Трэкстон интернешнл» в центре Манхэттена. Высокая и широкоплечая, Джульетта вошла в кабинет с присущей ей грацией сытой тигрицы. Шляпки на ней не было, но темно-синий костюм вполне мог сойти за близнеца той черной двойки с похорон. – Ты – последний, кого я ожидала здесь увидеть. Неужели охрана тебя еще впускает?

– Да, если совесть у входа оставлю, – ответил я.

– Можно подумать, она у тебя есть... – Джульетта фыркнула. – Но ты, кажется, фарисействовать сюда пришел – так продолжай, не стесняйся. Только не пугай аксолотлей.

Я стоял возле аквариума, где притаилась парочка бледных духов: дюймов шесть в длину, с жабрами и хвостами, как у рыб, но с лапами, как у ящериц. Их широкие круглые морды были снабжены глазами, расставленными так далеко, что они оказались практически на разных сторонах головы – верный признак хищной твари.

– Кто это такие?

– Похожи на саламандр-призраков, правда? – ответила Джульетта. – Знакомься: Дьюи и Луи.

– А где же Хьюи?

– Эти двое стакнулись и сожрали его, – был ответ. – Родня, что с них возьмешь...

Я отошел от аквариума.

– Ты пропустила службу в Гринвуде.

– Я была в церкви, Тео. И на поминальном обеде тоже. Посвятить целый день похоронам – непозволительная роскошь для меня. – Джульетта села за стол. – К тому же мне хватило драмы и в церкви. То ты сцепился с этим слизняком из таблоида, то Дейрдре взялась выяснять отношения с охранником... приглашенным с лихвой окупилась их расходы.

– А что такое с Дейрдре?

– Один охранник, из новеньких, стал требовать у нее приглашение. – Она покачала головой. – Им всем показали фото всех членов семьи еще до начала церемонии. И нельзя сказать, что у Дейрдре незапоминающаяся внешность. Так что у него просто не было оправданий.

– Ты его уволила? – Это был даже не вопрос. Увольнять работников было любимой забавой Джульетты.

– Разумеется.

На этом наш запас тем для светской беседы исчерпался.

– Я пришел поговорить с тобой о важном деле.

– Догадываюсь, что не за тем, чтобы провести моих друзей-амфибий... – Она смотрела на меня внимательно и вдумчиво, как проголодавшийся крокодил, который, затаившись, оценивает размеры добычи. – Валяй, спрашивай меня о чем угодно.

– Это ты рассказала Кэролайн о моей первой жене?

Изумление, с которым воззрилась на меня Джульетта, показалось мне непритворным. А потом она захохотала. Да так, что лицо покраснелось, а плечи ходили ходуном от смеха.

– Что смешного?

– Ничего. – Джульетта промокнула глаза. – Просто я представила себе такое начало разговора: «Знаешь, я тут вспомнила ночь, когда Тео убил свою первую жену...» Дальше сам додумай.

– Это не смешно. Так ты говорила Кэролайн о Мирей или нет?

– Клянусь, я даже имени ее не произносила.

Я повернулся, чтобы выйти из офиса, и замер. У древних египтян был демон женского рода по имени Аммут: смесь львицы, самки гиппопотама и крокодила. Ее не почитали, но боялись. У нее была своя роль: она присутствовала в Зале Двух Истин, куда попадали на суд все умершие, и, если сердце человека оказывалось отягощено злыми

помыслами, пожирала его, лишая душу вечной жизни. Каждый раз, сталкиваясь с сестрой, я задумывался, может ли демон из древних времен воплотиться в современной светской даме – очень уж велики были ее садистские наклонности, кое-как прикрытые страстью к драгоценностям, открытым босоножкам и сасими.

– Имени ты не произносила, – медленно проговорил я. – Но сказать что-то о ней самой могла.

Джульетта просияла.

– Смотри-ка, Тео, ты кое-чему научился... Ладно, ты выиграл. Как-то мы с Кэролайн разговаривали, и, каюсь, я обронила намек.

– И что ты сказала?

– Да ничего особенного. К тому же это было давно.

– У тебя прекрасная память, не притворяйся, – сказал я. – Так что тогда случилось?

– Кэролайн планировала постпандемическое турне по Европе – Париж, Барселона, бла-бла-бла, и тут у меня как-то сам вырвался вопрос, планирует ли она ехать в Берлин. Она ответила, что ей всегда туда хотелось, а я сказала, что ты, наверное, не возил ее туда из-за трагических воспоминаний. Она решила, что тебе не хочется вспоминать, как ты наркоманил и вылетел из колледжа, но я сказала, что это из-за твоей первой жены.

Комната пошла передо мной кругом, дыхание перехватило.

– И что она ответила?

– Расстроилась. Я спросила: «Разве Тео не говорил тебе, что был женат?» Она ответила, что нет, никогда. Тогда я сказала, что в семье не говорят о твоей жене из-за убийства и всего такого. Она умоляла меня рассказать ей подробности, но я отказалась.

– Что ты еще ей сказала?

– Все, больше ни словечка, но ей хватило и этого. Она чуть с ума не сошла. – Джульетта улыбнулась. – Все время приставала ко мне – Расскажи да Расскажи, – но я твердила: «Это слишком трагично».

– Зачем ты это сделала?

– Кэролайн всегда была такой самодовольной, аж тошно делалось. Вот и тогда она целый час трепалась с отцом о какой-то награде, которую получила за благотворительность. Ты же знаешь, с деньгами Трэкстонов она никогда не церемонилась, швыряя их направо и

налево. Отец, конечно, тоже решил, что это прекрасная новость. Вот мне и захотелось проколоть мыльный пузырь ее самомнения.

– Ты всегда ей завидовала. – Мои слова прозвучали эхом отцовских слов – в церкви он тоже обвинял сестру в зависти.

– Да чему там было завидовать? – выпалила в ответ Джульетта. – Кэролайн походила на суетливую мышь, которая нигде не находила себе места. Вечно переживала из-за всякой всячины – то из-за дурацкого пресс-релиза, который все равно никто читать не будет, то из-за выбора зубной пасты. Неужели только меня не удивляет, что при таком отношении к жизни у нее были проблемы с сердцем? Странно еще, что она протянула столько лет.

Я не успел ответить – на столе у Джульетты зазвонил телефон, и сестра сняла трубку.

– Да, он у меня, – сказала она. – Сейчас пошлю его к тебе. – Опустила трубку на рычаг. – Отец хочет видеть тебя, сейчас же.

Я нахмурился.

– Я не к нему шел. Мне надо было поговорить с тобой.

– Но он узнал, что ты в здании, и, в отличие от меня, хочет видеть тебя, Тео. А у меня дел полно. Уходи.

И она притворилась, будто ищет что-то в компьютере. Я не сходил с места, и скоро ей все же пришлось посмотреть на меня.

– Тебе нравилось? – спросил я.

– Что именно?

– Издеваться над Кэролайн.

Джульетта подперла голову руками, как будто задумалась.

– Должно же у человека быть хобби.

Моя сестра любит поострить, но тут я не собирался позволить ей обратить все в шутку.

– Когда мы еще только планировали пожениться, ты подарила Кэролайн справочник по этикету, – сказал я. – Со словами, что это ей пригодится.

– Помню. Она, кстати, была в восторге.

– Верно, – продолжал я. – И прочитала его от корки до корки. А ты подарила ей второй, потом третий. Выходит, что она с самого начала верила в твое благородство, пока ты демонстрировала свою подлую природу.

– Женщина, которая то и дело устраивает благотворительные обеды, просто обязана отличать вилку для рыбы от других вилок.

– Ты ненавидела ее и сделала все, чтобы превратить ее жизнь в сплошную муку.

Джульетта с улыбкой откинулась на спинку кресла.

– Давай начистоту. Значит, я стремилась облагородить карабкающуюся лозу из Бронкса, поэтому я плохая. Хорошо, допустим. А ты со своими грязными маленькими секретами, которые так старательно скрывал от нее, что, лучше, что ли?

– Что прошло, то прошло.

Джульетта снова захохотала:

– Любимое присловье отца... Как удобно для тебя, Тео! Этим ведь все можно оправдать, а? Зачем рассказывать второй жене о том, что ты убил первую, ведь это прошло... – Она подалась ко мне. – А знаешь что? Каждый раз, когда я думаю о тебе, мне вспоминается не твоя жалкая физиономия, а то, что ты зарезал женщину. – Она взяла со стола мобильный. – Вон из моего офиса, пока я не вызвала охрану.

Глава 16

Дейдре

Я, моргая, глядела на Джуд.

– Бывший бойфренд, наверное? – переспросила я, вспомнив то фото, которое Каро, как я думала, послала мне по ошибке.

– Я не знаю. – Джуд стукнула по экрану телефона, отклоняя вызов.

– То есть ты хочешь сказать, что моя сестра встречалась с этим парнем? – Просто невероятно. Каро мне и словом ни о чем таком не обмолвилась. – Не верю.

– Я тоже не уверена, – ответила Джуд. – Они были близки одно время, потом Кэрлайн порвала с ним, и они больше не встречались. А пару месяцев назад он вдруг появился снова.

– Каро передала мне целую пачку фотографий, среди них есть одна, где она с Беном. Я еще думала, что она попала туда по ошибке. Они сняты в каком-то доме в Хай-Фоллз...

– Значит, это из тех времен, когда они жили вместе.

– Что? – Я была так ошарашена, что даже не пыталась это скрыть.

– Они около года жили в Хай-Фоллз. Вы с Каро тогда не общались, – объяснила Джуд.

– Но с матерью-то я общалась. И она ничего не говорила о том, что Каро с кем-то живет!

Сказать, что я была потрясена – это ничего не сказать; мне было по-настоящему больно. Ведь я ушла из семьи не по своей воле – в пятнадцать лет оказалась на попечении, и довольно жестком, системы наказания несовершеннолетних правонарушителей. После месяца мытарств по судам и психиатрическим экспертизам меня все же вернули родителям. Но жить с ними я не смогла и, словно кошка или собака, прибилась к дому Риган. С матерью я каждую неделю говорила по телефону, а встречалась раз в месяц, но других членов семьи даже не видела. И только когда у матери диагностировали рак, в моей жизни снова появилась сестра. Однако четыре года молчания так и стояли между нами, и, хотя мы продолжили свои отношения с того места, на котором они прервались – или, по крайней мере, старались продолжить, – о том, что привело к этому разрыву, мы помалкивали. Мне было девятнадцать, а Каро – двадцать четыре, когда мы снова встретились – слишком молодые, чтобы понимать: прошлое – не вода под мостом, от него не отвернешься.

– Я ничего не знаю о Бене, – сказала я, а сама подумала, что он так и не ответил на мое сообщение. – Когда мы с Каро восстановили отношения, она встречалась с Тео. Расскажи мне, кто он такой, этот Бен.

– Они познакомились в школе журналистики, – начала Джуд.

– Вместе учились?

Она засмеялась:

– Нет. Он был приглашенным лектором. А выпустился лет на десять раньше.

– А-а...

– Они с Каро были близки, но он так и не стал для нее Тем Самым Мужчиной, – продолжала Джуд. – Бен из породы отчаянных журналистов, которые бросают все и летят в Боготу ради одного разговора с источником. Кэролайн как-то сказала, что сама не знает, чего она хочет больше: быть с ним или быть им.

– Я знала Каро нежной девушкой, из тех, у кого все цветочки да сердечки, а тебя послушать, так она была прожженным циником.

– И то и другое. Когда она познакомилась с Тео, то буквально влюбилась в него по уши. Я впервые в жизни видела, чтобы она так горела энтузиазмом. Но это скоро прошло.

Задумавшись над словами Джуд, я поняла, что она права. Каро не мыслила себе отношений без толики расчета. Видимо, так на ней сказался несчастный брак наших родителей, даже если сама Каро не хотела этого признавать.

– Сестра говорила тебе, что опять встречается с Беном?

– Да, когда они снова восстановили отношения, она сказала. Примерно полгода назад. Но с тех пор... – Джуд вдруг умолкла. – Три недели назад Кэролайн решила завезти мне подарок ко дню рождения. Я сказала ей, что уже ложусь, но она настояла, заявив, что уже почти у меня на пороге. Ты же знаешь, что я живу возле Центрального тоннеля, да? Так вот, когда она пришла, то сказала, что была у Бена. Он живет в городской квартире своих родителей в Тюдор-Сити.

Я вдруг явственно услышала голос Тео: «В то утро Каро не просто отправилась на пробежку. Ты ведь это знаешь, правда? У нее была назначена встреча». В новостях сообщили, что Каро умерла недалеко от здания Объединенных Наций. Я сама стояла там сегодня утром, у подножия величественной каменной лестницы, ведущей к Тюдор-Сити.

– Это ничего не значит, – упрямо возразила я.

– Она говорила, что он нравится Тедди. Оба обожают зоопарки и экзотических животных.

Это надо было обдумать, и я не нашла что сказать. Ясное дело, женщина не станет знакомить мужчину со своим ребенком, если не имеет в виду ничего серьезного. Я прикусила губу.

– Зачем он звонит тебе?

– В первый раз он позвонил сразу после смерти Каро, – ответила Джуд. – Он считает, что Тео ее убил.

– Надеюсь, у тебя есть точный адрес Бена, – сказала я. – Он мне скоро понадобится.

Кабинет отца был этажом ниже офиса Джульетты, в южной части здания. Вход охранял его доверенный человек, Харрис.

В детстве Харрис казался мне задумчивым великаном. Росту в нем было шесть футов и четыре дюйма, широкие плечи, руки и ноги, как стволы деревьев, и надо всем этим – бронзовый купол гладкой, как пуля, головы. Когда он открывал рот – а это случалось редко, – слова выходили из него покореженными, почти без гласных, с акцентом, который я так и не смог опознать. Родом он был с Бермудских островов, но до того как попасть к отцу, служил в британской армии. Был холост и бездетен. Одинокий, как средневековый замок, он смотрел на мир глазами крокодила, сторожащего замковый ров.

Харрис не обратил на меня внимания. Я толкнул дверь и вошел. Ольга, секретарша отца, которая работала на него, сколько я себя помню, похоже, единственная во всем здании обрадовалась моему приходу. Она даже встала и обняла меня.

– Мне так жаль твою жену, Тео... Служба была замечательная. Кэролайн понравилось бы. Какая она была славная девочка...

Я распахнул вторую дверь, в святая святых – логово отца. Кабинет, естественно, тоже был угловой; от вида на широкий, осененный рядами деревьев бульвар – Парк-авеню – буквально захватывало дух. Ангелы плакали бы, увидев такую красоту, а мой отец распорядился поставить на стекла черные экраны, которые позволяли видеть контуры зданий напротив, но не пропускали солнечный свет. Отец жил в сумерках. В молодости он немало поездил с археологическими экспедициями, которые вели раскопки там, где солнце светит триста шестьдесят дней в году. За эту страсть он расплатился двумя рецидивами рака кожи, после чего решил уйти в тень.

Кабинет был сногсшибательный, какой и подобает человеку, который, унаследовав когда-то сеть мотелей, разбросанных по разным штатам Америки, превратил ее со временем в глобальную сеть отелей класса люкс. У дальней стены, напротив входа, стоял стол из черного дерева, массивный, точно банковский сейф, с затейливой резьбой из львиных голов, лап и цветочных гирлянд. Стул рядом с ним тоже был весь в резьбе, только лакированной и позолоченной так искусно, что

поддерживавшие подлокотники крылатые богини казались живыми – вот-вот взмахнут крыльями и полетят. Но все это казалось новоделом по сравнению с терракотовыми овнами, которые стерегли шкаф у окна: тем было по меньшей мере тридцать пять веков от роду, и по ним просто плакали музеи.

– Ты уже год ко мне глаз не кажешь, – заворчал отец, увидев меня. – В кои-то веки заехал и сразу к Джульетте... Чем она заслужила такую милость?

– Тем, что сделала меня несчастным, – не стал скрывать я. – Мне надо было поговорить с ней о Кэролайн.

– Вот уж с кем я не стал бы говорить о Каро. Джульетта играла с бедняжкой, как скорпион с котенком.

– Она рассказала Кэролайн о Мирей, – тихо сказал я.

Я ожидал, что отец впадет в ярость. У него были строгие правила насчет семейных секретов, и Джульетта как раз нарушила одно из них. Но он как-то обмяк, поставил локти на стол и на миг спрятал лицо в ладони.

– А я все думал, кто это: она или Урсула...

– Ты знал? – переспросил я, делая к нему шаг. – Но почему не рассказал мне?

– Прости меня, сын. Я надеялся, что у вас с Кэролайн все наладится. Не хотел вмешиваться... – Он вздохнул. – Кэролайн спрашивала меня о твоей первой жене. Она была расстроена, я спросил ее, откуда она узнала, но Каро не ответила.

– А что ты ей сказал?

– Что это была ошибка молодости, а не законный брак. Я думал, она из-за этого расстроилась. Но я ошибся. Она спросила меня, как умерла та девушка.

И тут мне показалось, будто меня бросили в котел с кислотой: я весь горел, внутри и снаружи.

– Ты ей рассказал?

– Я сказал, что виной всему были наркотики, что ты был под кайфом, когда все это случилось. Но без деталей. – И он опустил голову еще ниже, так резко, как будто мышцы его шеи внезапно подали заявление об увольнении. – Не надо меня ненавидеть. Мне пришлось представить ей свою версию правды, иначе она от меня не отстала бы.

– И что это за версия?

– Я рассказал ей, что студентом в Берлине ты прошел через ужасное время. Про наркотики она уже знала. И про то, что ты тогда резал себя, думаю, тоже. – Он поглядел на меня так, словно ожидал подтверждения, и я кивнул. – Я сказал ей, что ты связался с дурной женщиной и пошел вразнос. И что однажды вечером вы с ней играли... гм, в одну игру... и она умерла.

Нечего и удивляться, что Кэролайн потребовала развода. Мало того что она обнаружила в моем прошлом мертвую женщину, так еще и оказалось, что та умерла от каких-то моих с ней сексуальных забав.

– Я не знаю, как умерла Мирей, – сказал я.

– Кроваво, – ответил отец. – Джульетта вас тогда сфотографировала.

Сестра ничего мне об этом не говорила, но я тут же решил, что она показала Каро каждый снимок.

– Кэролайн хотела знать, почему ты не сидел в тюрьме и даже не был под судом, – продолжал отец. – Она настаивала, и я сдался. Рассказал ей, как упрятал тебя в клинику для реабилитации наркоманов за границей. В общем, опустил концы в воду. – Его взгляд устремился куда-то вдаль. – Кажется, после того разговора Каро стала смотреть на меня иначе. Отношения между нами по-прежнему оставались дружескими, она мило щебетала со мной и все такое, но я чувствовал, что между нами пролегла пропасть.

– Ты ведь признался ей, что помог скрыть преступление, – заметил я. – Какой еще реакции ты ожидал?

– Я надеялся, что она поймет... Человек может совершать дурные поступки, оставаясь при этом хорошим человеком.

Этот аргумент из серии «цель оправдывает средства» я слышал от отца всю жизнь. Но в том случае он, как мне показалось, был неуместен.

– Джульетта только что напала на меня за то, что я сам не рассказал Кэролайн о Мирей. Но как я мог? Она возненавидела бы меня. Кто угодно на ее месте возненавидел бы.

– Джульетта – змея, не слушай ее... Как мне хочется, чтобы ты вернулся в компанию, Тео! Ты слишком много времени пропадаешь где-то один, ты так изменился... Прошлое...

– Не говори так. – У меня вдруг закружилась голова, меня едва не стошнило. – Зачем ты меня позвал?

– Нам надо поговорить, сын. О твоём алиби.

– О чём? Алиби?

– На момент смерти Кэролайн, – добавил он.

Я смотрел на него и почти не дышал.

– Ты сошел с ума.

Отец небрежно взмахнул рукой, точно отменяя мои возражения. Он был крупным мужчиной с лицом морщинистым, как древний пергамент. Брови, насупленные, как тогда, добавляли суровости его взгляду.

– Пожалуйста, Тео, не лги мне. Это неуважение.

– Ты обвиняешь меня в том, что я убил свою жену? – выдавил я с трудом, так у меня свело горло. – Меня даже в Нью-Йорке не было, когда это случилось.

– Я знаю, что это неправда, Тео.

Я застыл. Откуда он узнал?

Награвив меня злобным взглядом, отец встал, направился к тележке со спиртным и налил себе виски.

– Выпьешь? – спросил он меня.

– Нет, и тебе не советую. Похоже, ты сегодня уже достаточно выпил и несешь чушь.

Разглядеть выражение его лица в сумерках кабинета было той еще задачей. Дело усложняли неровности и впадины самого лица, заполненные густыми тенями.

– Сын, ты, похоже, не в курсе ряда неумолимых фактов, – сказал он наконец. – Я знаю, что ты солгал полиции. Притворился, что тебя не было в Нью-Йорке, хотя на самом деле был, и я это знаю. – Он глотнул виски прямо на месте и вернулся с бокалом за стол.

– Послушай, у Кэролайн было больное сердце. Полиция говорит, что в ее смерти нет ничего подозрительного. Я не понимаю, в чем ты вообще пытаешься меня обвинить.

– Я не говорю, что ты сделал что-то плохое Кэролайн. – Он сделал еще глоток. – Но ты солгал полиции, и я боюсь, как бы это не вышло нам боком. Ты сказал им, что был в это время в самолете, возвращался из Бангкока, но они легко проверяют такие вещи.

Я стоял перед ним, тяжело дыша. Он прав. Глупо с моей стороны пытаться обмануть полицию в таких простых вещах.

– Послушай, Кэролайн была мне как дочь. Но моя кровь и плоть – ты. И я хочу помочь тебе, если смогу. Расскажи мне правду. Ты встречаешься с другой женщиной? Поверь, я не осуждаю тебя, сын. Просто будет лучше, если я буду знать все о том, что происходит.

Угроза маячила за его словами, словно акула под поверхностью воды. Я действительно встречался с другой женщиной, но не в том похабном смысле, который имел в виду он.

– Мне не нужна помощь, – сказал я.

– Может, и нет, сын. Но я все равно с тобой, рядом. Надеюсь, ты это знаешь.

Его слова прозвучали так ласково... Если б кто-нибудь слушал нас в тот момент, ему точно присудили бы медаль «Отец года». Но мне уже случалось принимать от него помощь, и я знал, что за любое свое благодеяние он требует отдачи, да еще с процентами. И если сейчас все пойдет так, как он задумал, то мне придется бросить свое нынешнее занятие и вернуться в семейный бизнес, к нему под крыло. Он много раз давал мне понять, что хочет именно этого. Но я уже проходил через это и понял одно: я не хочу иметь никакого отношения к делам моего отца.

– Мне пора, – сказал я.

– Тео, я видел твою руку.

Я взглянул на свою ладонь, которой гасил свечи перед службой в церкви. Она была вся в красных волдырях, но объяснять их происхождение мне не хотелось.

– Заметил еще в тот день, когда умерла Кэролайн, – добавил отец, и я понял, что он имеет в виду порез на моей правой руке. Порез был случайным.

– А что такого? – спросил я. Порез почти зажил, оставив лишь розовый шрамик.

– У тебя в доме я нашел сломанную деревяшку и битое стекло, – продолжал он. – Не волнуйся, я там все убрал. Но, Тео... там была кровь.

Я не собирался выкладывать ему начистоту, что случилось.

– Мне просто приснился кошмар, – торопливо ответил я.

– О, нет. – У него даже лицо на миг переменялось: обычное приветливое выражение исчезло, а на его месте возникла гримаса человека, глотнувшего чистого уксуса. – Снова о тигре?

Я кивнул. Вообще-то я даже не лгал: кошмары мне снились регулярно, но не они были причиной беспорядка, который застал в моем доме отец.

– Тедди сейчас примерно столько, сколько мне было тогда. Наверное, из-за этого.

– Я знаю, тебе не нравится, когда я говорю, что прошлое прошло, сын, но в данном случае это действительно так, – сказал он. – Назад дороги нет, ничего уже не поправишь. Поэтому лучшее, что ты можешь сделать, – забыть.

Я всегда считал, что отцу знакомы угрызения совести. Человек с его биографией – супружеские измены, разводы, деловые махинации – не может без них обойтись. Но если его послушать, то неприятные чувства можно легко упаковать в черные мешки, вынести на помойку и спокойно жить дальше. У меня никогда так не получалось.

– Я пытался.

– Плохо пытался. Прошное надо укладывать в специальную шкатулку, закрывать на ключ и задвигать в самый дальний уголок мозга навсегда. – Последовал тяжелый долгий выдох – целая симфония родительской беспомощности. – Думаешь, кошмары начались у тебя снова по какой-то конкретной причине?

Мне не хватило решимости признаться, что мои кошмары никогда и не прекращались по-настоящему, просто отступали на задний план моего повседневного существования. В них надо мной нависал тигр, он прижимал меня к земле своим телом, а потом царапал мне торс и руки когтями. Он делал это не в ярости; нет, он был почти спокоен. Кровь капала из-под его когтей, но, приглядевшись, я видел скорее ножи, чем когти.

Отцу я перестал рассказывать о своих кошмарах много лет назад, когда мне надоело ходить по разным психотерапевтам, пытавшимся оградить меня нынешнего от воспоминаний о том, что случилось со мной в возрасте трех с половиной лет.

– Тедди часто просит меня сводить его в зоопарк, – осторожно начал я.

– Тебе не стоит бояться за него. Сегодняшние зоопарки хорошо устроены, в клетку с тигром так просто не упадешь.

Обычно отец избегал разговоров на эту тему, но тут я сам ухватился за возможность обсудить ее подробнее.

– А ты помнишь, что именно случилось со мной тогда, в Берлине?

– Во всем виновата твоя мать, – поспешно ответил он. – В тот день меня с вами не было. Я увидел тебя уже в больнице. Это было ужасно. Я не должен был разрешать ей вести тебя в зоопарк. Она была чокнутая. Наверное, сама сунула тебя к тигру, чтобы ты поиграл с кошечкой.

В тот же миг отзвуки чего-то давнего наполнили мой мозг. Отец не впервые говорил такое о матери. Он словно не понимал, что подталкивает меня к вопросу: а вдруг я унаследовал от нее какие-то психические отклонения?

Повисло неловкое молчание.

– Мне надо идти, – выдавил я, наконец.

– Может, пообедаем потом вместе? – предложил он так, словно мы были одной большой и дружной семьей. – Надо нам чаще встречаться теперь, когда Кэролайн не стало.

– У меня много работы.

Я не стал добавлять, что не хочу встречаться с ним, потому что он мне лжет; все лгут – и он, и Джульетта, и Урсула. Когда-то я думал, что могу доверять Кэролайн, но ошибался. Во всей моей семье не было никого, кто говорил бы мне правду.

Глава 18

Дейдре

Офис Джуд был в двух остановках экспресса от Гранд-Сентрал. Поезд номер 4 привез меня на север, где я вышла из подземки и пошла в сторону Сорок второй улицы. В небе над Первой авеню торчал массивный знак, написанный жирными буквами: ТЮДОР-СИТИ. Странно, я двадцать пять лет живу в Нью-Йорке, почти всю жизнь, и ни разу его не замечала. И как я только ухитрилась?

В квартале между Первой и Второй авеню я нашла каменную лестницу и пошла по ней наверх. Район располагался ненамного выше остального Мидтауна, но, когда я забралась туда, то обнаружила, что весь шум и суeta городского центра остались внизу. По левую руку от меня был небольшой сквер, второй, по правую руку, находился за виадуком Сорок второй улицы. Дом Бена был прямо передо мной – громадное здание, чью величественную красоту в тот момент скрывали строительные леса, оставляя на виду лишь верхние этажи, где белая каменная отделка резко контрастировала с красной кирпичной кладкой. Зато, когда ремонт закончится, здесь будет на что посмотреть. Входя в подъезд, я обратила внимание на витраж стрельчатого дверного проема и полированный доспех внутри. Надо отдать застройщикам должное: тема была выдержана до мелочей.

– Я к Бену Норткатту, в квартиру 13Г, – сказала я консьержу в форме. На лице у него была хирургическая маска – на Манхэттене в те дни уже довольно редкое зрелище, хотя в Бронксе и Квинсе их еще многие носили.

– Ваше имя?

– Дейрдре Кроули.

Я подождала, пока он позвонит наверх и пробормочет мое имя в трубку.

– Да, сэр. Я ей сообщу. – Трубка легла на место. – Мистер Норткатт сейчас занят.

– Что вы сказали? – Я примчалась в Тюдор-Сити в надежде поговорить с Беном немедленно и совсем не ожидала, что передо мной просто захлопнут дверь.

– Извините, мисс, но он занят.

Я нерешительно вышла, не зная, что предпринять. Риган часто подшучивала надо мной за то, что я неспособна пройти зефирный тест, и не без причины. Я из тех нетерпеливцев, для кого лучше одна зефирка сейчас, чем две, но через двадцать минут. Перейдя улицу, я остановилась у сквера. Постояла, прислонившись спиной к кованой ограде, но это было неудобно. Чтобы разбавить ожидание, я достала телефон и стала проверять сообщения. Конечно, надежда на то, что Бен вдруг выйдет из дома, была очень мала, но делать мне все равно было нечего, причем буквально.

Через полчаса его рыжеватая голова высунулась из подъезда. Выглядел он точь-в-точь, как на том фото с сайта.

– Бен! – окликнула его я.

Голова повернулась в мою сторону. Лицо нахмурилось.

– Я Дейдре, – представилась я. – Сестра Кэролайн. Я хочу поговорить с тобой.

– А, – сказал он и пошел ко мне, – я собирался позвонить тебе позже. Мне жаль, но сейчас я не могу, у меня встреча. – Он взглянул на часы. – Может, перенесем разговор на завтра?

– Конечно. Я только...

– Вот и отлично. Я тебе напишу. – Он пошел по уличной лестнице вниз.

И тут я сообразила, что у него нет моего номера телефона. Значит, он просто отделяется от меня.

– Каро встречалась с тобой перед смертью? – завопила я ему вслед.

Норткатт замер на полушаге и резко обернулся ко мне:

– Не надо.

– Мне необходимо это знать. Поэтому она побежала сюда в то утро? Для встречи с тобой?

Бен взбежал по лестнице, то и дело озираясь, хотя улица была пуста.

– Говори тише, – прошипел он, снова оказываясь со мной лицом к лицу.

– Я была у копов сегодня утром. Они еще не знают, что Каро приходила сюда из-за тебя, но должны это узнать.

– Какое это имеет значение? – Он явно разозлился.

Я понизила голос:

– Сестра прислала мне сообщение, в котором написано, что муж хочет ее убить. Она написала его в то утро, перед пробежкой. В день похорон я спросила об этом Тео, и тот сказал, что у Каро кто-то был. Значит, он имел в виду тебя. – Мы смотрели друг на друга. – Ты должен сообщить об этом полиции. Это многое меняет. У Тео появляется причина желать зла Каро.

– Я знаю, что Тео виновен в ее смерти, – сказал Бен. – Но все не так просто. И я не могу говорить с полицией.

– Почему? – не поняла я.

– Что Кэролайн рассказывала тебе о своих делах?

Я снова не поняла, что он имеет в виду.

– О каких делах?

Бен встряхнул головой.

– Я знаю, что сестра любила тебя, но вряд ли она рассказывала тебе обо всем. И мне ни к чему сейчас отвязанная пушка, стреляющая дерьмом во все стороны.

– Либо объясни мне, что ты имеешь в виду, либо поговори с полицией. Я все равно не буду молчать о вашем романе с Каро. Если Тео убил ее из-за этого, копы должны знать.

Бен подался ко мне так близко, что я почувствовала в его дыхании запах мяты.

– То, чем занималась Кэролайн, – незаконно. Ты хочешь, чтобы об этом узнали все? Хочешь разнести репутацию сестры в клочья? Тогда валяй, действуй. Все в твоих руках. Только не забудь, что тебе сейчас надо думать о том, чего хотела она, а не о своих желаниях.

Он развернулся и помчался по лестнице вниз, а я осталась стоять с открытым ртом. Я понятия не имела, что он имел в виду, и боялась это узнать.

Глава 19

Тео

Выйдя от отца, я решил, что с визитами в «Трэкстон интернешнл» покончено, однако ноги сами понесли меня к кабинету Кэролайн, да так, что противиться было невозможно.

Во владениях Кэролайн я не был с тех пор, как ушел из компании, то есть больше двух лет. Там все осталось по-прежнему. Стены умиротворяющего бледно-голубого цвета, винтажная мебель девятнадцатого века в превосходном состоянии. Письменный стол – работа выдающегося краснодеревщика: увенчанные оскаленными львиными мордами ножки заканчиваются львиными лапами, а на каждом из дюжины ящиков вырезан из дерева свой цветок. По разные стороны стола – шкафы; один изящный, замысловатый, из тикового дерева, другой большой, с застекленными дверцами, для книг. Чуть

поодаль – необычный викторианский диванчик, не так давно заново обтянутый белым атласом, и два плюшевых кресла, развернутых спинками друг к другу. Кабинет прекрасно иллюстрировал характер моей жены: все под замком, под ключом и под контролем, и никаких видимых противоречий ни в чем.

Я разглядывал фотографии, когда услышал шорох у дверей. Обернувшись, увидел Хьюго Ларайю: он стоял и смотрел на меня. С Хьюго мы познакомились в юридической школе, и он стал моим другом, первым и единственным, до сих пор. Мой отец, всегда обладавший чутьем на способных людей, тоже обратил внимание на Ларайю и сразу после выпуска устроил его в преуспевающую адвокатскую фирму в Нью-Йорке. Фирма была на окладе у Трэкстонов, так что услуги первоклассных адвокатов были им доступны в любую минуту. Для Хьюго появился шанс, который он не упустил. Я не винил его, но между нами после этого встала стена, особенно когда я ушел из фирмы.

– Мне сказали, что ты прячешься здесь, – сказал Хьюго.

– Ну еще бы, все камеры этого отеля наверняка следят сейчас только за мной.

– Брось, Тео. Ты и представить себе не можешь, как часто твой отец жалеет о том, что ты больше не работаешь с ним.

Хьюго стоял, опершись о косяк с небрежной грацией выдры, которую пригласили сняться в рекламе «Дольче и Габбана». Его черноволосая макушка вообще-то едва достигала мне до плеча, но тщательно подобранные шляпы, с которыми он не расставался, по моему, никогда, прибавляли ему роста. Филиппинец по рождению, он был воплощением чистейшей англо-саксонской элегантности, незаметно перетекавшей в дендизм. В тот день он щеголял в сером костюме с Сэвил-роу с рисунчатым платочком в нагрудном кармане и в светло-оливковой федоре. Мы были ровесниками, но он всегда выглядел старше. Наверное, из-за шляп.

– Я всегда удивлялся, как Кэролайн успевает проворачивать такую гору работы на этом девственно-чистом столе, – продолжал Хьюго. – Ее кабинет похож скорее на декорацию, чем на рабочее место.

– Как твои дела?

– Прекрасно. Знаешь что? Схожу-ка я за кофе. Подожди меня здесь.

С этими словами Хьюго положил на письменный стол Кэролайн большой конверт цвета слоновой кости, на котором крупными буквами было выдавлено название его фирмы – «Каспер Питерс Макнэлли» – и вышел.

Соблазн оказался силен, и я не устоял. Хьюго хорошо знал свое дело, и этот жест с конвертом наверняка был не случаен. Значит, и из кабинета он вышел не просто так – была какая-то причина, скорее всего юридического характера, которая запрещала ему вдаваться в объяснения. Я вынул из конверта бумаги.

Сверху лежал запрос на судебный запрет для меня увозить сына из Нью-Йорка.

Другие бумаги я просмотрел бегло. Но, даже не вчитываясь, одно понял ясно: моя сестрица готовится возбудить против меня дело в суде с целью доказать, что я психически нестабилен и не могу быть отцом собственному ребенку.

* * *

Доктор Хэвен принимала в Элизабет, штат Нью-Джерси, и одна из причин, почему я выбрал ее, была в том, что мой отец не верил в существование «настоящих» психологов за пределами Манхэттена. Кроме того, доктор Хэвен была автором ряда статей о символдраме, также известной как кататимно-имагинативная психотерапия, которые заинтриговали меня потому, что мои детские воспоминания представляли собой запутанный клубок страхов. С ранних лет мне постоянно снились кошмары о тиграх, разрывающих меня на части острыми когтями, которые превращались в ножи. Больше из своего детства я не помню почти ничего, кошмарные образы вытравили из памяти слишком многое.

Подростком я сделал одно открытие: оказывается, если попеременно то резать себя, то принимать наркотики, можно избавиться от навязчивых страхов хотя бы на время. С доктором Хэвен я встречался уже два года, хотя пандемия сбила график нашего с ней общения. Но в тот день я нуждался в более действенной помощи.

– Извините, у меня есть только тридцать минут, – сказала она, едва я появился у нее на пороге. – Но мы могли бы...

– У меня умерла жена, а сестра хочет похитить моего сына, – выпалил я.

В кабинете настала полная тишина; было слышно только, как тикают большие напольные часы в углу.

– Не хочу сказать, что вам не нужна терапия, – ответила наконец доктор Хэвен. – Но прежде всего вам нужен сейчас хороший юрист.

Я был на нервах, так что не стал садиться, а расхаживал туда и сюда по изрядно потертому ковру.

– Я пришел к вам потому, что понял – мои родные лгут мне... во всем, – сказал я.

– То, что вы описываете, похоже на зеркальный коридор. Ваши родные вызывают у вас ощущение, что вы не можете доверять никому, даже себе.

– То же самое они сделают и с Тедди, если доберутся до него, – сказал я. – Вот почему я добивался опеки над ним в случае развода с Кэролайн. Но теперь думаю, что сестра намерена шантажировать меня.

– Вы с ней уже говорили?

– Нет. Я видел документы, которые не предназначались для моих глаз. Благодаря им я понял, что затевается некий юридический маневр.

– Но зачем ей опека над вашим сыном?

– Сам Тедди ей не нужен. Но через него она получает контроль над семейным бизнесом.

– Но вы же говорили мне, что она и так фактически руководит фирмой.

– Она делает всю работу, но фирма по-прежнему принадлежит моему отцу. А он очень... – На языке у меня вертелось словечко «старомоден», но я понял, что это эвфемизм. – Он сексист. Ему нужен наследник. Вот почему он дал свое имя сначала мне, а потом уговорил нас с женой назвать в честь него Тедди. Когда он только родился, отец сразу заявил, что внук наследует все. И он не шутил, а говорил совершенно серьезно. Джульетта это знает. Так что борьба за Тедди – это борьба за влияние.

– И чем она будет вас шантажировать? Помните, что вы вольны рассказать мне ровно столько, сколько захотите, без боязни, что информация выйдет за эти стены.

– Хорошо. – Я и так уже многое рассказал доктору Хэвен, больше, чем кому-либо за всю жизнь. Но до сих пор не упоминал Мирей. Видимо, настало время. – Вы уже знаете, что я был наркоманом. В Берлине, будучи студентом второго курса, я встретил девушку. Мы полюбили друг друга. Она была первой, кто понял меня, ощутил, что мне нужно... – Я глотнул воздуха. – Мы провели вместе всего три месяца, но это было самое счастливое, самое свободное время моей жизни.

– Что тогда случилось?

– Мы поженились в маленькой церкви одной французской деревни, недалеко от Кольмара, – сказал я. – Юридически наш союз не имел никакой силы, но я тогда не знал, что во Франции законной признается только гражданская процедура. – Об этом я узнал от отца через несколько месяцев, когда Мирей уже не было в живых, а я только закончил курс реабилитации для наркоманов. Он говорил так, будто смерть Мирей ничего не изменила. А ведь она даже не была моей женой, если на то пошло. – Несколько дней спустя я проснулся ночью и обнаружил, что Мирей мертва. Заколота ножом. Кровь была повсюду.

Доктор Хэвен смотрела на меня как замороженная.

– И что потом?

– Я позвонил отцу. Он был в отъезде, но послал... – Я закрыл глаза. Кого еще он послал ко мне, кроме Джульетты, я не помнил. «Ну не ее же одну он прислал», – думал я. Хотя почему бы и нет – физически Джульетта ни в чем мне не уступит. Так что мои сомнения, наверное, просто результат сексистского воспитания. – Моя сестра загрузила меня в самолет и увезла в клинику. Позже туда приехал отец. Я провел там около года.

– А ваша жена?

Я был благодарен ей за то, что она назвала Мирей именно так.

– Отец сказал, что позаботился обо всем, а мне велел все забыть, сделать вид, что ничего не было. Джульетта несколько лет потом со мной не разговаривала. Придумала мне прозвище «Женогуб». До сих пор меня так называет. А теперь еще и пытается отобрать у меня опеку над Тедди...

Доктор Хэвен сложила ладони домиком.

– Что еще вы помните о той ночи?

– Только то, что я вам рассказал.

– Но это не ваши воспоминания, – возразила она. – Это то, что вы знаете со слов сестры и отца. А что вы помните сами?

Я был абсолютно уверен лишь в двух моментах. Первый – я медленно выплывал из опиоидного тумана в своей берлинской квартире, когда увидел Мирей: она лежала на полу рядом со мной, ее глаза были широко открыты, шея и грудь в крови. Второй – я в частном самолете, напротив меня – Джульетта. «Ты испортил мою неделю в Париже, говнюк, – говорит она. – Чтоб ты сдох».

– Я был не в себе, – признался я тихо. – И ничего не помню о том, что делал.

– Судя по всему, вы всю жизнь бежите от этих воспоминаний, – сказала доктор Хэвен. – Вам никогда не приходило в голову самому проверить, что тогда случилось? И что произошло с вашей женой?

– Нет, – признался я. – Мне всегда хотелось только одного: похоронить эти воспоминания как можно глубже. – Образ окровавленной Мирей преследовал меня повсюду; но, по правде сказать, я еще легко отделался. Мне не раз приходило в голову, что мое место – в тюрьме.

– Ваш отец не одобрял ваши отношения с этой женщиной? – спросила доктор Хэвен.

– Он был в ужасе, когда узнал.

– До сих пор мы обсуждали только ваши детские проблемы, но буду с вами честной – на мой взгляд, сейчас для вас важнее всего пробудить именно эти воспоминания. Вы никогда не пробовали стимулировать вашу память в том, что касается той ночи?

– Никогда.

– И никогда не ходили по местам, где все это случилось?

– Я никогда не был в Берлине после того случая. Да и вообще в Германии.

– Тео, – сказала доктор. – Вы должны вспомнить свое прошлое. Надо выяснить, что именно вы сделали тогда.

Она не осуждала меня и вообще была настолько беспристрастна, насколько только может быть живой человек, но то, что она считает это совершенно необходимым, было мне понятно.

– Знаю.

– Из наших сеансов терапии вы уже поняли, что нет ничего важнее, чем задействовать сенсорную память. А для этого вам нужно

съездить в Берлин. Я не говорю вам, что стоит вам только ступить на немецкую землю, как все сразу вернется, но то, что вы вспомните, может оказаться достаточно важным для решения этой загадки.

– Я не могу ехать сейчас. Не могу оставить сына.

– Вашему сыну нужен отец, который сможет его воспитывать. А если вы и дальше собираетесь бегать от реальности, то какой из вас воспитатель? Уделите себе пару дней. Поверьте мне, это действительно очень важно.

– Я не могу оставить Тедди.

– Но что вы способны дать ему, пока не решите свои проблемы? – спросила она.

Возразить на это было нечего.

– Тео, вы помните первый раз, когда вы пришли ко мне? – добавила она. – Вы сказали, что ваши родственники обманывали вас всю жизнь, но что у вас появились доказательства.

– Да. – Об этом я не забыл. И доказательство – письмо, полученное три года назад, – всегда носил при себе.

– Вы хотели знать, почему ваши родственники так поступили с вами. Я сказала вам, что не знаю ответ на ваш вопрос – найти его можете только вы сами. Но для этого надо не прятаться от правды, а набраться сил и взглянуть ей в лицо, каким бы уродливым оно ни было.

Доктор Хэвен была права. Выбора у меня не было. Я взял телефон и заказал билет на ближайший рейс до Берлина.

Глава 20

Дейдре

Я вернулась домой за картой памяти. Я была на взводе и не могла усидеть у себя в застенке, но и идти в додзё тоже не могла. Мой выбор пал на библиотеку. Ее здание походило на школу: три этажа из бежево-коричневого кирпича и пара кубов из цветного стекла сверху, которые какой-то чокнутый архитектор прилепил позже. Над входом – надпись блестящими металлическими буквами: «БИБЛИОТЕКА КВИНСА». Войдя внутрь, посетитель видел вторую табличку с надписью:

«ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КВИНСА В ЭЛМХЁРСТЕ». Эта надпись всегда казалась мне забавной, словно адрес, написанный на конверте. Хотя если мой родной район чем-то и прославился за последнее время, так это небывалым уровнем смертности в рабочих кварталах во время пандемии.

В библиотеку запрещается вносить еду, и это вполне нормально, но опытным путем я установила, что энергетический батончик можно безнаказанно пронести куда угодно. Я решила подробно изучить личность Бена Норткатта. Читая его статьи ночью, во время бессонницы, я пришла к выводу, что он крутой. При личной встрече Бен, наоборот, показался мне болваном. Я даже засомневалась в сестре и ее вкусе относительно мужчин. Каро часто посмеивалась надо мной за то, что я предпочитаю серьезным отношениям парней на час, зато никто из них не пытался меня убить и не называл преступницей.

Но я не узнала о Норткатте ничего нового. Конечно, он был крупной фигурой в журналистике, но, кроме впечатляющей карьеры, ничего интересного в нем не было: ни жены, ни детей, никакой личной истории. Может, и у него была своя загадка, но разгадывать ее мне показалось скучно.

Когда мои полчаса бесплатного интернета закончились, я села за стол, открыла свой лэптоп и вставила в него карту памяти. На ней оказалось тысяча семьсот две фотографии. Заглянув в настройки карты, я поняла, что она показывает только изображения. Я сменила настройки – и увидела тысячу семьсот девяносто восемь файлов.

По спине у меня пробежали мурашки.

Волнение длилось секунд десять, пока я не поняла, что все добавочные файлы – это крупноформатные таблицы. Я стала открывать их одну за другой в поисках каких-нибудь подсказок, но ничего не нашла.

Среди моих знакомых только Риган обожает крупноформатные таблицы. Я написала ей эсэмэску с вопросом, когда она заканчивает работу сегодня.

«В восемь, – был ответ. – Но в додзё сегодня не пойду. Обедать придется?»

Я согласилась.

Других сообщений на моем телефоне не было, даже «Снапп» молчал. Я еще раньше написала Ти-Рексу, что Обри напал на меня, как

шакал, и с тех пор в эфире стояла мертвая тишина. Лучше бы Ти-Рекс наорал на меня, его молчание действовало мне на нервы.

Без двадцати восемь, купив по дороге бутылку вина, я пошла к Риган. Они с матерью жили в двухэтажном доме с отделкой, делавшей его похожим на пряник. Вообще дом выглядел так, как будто сошел со страниц детской книги. Миссис Чен обняла меня, когда я вошла, и я нисколько не возражала. У них я никогда не чувствовала себя в гостях.

– Ты опять ничего не ешь, – сказала миссис Чен. – Я же вижу. Ты совсем отошала, Ди.

– Так она живет на протеиновых батончиках, – тут же заложила меня Риган.

– В них полно витаминов, – возразила я, хотя и понимала, что это прозвучит неубедительно.

Миссис Чен покачала головой:

– Разве можно кого-то побить, когда ничего не ешь!

Как же она хорошо меня знала...

В тот вечер я ела от души. Миссис Чен приготовила пряное рагу из свинины с морковью, смесью перцев и арахисом. Сразу после ужина она ушла болтать по «Скайпу» с сестрой, которая жила в Гуанчжоу, а я достала карту памяти.

– Помнишь, я говорила тебе, что Каро дала мне мильон фоток? Так вот, среди них оказались таблицы.

– И ты хочешь, чтобы я объяснила тебе, что в них?.. Ладно. Но только после того, как посмотрю фото мини-Ди.

Я отдала ей карту; Риган воткнула ее в свой сверкающий новенький лэптоп последней модели, при виде которого мне стало стыдно за свой, потасканный. Открылась первая фотография – и началась серия подколов.

– Ты посмотри-ка, твоя мама сумела засунуть тебя в платье... Да еще и розовое!

– Осторожнее в высказываниях. Здесь есть и твои фото. Например, ты со стрижкой, которую соорудила сама себе лет в двенадцать; задокументировано для потомства.

– Ах, вот как? – отреагировала Риган. – Да это уже материал для шантажа... – И она перешла к таблицам. – А ты почему сегодня так рано закончила? Мама уже давно хотела позвать тебя к нам на ужин, но ты же по четвергам раньше десяти не освобождаешься.

– Ти-Рекс послал меня сегодня к Обри.

– Черт... И что этот псих выкинул?

– По полной программе. Облапать меня хотел, да еще целоваться полез...

– Надеюсь, ты ему руки-ноги поотрывала, – сказала Риган.

– Почти. Когда я уходила, он валялся на полу. И наверняка встал не сразу.

– Тебе надо менять работу. Чтобы не подвергать себя смертельной опасности. – Внимание Риган целиком переключилось на экран. – Здравствуйтесь, финансовые отчеты! Мое любимое.

Я уставилась на экран. Там действительно была какая-то оперативная смета, но меня, в отличие от моей лучшей подруги, тянуло в сон, стоило мне только взглянуть на длинные столбцы цифр.

– Так-так, эта таблица рассказывает печальную историю, – начала Риган. – Я знаю, что ты терпеть не можешь математику, но здесь все совсем просто. Видишь эту сумму? Это оперативная смета сети отелей Трэкстонов в Европе за прошлый год. Сумма порядочная. А вот эту сумму видишь? – Она ткнула в экран. – Это общий доход, и ему не хватает парочки нулей, чтобы эти числа сравнялись.

– То есть их сеть теряет деньги?

– И не просто теряет, а прямо-таки истекает деньгами, – пояснила Риган. – Может, просто год был плохой, из-за пандемии... Но если нет, то компания скоро прикажет долго жить.

Она открыла еще несколько файлов и везде обнаружила то же самое.

– Зачем твоя сестра отдала их тебе?

Мне вспомнились слова, которые Бен прошипел мне на лестнице. «То, чем занималась Кэролайн, – незаконно. Ты хочешь, чтобы об этом узнали все? Хочешь разнести репутацию сестры в клочья?»

– Я не знаю.

– Но ведь она была директором по связям с общественностью, – добавила Риган. – Зачем ей вообще было... погоди-ка. А это у нас что?

– А что это?

– Погляди сама. – Риган повернула ко мне экран. – Оперативная смета понизилась, что уже неплохо, но главное, видишь, они же просто купаются в деньгах!

Я поглядела.

– Нулей стало больше.

– Гораздо больше! И все было бы замечательно, относись эта таблица к другому континенту или к другому году. Но здесь все то же самое.

– Что ты хочешь сказать?

– Если и те, и те таблицы действительны, то компания «Трэкстон интернешнл» ведет двойную бухгалтерию.

Я сглотнула.

– Зачем? От налогов скрываются?

– Возможно. – Риган еще раз проглядела документы. – Или привлекают инвестиции. Никто не даст им денег, увидев первый баланс, зато второй внушает куда больше оптимизма.

– Все равно я не понимаю, зачем Каро отдала их мне. И зачем они ей самой понадобились, если на то пошло.

– Может, она хотела использовать их против Тео?

– Может быть, – согласилась я, хотя знала, что Тео давно оставил семейный бизнес. Правда, эта финансовая афера наверняка началась не вчера, а годы тому назад, и он вполне мог быть замешан в ней – в конце концов, он один в их семье имел крутые дипломы. И все же такая информация могла куда больнее ударить по родственникам Тео, которых Каро, в отличие от мужа, искренне любила.

Часть II

*Ни одно зло не губит нас так же верно, как то,
которое мы искренне любим, которое стремимся
продолжать и которого не пытаемся избежать.*

Джордж Элиот

Глава 21

Дейдре

В пять утра в пятницу меня разбудила эсэмэска от Бена Норткатта. «Мне кажется, мы расстались не на той ноте, – писал он. – Хочешь, выпьем сегодня кофе?»

Вообще-то мне хотелось знать, где он взял мой номер телефона, потому что сама я ему точно его не давала, но я так устала за прошедший день, что просто завалилась спать дальше.

В семь меня разбудила вторая эсэмэска, от Ти-Рекса: «Ты уволена».

Я сильно разозлилась, но совсем не удивилась. Каждый раз, думая о своей работе и о том, что особенно в ней ненавижу, я чувствовала, как у меня словно немеют кости. Эта эсэмэска подтвердила мои самые страшные догадки. Я вошла в другое приложение и проверила свой банковский счет – он страдал анемией. Вообще я получала зарплату один раз в две недели, но за Обри мне платили не позднее чем через двенадцать часов. Вот этих-то денег на моем счете и не было.

Я написала ответ: «Это что, шутка?» – хотя сама прекрасно знала, что нет.

Ответ от Ти-Рекса пришел в течение минуты. «Ты знаешь, что натворила».

Значит, все из-за Обри. Со всеми остальными клиентами все было в порядке.

«Ты должен мне деньги», – написала я.

Но ответа не получила.

У меня были два протеиновых батончика; жуя их, я обдумывала перспективы своего дальнейшего трудоустройства. Они не были радужными. Конечно, рынок труда для молодых и здоровых «рабочих пчел» никуда не делся, и я хоть сейчас могла найти на нем работу. Но я знала, что возненавижу ее так же быстро, как и прежнюю.

Я села в метро и поехала на Манхэттен, где сделала пересадку на станции «Гранд Централ» и откуда поезд № 6 повез меня на север, к Восточной Пятьдесят первой улице. Там, на Парк-авеню, огромным маяком из голубого стекла и проклепанной стали торчал еще один отель Трэкстонов – здание задумывалось как жутковато-стильное, а получилось похожим на аквариум в готическом духе. Два этажа в нем занимала штаб-квартира корпорации, остальное отдали под отель. Каро еще сто лет назад дала мне пропуск работника отеля, и я заходила сюда время от времени, иногда просто поздороваться с сестрой, но чаще – наведаться в кладовые для служащих, за едой. Конечно, после смерти Каро пропуск могли деактивировать, но этого не случилось, он работал. Лестница привела меня на третий этаж. До кладовой было уже рукой подать, когда я передумала и свернула на красную ковровую дорожку, ведущую к кабинету Каро.

Дверь была закрыта, но не заперта. Я толкнула ее и встала на пороге: идти дальше не было сил. Кабинет Каро был выдержан в тонах небесной лазури, и от этого казалось, будто он парит в вышине, хотя, по стандартам города Нью-Йорка, он еще даже от земли не оторвался. Мебель, разумеется, была гламурной. На стене, в самом центре, висела серебряная табличка от «Гражданского общества Диотима», а вокруг нее – снимки, на которых Каро запечатлелась со знаменитостями из разных стран, и несколько фото Тедди. Сестра везде выглядела безупречно, прическа волосок к волоску, не хуже, чем у всяких там королей и президентов. Даже не знаю, как она ухитрялась.

– Без нее все здесь иначе, да, Дейдре? – раздался за моей спиной низкий мужской голос.

Я обернулась. Позади меня стоял свекор Каро, Теодор, в черном костюме. Его седые волосы были аккуратно уложены, из нагрудного кармашка пиджака выглядывал нежно-голубой квадратик. Одним словом, вид у него был ухоженный, но лицо глубоко печально.

– Каждый раз, проходя мимо ее двери или снимая трубку телефона у себя в офисе, я снова вспоминаю, что ее больше нет, – продолжал он. – У меня на голосовой почте осталось одно ее забавное сообщение, и я проигрываю его время от времени, просто чтобы еще раз послушать ее голос.

Я кивнула. Я тоже не могла свыкнуться с мыслью о том, что сестры больше нет. И не знала, свыкнусь ли когда-нибудь.

– Недавно она прислала мне пачку семейных фото, – сказала я. – Точнее, не пачку, а целые сотни, на карте памяти. – И тут же прикусила язык, вспомнив, что еще было на этой карте.

– Что-нибудь особенное?

– Так, разные мелочи, которые я позабыла... Мы с Каро в одинаковых платьицах, например. Взрослая Каро скорее заживо сгорела бы, чем показалась на люди в таком платье.

– Иногда напоминание о таких мелочах – лучший подарок. Кэролайн умела самые обычные дни превращать в особенные. Это редкий талант.

– Рядом с ней и люди чувствовали себя особенными, неважно, заслуживали они того или нет.

Теодор улыбнулся:

– Хорошо сказано. У вас с ней похожее чувство юмора, ты знаешь? Кэролайн взвешивала каждое свое слово, прежде чем что-либо сказать, но те, кто был к ней особенно близок, знали, что она могла быть остра на язык.

Он был прав. На публике Кэролайн оставалась сдержанной настолько, что могла даже показаться скучной, зато потом, среди своих, делилась меткими наблюдениями и поражала сарказмом.

– Что привело тебя сегодня сюда? – спросил он.

Мне показалось неловким посвящать Теодора в свой план совершить набег на кладовку его отеля.

– Просто так зашла, деваться было некуда... Меня только что выгнали с работы.

– Выгнали? – Он озабоченно сдвинул брови. – Это еще почему? Что-то случилось?

– Честно? Я напинала одному слизняку, который хотел меня полапать.

– Дейрдре! – Теодор был в шоке. Сначала я думала, что все дело в моем выборе слов, но я ошиблась. – Ты собираешься подавать в суд? Адвокат у тебя есть?

– Нет. – Мне не хотелось выпячивать очевидное – у меня нет и никогда не будет достаточно средств, чтобы позволить себе защиту.

– Теперь есть. – Он вытащил из кармана какую-то коробочку. Я приняла ее за бумажник, но это оказалась визитница, в ней лежали разноцветные картонные прямоугольники. Теодор вынул один и протянул мне. – Это один из моих. Молодой, да ранний. Учился вместе с Тео. Надеюсь, это не повредит ему в твоих глазах. Позвони ему.

Я посмотрела на имя, выдавленное на визитке. «Хьюго Ларайя, адвокат, "Каспер Питерс Макнэлли"».

– Но мне нечем ему заплатить.

– И не надо. Он у меня накладе.

– Спасибо. – Я сунула визитку в карман.

– Тебе нужны деньги? Буду рад помочь.

Я почувствовала, что краснею. Брать подаяние не в моих привычках, да и таблицы с карты памяти Каро вызывали сомнение в чистоте этих денег.

– Нет, у меня все в порядке.

– Ладно, не буду мешать, ты, наверное, хотела побыть здесь одна, – сказал он. – Тео вчера тоже заходил. И уже улетел в Германию. В Берлин, кажется.

У меня даже голова закружилась, когда я это услышала.

– Уже? И Тедди тоже взял?

– Нет. Тедди и так достаточно натерпелся. Я не позволю человеку с такой нестабильной психикой, как у моего сына, уродовать жизнь еще и ему. – В голосе Теодора звякнула сталь.

– Но почему Тео так внезапно уехал? И почему именно в Берлин? – Сама я никогда не выезжала из Штатов, но слово «Берлин» почему-то ассоциировалось у меня с декадансом. Наверное, из-за фильмов: «Кабаре», «Вавилон-Берлин»...

– Тео, конечно, мой сын, но иногда даже мне бывает трудно понять причины его поступков. Он привык творить, что захочет, – тихо ответил его отец. – Что ж, остается только винить за это себя.

Мысленно я подкинула монетку. Сказать Теодору о том, что я знаю, или не сказать? Я решила – сказать! – и сделала глубокий вдох.

– Кэролайн говорила мне, что Тео убил свою первую жену. – Слова сорвались у меня с языка резко и как-то грубо, совсем не так, как я рассчитывала.

Старик поморщился так, словно я пнула его в голень.

– Я знал, что она знала. Мы с ней говорили об этом. – Он вздохнул. – Не возражаешь, если мы присядем? Это нелегкая для меня тема.

Я подошла к столу Каро и села в ее кресло. Ее свекор опустил в кресло с подушками напротив.

– Я расскажу тебе, что знаю и во что сам верю, – начал Теодор. – В жизни моего сына – он тогда только поступил в колледж – был период, когда он принимал наркотики и предавался... другим видам разрушительного поведения, назовем это так. Прежде всего, ты должна понять, что смерть той женщины не была умышленной. В это я верю твердо. Они с Тео... э-э, гм... играли, когда бывали под кайфом. В один из таких моментов она и умерла.

Он явно имел в виду какие-то сексуальные забавы – и мне сразу захотелось и узнать подробности, и блевануть.

– Как ее звали?

– По-разному – то Мирей, то Марианной, и еще парой других прозвищ. Ее фамилию я не знаю. Она искала богатенького мужа, вот и запустила коготки в Тео. А потом умерла.

Конечно, я не могла винить Теодора за то, что в этой истории он взял сторону сына, но от того холодного пренебрежения, с которым он говорил о погибшей, у меня даже зубы свело.

– А что было потом?

– Я поместил Тео в реабилитационную клинику.

– Нет, с женщиной.

– А что с ней могло быть? – удивился он так искренне, что я ужаснулась. Сын убил человека, неважно, намеренно или случайно, а для отца эта отнятая жизнь не имела никакого значения. Он о ней даже не подумал.

– Что стало с ее телом? – спросила я. – Люди ведь, наверное, стали интересоваться, почему ее больше не видно, куда она пропала и все такое.

– Я не знаю, правда, – ответил Теодор. – Кажется, полиция списала все на ограбление. Мой сын хранил в квартире наличные

деньги и наркотики... – Он длинно выдохнул. – Я увез его в клинику за сотни миль оттуда. Теперь мне, конечно, стыдно, ведь я помог Тео избежать ответственности за смерть той девушки...

– Хотите сделать то же самое и теперь?

Теодор так и впился в меня глазами. Некоторое время мы смотрели друг на друга.

– Если б Тео оказался виновен в смерти моей сестры, вы и теперь помогли бы ему скрыться?

– Нет, – твердо ответил Теодор. – Когда Тео женился на Кэролайн, я решил, что он остепенился. Точнее, я на это надеялся. И некоторое время мне даже казалось, что я не ошибся. А потом все началось сначала.

– Каро умерла не во время игры, – возразила я. – Думаете, Тео с ней что-то сделал?

– Вряд ли это возможно, но... – Он закрыл глаза. – Кэролайн хотела развода. И я понимаю почему. Тео требовал опеки над Тедди. И поэтому... – Его голос прервался.

– Что поэтому?

– Я никому об этом не говорил, – сказал Теодор. – Но я видел Тео в их доме прямо перед смертью Каро.

– Разве он был тогда в городе?

– Он хочет, чтобы все думали, будто его не было, – сказал Теодор. – Я сказал ему об этом вчера. Он отрицал, что был в городе, но я знал, что он лжет. Я видел его в доме.

– А вы ни с кем его не перепутали?

– Исключено. Я проснулся в пять утра. К дому напротив подошел Тео и вошел внутрь. Он пробыл там недолго, всего несколько минут. А когда вышел, я успел его хорошо разглядеть. Это точно был он.

– Надо сообщить об этом в полицию, – сказала я.

– О чем сообщить? Что Тео приходил к себе домой в то утро, когда погибла Каро? Но ведь когда он уходил, она была жива. – Теодор печально покачал головой. – Я уже что только не передумал... Может быть, он подменил какое-нибудь лекарство из тех, которые принимала Каро? Но доказательств у меня нет. Одни опасения.

– А камеры слежения? Какая-нибудь из них наверняка его зафиксировала.

– Все камеры были выключены, – сказал он. – Очевидно, коды доступа были у них обоих.

– То есть вы думаете, что Тео мог быть замешан в смерти моей сестры?

– Я не хочу так думать. – Теодор потер глаза. – Когда я припер его к стенке, сказав, что знаю, что он был у себя дома в то утро, я надеялся, что он даст мне какое-то объяснение. Любое, какое угодно. Но мой сын предпочел солгать. И я не могу придумать никаких невинных оправданий тому, зачем он это сделал.

Глава 22

Тео

Полет через Атлантику прошел мучительно. Я дремал урывками, а просыпаясь, каждый раз вспоминал ответ Тедди, когда я сказал ему, что мне надо уехать на пару дней. «Опять? Ну ладно. Пока». Потом я снова засыпал – и видел во сне Кэролайн. «Я больше не хочу быть твоей женой. Разве это так трудно понять, Тео? Уходи из моего дома».

В общем, никакого приличного выбора у меня не было.

Несколько раз я доставал из кармана письмо, которое ношу с собой всегда, и перечитывал его, снова и снова подвергая сомнению свою нормальность.

Дорогой Тео Трэкстон!

Пишу Вам после прочтения статьи о Вас в журнале «Верб». Автор статьи цитирует Ваши слова: «Самым драматическим эпизодом моей жизни был случай, когда я в возрасте трех лет упал в вольер к тигру в зоопарке Берлина». Надеюсь, Вам известно, что «Зоо Берлин», как мы себя называем, обладает коллекцией из 20 000 видов, обитающих на территории в 33 гектара. В данный момент в нашей коллекции отсутствуют крупные кошки, поскольку наш Дом хищников проходит крупнейшую реновацию и все хищники перевезены в другие зоологические сады. Однако, прочтя статью о Вас, я все же решила предпринять некоторое расследование, поскольку нечестно было бы по отношению к новым владельцам направлять к ним животное,

замеченное в агрессивном поведении по отношению к ребенку. Мое расследование показало, что случая, подобного тому, который описываете Вы, в нашем зоопарке никогда не было.

Не знаю, какие мотивы мог преследовать тот, кто выдумал эту историю, но я надеюсь услышать от Вас ее опровержение. «Зоо Берлин» всегда уделял и уделяет большое внимание вопросам безопасности как наших гостей, так и обитателей. Тем не менее в наше время есть немало тех, кто совершенно безосновательно считает любые зоопарки угрозой для людей и животных, а потому ничем не подтвержденные истории вроде Вашей могут лишь подлить масла в огонь их неприязни.

Благодарю Вас за внимательное отношение к данной проблеме.

С уважением,

Ута Нойманн.

Я так и не связался с женщиной, которая написала это письмо, но сообщенная в нем новость буквально перевернула мою жизнь. Я хорошо помнил день, когда это случилось, – то есть я помнил, как мы с матерью гуляли в зоопарке и как она держала меня за руку. Конечно, одни события той прогулки уже почти стерлись из памяти – например, я смутно помнил, как мать покупала сувенир, огромного плюшевого тигра, – зато другие так и стояли у меня перед глазами. И ярче всего мне запомнилось именно падение в вольер. Я как-то ухитрился вскарабкаться вверх по решетке, где и висел, как мне показалось, целую вечность. Но потом все же упал, и тут на меня набросился тигр и вцепился в меня, как в куклу.

Этого тигра я всю жизнь видел потом в кошмарах.

Вот почему письмо сотрудницы берлинского зоопарка стало для меня потрясением, хоть и не сразу. Сначала я решил, что это мои родственники что-то напутали, рассказывая мне, как все было. Или я сам запутался: например, все произошло в другом зоопарке, а у меня в памяти застрял Берлин, потому что на ошейнике игрушечного тигра была надпись «Зоо Берлин». Тогда я сам решил проверить эту историю – и не нашел ни одного упоминания о подобном случае в зоопарке. Зато нашлось множество сообщений о трагедиях в частных поместьях, когда тигры или другие крупные кошки, которых заводили для забавы богатые люди, рано или поздно нападали на кого-нибудь из их гостей. Но подробности этих происшествий никак не состыковывались с тем,

что помнил я. В общем, из этих поисков я сделал один вывод – родственники меня обманули.

Это была не главная причина, по которой я ушел из «Трэкстон интернешнл», но, когда настало время выбирать, я, зная правду, смог сделать решительный шаг. Но ошибся, думая, что Кэролайн захочет уйти со мной.

В Берлин я прилетел в середине утра. Зарегистрировался в первом попавшемся отеле из тех, которые выдало мне приложение для путешественников. Отель назывался «АС Гумбольдт», как и большой парк, раскинувшийся поблизости. Фактически это был район Митте, то есть центр Берлина, но административно относился все же к Гезундбруннену, где издавна селились рабочие и не шлелись толпы туристов. Остатки печально знаменитой стены с пограничным пунктом «Чарли» были так же далеки от него, как Марс. Район был мне незнаком, зато там располагался транспортный узел, так что добраться оттуда можно было куда угодно.

В моем номере оказались полы из сучковатых сосновых плашек, печальные черно-белые портреты на стенах, угольно-черная мебель и белоснежное крахмальное белье. Первым делом я принял горячий душ. Вытираясь, увидел свое отражение в зеркальных стенах ванной – и долго не мог оторвать взгляд от своего самого большого шрама. Он обладал странной притягательностью, этот длинный красный рубец, тянувшийся от ямки у меня под горлом почти до самого пупка. Когда я жил студентом в Берлине, то сделал себе татуировку – две строки из Кристофера Марло, разделенные этой зловещей красной чертой надвое:

У ада нет ни места, /ни пределов: Где мы – там ад, /где ад – там быть нам должно^[10].

На мне были и другие шрамы, рваные следы от когтей хищника. Как ни странно, тот главный, самый длинный шрам спас мне жизнь – его оставили не когти зверя, а скальпель хирурга. Когда я учился в частной школе в Англии, то водил компанию с мальчишками, которые хвастались друг перед другом тем, кто глубже себя порежет, дольше продержит руку над пламенем, и разными другими ужасными штуками. Так мы рисовались друг перед другом, демонстрировали, кто из нас круче. Но боль была настоящая, и для меня она кое-что значила сама по себе. Она помогала мне укрощать темную сторону моего «я»,

ту самую, которая шептала «я полон скрытых страхов» и где обитало полуживотное-полубожество, требовавшее жертвоприношений. Поэтому я выделялся даже в нашей шайке мелких психопатов. Всех привлекал мой шрам, деливший меня на две половины, словно какой-то лабораторный экспонат. И, кстати, о силе детского воображения: когда я заявил своим друзьям, что этот шрам оставили жрецы культа ацтеков, которые пытались принести меня в жертву тигру, мне поверили безоговорочно.

Я стал одеваться и заставил себя забыть о шраме. На визит в прошлое я отвел себе два дня. Ведь ясно же, что мое длительное отсутствие в Нью-Йорке – и в жизни моего сына – только добавит вес обвинениям, которые выдвигает против меня сестра. На миг у меня даже мелькнуло подозрение – а вдруг она подкупила доктора Хэвен, и та меня подставила? Ведь доктор Хэвен склоняла меня к немедленному отъезду, хотя прекрасно знала о замыслах моей сестры. «Хватит паранойи», – приказал я себе. Но, увы, другого оружия против семьи, кроме паранойи, у меня не было.

Я сел в метро и, как заправский турист, поехал на юг, к Бранденбургским воротам. Раньше я видел их только ночью, и мне запомнилась лишь золотая от специальной подсветки колоннада восемнадцатого века. Днем мое внимание привлекло совсем другое: колесница на самом верху и богиня победы, правившая четверкой коней. Студентом я прожил в Берлине полтора года, но так и не нашел времени посетить Рейхстаг или Мемориал убитым евреям Европы, хотя и тот, и другой находились всего в квартале от меня – один к северу, а другой к югу. Зато я часто проводил время в Тиргартене, берлинском аналоге Центрального парка.

Вот и теперь я остановился на большом бульваре, который пересекает Тиргартен, – улице Семнадцатого июня, названной так в память о восстании в Восточном Берлине. По идее, чтобы вспомнить месяцы, проведенные мной в Берлине, мне надо было бы погулять по дорожкам Тиргартена, мимо его фонтанов и каменных статуй. Но студентом я обычно приходил туда под газом. Советский военный мемориал на бульваре запомнился мне куда лучше, потому что именно там обычно назначал мне встречи деловой партнер моего отца Клаус фон Штром. «Твой отец хочет, чтобы я присматривал за тобой, но я обещаю не относиться к его желанию слишком серьезно, – заявил он

мне, когда я поступил в университет. – Какой смысл жить в Берлине, если не позволять себе немножечко декадентства?»

Не знаю, что понимал под декадентством Клаус, но я взялся за дело серьезно. В школе я курил марихуану и пил отвар из мухоморов; в университете начал глушить голоса в голове кетаминном, мидазоломом и опиатами. Мое падение было стремительным.

Колонна Победы с позолоченным идиолом – символом военной мощи на вершине – наплывала на меня издалека, становясь тем отчетливей, чем ближе я подходил к ней. Берлинский зоопарк тоже оказался совсем рядом, к юго-западу от мест моих прогулок. В юности, вернувшись в этот город, где однажды чуть не расстался с жизнью, я чувствовал себя отчаянно храбрым, почти до наглости, но в зоопарк сходить так и не решился. На этот раз я пообещал себе, что все будет по-другому.

Но это потом, а сначала мне надо вспомнить время, которое я провел тут с Мирей.

К западу от Тиргартена, прямо рядом с ним, был мой университет – его архитектурный ансамбль располагался на Эрнст-Ройтер-платц. Помню, что месяц-другой я еще ходил на занятия, а потом почти перестал, так что никаких воспоминаний о том, как выглядел университет изнутри, у меня не сохранилось.

Я пошел на юг, по Кнезебекштрассе к бульвару Канштрассе, где все указатели показывали на восток, в сторону зоопарка, который был всего в двух кварталах оттуда. Даже не знаю, о чем я думал, когда в восемнадцать лет выбрал для жительства именно это место. Но тогда я наглухо заблокировал для себя прошлое и, наверное, так преуспел с наркотиками, что мог и не увидеть эти знаки.

Квартира, которую я тогда снимал, находилась где-то к югу от бульвара. Название улицы я вспомнил, только увидев его на стене дома, – Нибурштрассе. Точно, это она, все так же застроенная элегантными домами. Надо же, нашел, и даже довольно быстро...

Я хорошо помнил тот день, когда в мою дверь постучала Мирей. Темноволосая, бледная, с розово-красными губами, она походила на ожившую принцессу из сказки. «Извини за беспокойство, – заговорила по-английски с французским акцентом, – я только что переехала сюда – и потеряла телефон. Можно от тебя позвонить?»

Помню, как я стоял и пялился на ее шею в черном кольце чокера с серебряными заклепками. Совсем как у девушек из клубов фетишистов, в которые я ходил. Но мое внимание привлек не столько чокер, сколько крошечная стеклянная бутылочка, висевшая на тонкой цепочке. Она была наполнена чем-то красным. Мирей перехватила мой взгляд.

«Я – вампир в душе», – сказала она и лукаво улыбнулась.

Даже много лет спустя я почувствовал, как часто забилось у меня сердце, едва я вспомнил ту встречу. Мы познакомились в октябре, в начале второго курса, а к февралю Мирей уже была мертва. Все последующие годы я жил, старательно избегая любых напоминаний о ней. И только сегодня меня вдруг осенило: как странно, что такая красивая девушка взяла и позвонила мне в дверь... И еще одну вещь я вспомнил, глядя на дом, где все это случилось. Я говорил доктору Хэвен, что очнулся в своей квартире, но это было не так. Я жил на четвертом этаже и никогда не закрывал на ночь шторы, потому что мне нравилось видеть звезды в окно. А вот квартира Мирей была на первом этаже, и она всегда закрывала жалюзи, чтобы прохожие не заглядывали в окна. Так вот, когда я очнулся, в комнате горел свет, и жалюзи были опущены. Я повернул голову и увидел рядом Мирей...

Я хотел войти в дом и позвонил консьержке, но мне никто не ответил. Ничего удивительного – когда я жил здесь, постоянного консьержа тоже не было. Я попытался заглянуть в окно квартиры, где жила Мирей, но робко, боясь, как бы жильцы не вызвали полицию и та не арестовала меня за неподобающее поведение. Внутри было темно, и я смог разглядеть лишь деревянный пол – он был светлый, а не темный, как тогда. Хозяева наверняка все поменяли после убийства.

Я вспомнил, как твердил тогда имя Мирей. Как потянулся к ней – и вдруг увидел, что держу нож. Как я хотел пошевелиться, но не мог – тяжесть была такая, как будто на плечах у меня кто-то сидел. До сих пор я считал, что это из-за наркотиков, но тут впервые в жизни понял, что в комнате мы были не одни. Там был кто-то еще...

Глава 23

Дейдре

Я выходила из офиса «Трэкстон интернешнл» в растерянности. С одной стороны, Теодор отнесся ко мне по-доброму, многое рассказал мне про Тео, и я была благодарна ему за это. С другой стороны, меня коробило его спокойное пренебрежение к женщине, которую убил его сын, неважно, намеренно или нет. Он говорил о ней не как о человеке, который был и которого не стало, а как о сломанном стуле, выброшенном на помойку. Конечно, я знала, что к Каро Теодор всегда относился иначе, но рассматривать его как союзника все же не могла. Что бы он там ни говорил, а сына однажды от тюрьмы отмазал... Отмажет и во второй раз.

Я написала Бену и спросила, когда мы можем встретиться. Тот ответил немедленно и предложил кафе на Першинг-сквер. Я спустилась по Парк-авеню до вокзала Гранд Централ, прошла его насквозь и вышла на Сорок вторую улицу. Бена я увидела сразу: он сидел, развалившись, на металлическом стуле кафе, нога на ногу, в рваных джинсах, зеленой рубашке на пуговицах и грубых кожаных ботинках. Подойдя ближе, я увидела, что Норткатт читает Хемингуэя. Надо же, весь набор журналиста-мачо налицо, прямо как по инструкции...

– Дейдре. – Он улыбнулся мне и взмахнул рукой, откладывая книгу в мягкой обложке.

– Привет, – сказала я, садясь за его столик.

– Я подумал, тебе здесь будет удобнее, ты ведь седьмым поездом едешь...

Между нами повисло неловкое молчание, во время которого я вспоминала нашу единственную короткую встречу.

– Откуда ты знаешь, где я живу в Квинсе? И откуда у тебя мой номер телефона?

– Кэролайн дала, – сказал Бен так, как будто это было очевидно.

– А зачем?

– Наверное, она считала, что мы с тобой будем союзниками, – ответил он.

– Тогда почему она мне ничего о тебе не рассказывала? – Правда, я тут же вспомнила то фото в конверте, который отдала мне сестра. Ну и что? Глядя на то фото, я только узнала, что Бен существует, и всё.

– Наверное, она просто забыла. У нее ведь было столько дел... Но я уверен, что она собиралась это сделать.

– Сестра ни разу словом о тебе не обмолвилась. Что между вами было?

Последовало ошарашенное молчание.

– Вау... Каро всегда говорила, что ты прямолинейная, – сказал наконец Бен. – И не преувеличила, как я погляжу.

Я смотрела на него молча. Он не выдержал первым.

– Если кто-то тебя о чем-то спрашивает, это еще не значит, что отвечать обязательно. – Бен улыбнулся мне, и я поняла – этой улыбкой он привык добиваться своего везде и всюду. – Хорошо, что те, кому задаю вопросы я, об этом не догадываются.

– Я знаю, что Каро и Тео жили каждый своей жизнью, и не осуждаю тебя.

– И на том спасибо.

Я уже начинала думать, что сама виновата в том, что ничего не добилась от Бена в нашу прошлую с ним встречу – сбила его с толку своим внезапным появлением, вот он и взбрыкнул. Но тут я поняла – задница он, вот и всё. Подошел официант. Бен предсказуемо заказал себе черный кофе, а я – простой воды. Надо было уточнить – водопроводной, потому что официант вернулся с бутылочкой «Пеллегрино».

– Я хотела увидаться с тобой потому, что мне нужна информация, – начала я. – Каро не посылала тебе письмо после смерти?

– Я не могу говорить об этом.

Найдя в телефоне картинку с письмом, я увеличила изображение и показала ему последние строки: «Если у меня не получится, это сделаешь ты. Я верю в тебя, на тебя вся моя надежда. От тебя зависит будущее моего сына».

Краска сбежала с его лица, и наглости сразу поубавилось.

– Куда она это послала?

– Вот на этот рандомный адрес. Или кажущийся рандомным. Твой?

Бен смотрел в экран, как будто не понимая.

– Ага. Я держу много таких адресов для информаторов.

– Но такое письмо ты не получал?

Он помотал головой:

– Я не так часто их проверяю. Но это сообщение для меня.

Икс, так она его назвала. Конечно, может, и «экс», но это не точно.

– О чем она здесь пишет? Что Каро хотела, чтобы ты сделал?

– Я не могу тебе это рассказать.

– Не можешь мне – Расскажи полиции. – Надо же, я топлю за копов: сначала агитировала отца Тео поговорить с ними, теперь угрожаю напустить их на Бена... Но больше мне нечем было его припугнуть.

– Слушай, Дейрдре, мне хотелось бы рассказать тебе правду, – сказал Бен. – Но я не знаю, на чьей ты стороне.

– Я на стороне Каро, – сказала я. – На остальных мне плевать.

– Покажи то сообщение, которое она прислала тебе.

Тут уже я возмутилась:

– Что-что?

– Если она послала сообщение мне, значит, послала и тебе, – заявил Бен. – Я хочу его видеть.

Я неохотно достала телефон. Бен прочитал письмо молча, кивая самому себе.

– Значит, она рассказала тебе о Тео, – сказал он. – Это хорошо. А то ты мне не поверила бы.

– А что она говорила тебе?

Бен поднял бровь.

– Она никогда не говорила тебе о пытках, которым подвергал ее муж? О том дерьме, которое творилось у них в доме?

– Ты о чем?

– Например, о том, что она не имела права на приватность? Ее личные вещи кочевали из комнаты в комнату, в них постоянно кто-то рылся.

– Да, я кое-что слышала.

– Кэролайн боялась сказать тебе об этом, – продолжал Бен. – Боялась, что ты сочтешь ее сумасшедшей. Согласись, когда человек постоянно жалуется, что кто-то меняет местами его обувь в коробках, такого человека рано или поздно начинают подозревать в том, что он не в себе. А на самом деле это умысел.

– Умысел? – переспросила я. – Не поняла.

– Это психологическая война. Похоже на смерть от тысячи царапин. К такой тактике прибегала Штази, тайная полиция Восточной Германии. Они посылали своих агентов в квартиры диссидентов в их

отсутствие. Агенты перекладывали там вещи с места на место с целью дезориентировать хозяев и в конечном счете отдалить их от родных и близких. Ведь когда тот, над кем регулярно проделывали такие штуки, начинал жаловаться близким, то те, разумеется, скоро принимались подозревать его в лунатизме, а то и паранойе.

– Погоди-ка, я что-то не поняла. То есть вещи просто перекладывали с места на место? И ничего не брали?

– Конечно, нет. Если из квартиры что-то пропало, то это законный повод обратиться в полицию. Например, если ты скажешь, что у тебя пропало кольцо, никто не сочтет тебя тронутой. А вот если ты будешь жаловаться, что кто-то бывает у тебя дома в твоё отсутствие и перебирает украшения в твоей шкатулке... как, по-твоему, что о тебе подумают?

– Ну люди, наверное, решат, что я сама переложила их, а потом забыла. – В словах Бена была логика, хотя и жестокая.

– Я думаю, Каро стеснялась рассказывать людям, что с ней происходит, – продолжал Бен. – А у нее все время было такое ощущение, как будто земля уходит из-под ног.

– Каро встречалась с тобой в то утро, сразу перед смертью?

– Да. Она должна была мне кое-что занести.

– Карту памяти?

– Черт, а ты откуда знаешь?

– Когда я ходила в полицию, они показали мне список всего, во что была одета моя сестра и что у нее было с собой в момент смерти, – ответила я. – Карта памяти лежала во внутреннем кармане ее легинсов.

– Я должен был сам забрать ее у Кэролайн, – объяснил Бен. – Но Тео неожиданно вернулся в то утро и напугал ее до чертиков. Он подслушал, как она говорила со мной по телефону, – не знаю, что именно он успел услышать, но Кэролайн была в ужасе. Она не ждала его так рано, он должен был вернуться на следующий день. Она написала мне, что сама придет ко мне утром, хотя плохо себя чувствовала. У нее было сильное сердцебиение. Этот ублюдок убил ее.

– Ты уже шел к ней?

– Мы должны были встретиться в паре кварталов от ее дома. Кэролайн не хотела, чтобы ее свекор или свекровь знали. – Бен уставился в пространство, его подбородок стал жестким. – А Тео спутал ей все карты.

– А что на той карте, которую она должна была передать тебе?
– Улики, – сказал Бен.
Тут уже у меня сильно забилося сердце.
– Какие улики?
– Тео – преступник, – сказал Бен. – Вся семья Трэкстонов – преступный синдикат. Кэролайн хотела, чтобы я доказал это.

Глава 24

Дейдре

Бен жадно смотрел на меня и ждал моей реакции. Я отпила воды.
Спросила:

– Как, двойной бухгалтерией?

Вопрос оказался настолько неожиданным для Норткатта, что у него даже челюсть отвисла.

– Кэролайн рассказала об этом только мне и Джуд, так она говорила. Откуда ты узнала?

– Значит, Джуд тоже знает? – вопросом на вопрос ответила я, чтобы выиграть время. Мое сердце рухнуло на бетонный пол кафе, немного полежало там, трепыхаясь, потом, израненное, вернулось на свое место.

– Откуда ты узнала? – повторил Бен настойчиво.

– Каро давно прислала мне флешку с кучей фоток. А вчера вечером я обнаружила, что там есть еще и таблицы.

– Подстраховалась, наверное, – задумчиво пробормотал Бен.

– Я не понимаю, зачем Трэкстонам нужны два варианта отчетов.

– Чтобы отмывать деньги, – сказал Бен. – Эта семейка имеет давние связи с преступным миром, а история о том, как Теодор-старший выиграл свой первый пятизвездочный отель в карты, – туфта. Он уже был связан с бандитами, а им понадобилось новое подставное лицо, чтобы легально вкладывать деньги, добытые через разные преступные схемы.

– Ты это имел в виду вчера? Когда сказал, что моя сестра занималась незаконными делами?

Бен кивнул:

– Она все знала про Трэкстонов, но не уходила от них.

Мне хотелось защитить Каро. Она всегда была честным человеком, к тому же я знала, что она посвятила себя помощи людям. Джуд рассказала мне, как много денег сестра отдавала «Диотиме», а ведь это была не единственная благотворительная организация, в которой она состояла. И все же злость против моей воли сдавила мне горло, стоило подумать, что Каро знала все о криминальных делишках свекра. Мне вспомнился ее голос, когда я в панике позвонила ей, прочитав письмо матери, ее спокойное: «Не обращай внимания. Живи своей жизнью»... Наверное, нечестно с моей стороны было вспомнить именно это – в конце концов, Каро тогда сама была девчонкой, ей было всего двадцать лет, – но я знала за своей сестрой такую привычку: делать вид, что неприятные события, которые происходят вокруг, ее не касаются.

Я глотнула еще воды.

– Не понимаю, как это работает.

– Отели – прикрытие теневого бизнеса, – сказал Бен. – Их гости могут быть кем угодно и откуда угодно, а главное, их может вообще не быть, а доказать обратное невозможно. На бумаге все номера заполнены, постояльцы то и дело заказывают еду, напитки, массажи и все прочее. Таким манером только через один отель можно отмыть миллионы.

Я судорожно сглотнула. Вчера мы с Риган пришли к выводу, что неправдоподобно низкие цифры в отчетности Трэкстонов были липой, предназначенной для ухода от налогов. Но нам даже не приходило в голову, что подделывать можно и прибыли.

– И давно они этим занимаются?

– Много лет. Когда я разоблачу их, Тео сядет в тюрьму.

– Но Тео как раз ушел из семейного бизнеса, – возразила я. – Почему он-то виноват?

Бен так оскалился, как будто с трудом сдерживал рвущиеся наружу ругательства.

– Ты что, на его стороне?

– Нет, конечно. Просто я не понимаю, почему отвечать должен один Тео. В тюрьму должна отправиться вся семейка.

– Да пошли они, эти Трэкстоны. – Бен произнес фамилию, как сплюнул, с презрительной оттяжкой. – Считают себя солью земли, а

сами обычная воровская шайка.

Но я все еще ничего не понимала.

– Бен, сестра написала мне, что ее муж кого-то убил. Она боялась, что с ней случится то же самое.

– Да, он убийца.

– Тогда почему ты так заикнулся на бизнесе, хотя Тео как раз не имеет к нему никакого отношения?

– А ты на моем месте на чем заикнулась бы? – Он попытался прогнать голубя ногой, но тот не испугался, а глянул на Бена воинственно, как ястреб.

– Тео убил женщину – то ли жену, то ли подружку – в Берлине, когда был студентом. Его отец сам мне это сказал.

– Кэролайн рассказывала. Но она даже не смогла выяснить, как ту звали. Дохлый номер.

– Ну не совсем, – возразила я. – Отец Тео рассказал мне кое-что. Женщина пользовалась разными именами – то Мирей, то Марианна. Умерла от удара ножом в квартире в Берлине. Тео тогда был еще очень молод, учился в колледже. Отец сразу вывез его из страны и спрятал в какую-то клинику для наркозависимых, а полиция решила, что к женщине вломились наркоманы, квартиру ограбили, а хозяйку зарезали.

– И это, по-твоему, кое-что? Сразу видно, что ты не журналистка.

– А ты журналист-одиночка, и сразу видно почему – никто из коллег тебя дольше пяти минут на дух не выносит. Это я тут с тобой торчу, но только ради Каро. Ты – профессиональный журналист. Вот и раскопай, кто она была, эта убитая женщина.

Бен помотал головой.

– Кэролайн поверить не могла, что свекор прикрыл все делишки своего сына.

– Но почему никто не хочет подумать о жертве? – взвилась я. – Почему все делают вид, что ее как будто не было, а ее смерть важна лишь постольку, поскольку она как-то там повлияла на Тео?

– Вот ты сама и займись.

– Но я даже не знаю, с чего начать!

– А тебе и не надо ничего начинать. Продолжай делать то, что ты делаешь, – задавай вопросы. Как говорят, потряси дерево – может, оттуда что и свалится. – Норткатт пожал плечами. – Люди думают, что

журналистика – это умение писать. Вовсе нет. Это умение быть настойчивым.

Я не говорила по-немецки и у меня не было денег, чтобы полететь в Берлин. Паспорта, и того не было. А из Квинса такое дело не раскроешь, это даже мне было ясно.

– А ты что будешь делать?

– Продолжу заниматься историей, которую подкинула мне Кэролайн, – сказал он. – Если хочешь помочь, отдай мне карту.

– Я лучше пришлю тебе таблицы по почте, – зажалась я.

Официант принес общий счет, и Бен заплатил. Я не возражала: пара протеиновых батончиков – вот и все, что у меня было, а ими за бутылку «Пеллегрино» не заплатишь.

– Ты говорил, что это Тео убил Каро, – начала я. – Но я не понимаю, как? Что он такого сделал, кроме того, что появился в доме, когда его не ждали?

– Он запугивал ее.

– Каро побежала к тебе, – сказала я, думая вслух.

– Она должна была передать карту моему привратнику, – ответил Бен.

– И все же она этого не сделала. Карта была при ней, когда ее нашли... – Вместо того чтобы бежать прямо к дому Бена, Каро зачем-то свернула в парк. Зачем? Или почему? Что ее туда привлекло?

– Вот именно. – Бен вдруг застыл, точно замороженный. – Что ты сказала?

– Это не кажется тебе странным? – продолжила я. – Вот смотри, она пробежала больше мили на юг, а потом, когда до твоего дома остались считанные метры, вдруг повернула в другую сторону...

– Что ты имеешь в виду?

– Может, ее кто-то преследовал?

– Тео был в доме, – размышлял Бен. – Он видел ее. Он мог ее дождаться.

Но у меня мелькнула совсем другая мысль. Отец Тео сказал, что видел, как сын вошел в дом, а вскоре вышел. Значит, он мог видеть и как моя сестра отправлялась на утреннюю пробежку. Конечно, вряд ли Теодор лично причастен к ее кончине. Но если он узнал, что Каро делится информацией о махинациях его семьи с каким-то журналистом, то кто знает, на что он мог пойти?

– Это необязательно был Тео, – возразила я. – Когда она умерла, при ней не было мобильного. Что если кто-то другой заглянул в него, проверил последние вызовы, прочитал сообщения и понял, что она встречалась с тобой?

– Никто ничего не знал, – возразил Бен, вставая и беря со стола книгу.

– Любой, у кого был доступ к ее телефону, мог знать.

– Кэролайн звонила мне с одноразовых телефонов, – возразил Бен. – Она понимала, что делает.

Он развернулся и зашагал прочь, прежде чем я успела хотя бы открыть рот. Моя законопослушная, благонамеренная сестренка пользовалась одноразовыми телефонами? Да как она узнала, где их берут?

На покинутый Беном стул отважно взлетел голубь.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросила я его. – Я совсем запуталась.

Глава 25

Тео

Отель Трэкстонов в Берлине стоял на Музейном острове, небольшом клочке суши посреди реки Шпрее. До Бранденбургских ворот от него примерно такое же расстояние, как от ворот до Колонны Победы в Тиргартене, только остров находится к востоку от ворот, а Колонна – к западу. Вот почему на пути к отелю я невольно совершил пешую экскурсию по величественной Унтер-ден-Линден, где полюбовался неоклассическим зданием оперного театра и внушительной громадой университета Гумбольдта. Правда, это не входило в мой первичный план посещать лишь те места, где я бывал студентом, – в те времена к оперному театру и к университету меня никто не заманил бы. Но, стоя перед домом, где когда-то снимал квартиру, я все сильнее укреплялся в мысли, что в ту страшную ночь там был кто-то третий. Вряд ли Джульетта; я точно помню, что увидел ее, лишь когда меня втащили в самолет, чтобы везти в клинику. Причем втащила тоже не Джульетта – она уже сидела в салоне, – а я

помнил лицо того, кто усаживал меня в кресло и пристегивал ремнем. Это был не Клаус, его я узнал бы сразу по копне белых волос и изрядному пивному животу. Нет, того человека я видел единственный раз в жизни – там и тогда.

На такси я подъехал к Люстгартену – название, которое всегда очень смешило меня в юности, хотя переводится оно просто – «Сад удовольствий», – что напротив собора. Будь я в городе как турист, то сразу отправился бы на север, к Пергамскому музею с его вавилонскими, ассирийскими и римскими древностями; или к Нойес Музеум – Новому музею, где собраны памятники Египта и Трои; а то и к музею Боде – полюбоваться византийским искусством и поглазеть на коллекцию редкостей. Но, поскольку в Берлин меня привело дело, я задавил в себе эти мечты и, собравшись с духом, повернул к югу.

Отель «Трэкстон интернешнл» являл собой архитектурную фантазию на тему средневекового замка – у него был даже собственный ров с водой по всему периметру. Как и все наши семейные отели, этот тоже был из стекла и бетона, но с причудливыми украшениями в виде ощерившихся стальных гаргулий.

В фойе я сразу спросил управляющего и был приятно удивлен, когда ко мне вышел Пьер Дорваль в изысканном темно-синем костюме и, подойдя, чмокнул меня в щеку. Я мало знаю людей, столь же элегантных от природы, как этот сорокапятилетний мужчина, чье лицо обрамляла шапка каштановых кудрей.

– Извини, я знаю, что из-за пандемии такой способ приветствия стал непопулярен, но ничего не могу с собой поделать. Я же обнимашка, как говорите вы, американцы!

– Рад тебя видеть, – ответил я совершенно искренне. – Я и не знал, что ты теперь в Берлине. – Когда я ушел из компании, Пьер управлял нашим отелем в Париже.

– Год назад представилась возможность перевестись сюда, и я ее не упустил, – ответил Пьер. – Мой муж родом из Копенгагена, так что он тоже был в восторге. А для меня это просто сбывшаяся мечта, как говорится... Какими судьбами в Берлине? – Вдруг он прихлопнул рот рукой. – Ой, Тео, я же забыл про Кэролайн! Прости меня, мне так жаль... Она была такая чудесная личность. Никак не могу привыкнуть, что ее больше нет.

– Да, ужасное было время...

– Как твой малыш? Сколько ему уже, четыре?

– Почти. Ему пришлось тяжелее всех. – Я поспешил сменить тему. – Собственно, я из-за этого сюда и приехал. Двенадцать лет назад я жил в Берлине студентом и теперь хочу разыскать кое-кого из своих тогдашних знакомых. То есть тогда они жили и работали здесь, а теперь я, к стыду своему, даже имена их не помню. Можно мне посмотреть списки сотрудников отеля?

– Разумеется! – ответил Пьер, повернулся к консьержу за стойкой и стремительно отдал ему какие-то указания на немецком. Я понял только, что часть файлов оцифровали, а часть так и осталась на бумаге. Консьерж отправил за ними кого-то из своих подчиненных.

– Ты обедал? – спросил меня Пьер.

– Нет. – Я даже не думал о еде – в последний раз я съел в самолете обычный дорожный завтрак из пластикового контейнера. – Я спешу.

– Ну еще бы... Американцы вечно спешат. Вы как будто живете в стране Белого Кролика: «Я опаздываю, ах, боже мой, как же я опаздываю на важную встречу!» – И Пьер укоризненно покачал головой. – А у нас здесь такая прекрасная столовая! Тебе все равно придется ждать, пока найдут твои бумаги, так почему бы не провести время со вкусом? Пойдем, пообедаем.

Пьер оказался прав – столовая в отеле была действительно грандиозной: ее романский купол величиной и пышностью мог легко поспорить с куполом музея Боде, а пол, выложенный мозаичной плиткой разных оттенков голубого и синего, сверкал и переливался, точно море. Влажный блеск реки за окнами укреплял иллюзию всякого вошедшего, будто тот ступает по воде.

– Этой роскошью мы целиком обязаны твоей сестре, – сказал Пьер, когда мы уселись за столик у окна. – Реновацию провели еще до моего прихода, но я слышал, что все придумала Джульетта.

Я огляделся – действительно, кто, как не моя сестра, додумался бы соединить современные столы и стулья из стали с позолоченной мозаикой.

– Джульетта всегда вникает в детали.

– После твоего ухода основным портфелем компании управляет она, – заметил Пьер. – А мне так нравилось работать с тобой, Тео... Почему ты ушел? Не понимаю.

Пьер работал на нашу семью, но не был посвящен в нелегальную сторону нашего бизнеса. Что я мог ему ответить? Я сказал ему правду, но не всю:

– Все детство я видел, как через отели моего отца проходили прекрасные произведения искусства: вавилонские львы, египетские предметы погребального культа, замечательные картины. Иногда их выставляли, но чаще продавали. А я, видя их, каждый раз думал: «Этим вещам место в музее».

– Понимаю. В детстве родители возили меня отдыхать на юг Франции, – оживился Пьер. – Однажды мы пошли в музей. Раньше это был частный дом, в нем жил какой-то художник. И я увидел там пару египетских скульптур – они были большие, выше меня ростом. – Он показал рукой. – Помню, я смотрел на них и думал, как же они оказались в чьем-то доме? Им явно было место где-нибудь в музее.

– Черный рынок произведений искусства существовал всегда, – пояснил я. – Бывает, что музеи отказываются от предметов искусства неясного происхождения, но частные коллекционеры никогда ими не брезгуют. Я сказал отцу, что если я нужен ему в его бизнесе, то он должен уйти с черного рынка.

– Но ведь он так и сделал, разве нет? По крайней мере, через этот отель уже давно ничего такого не проходило. Да и в Париже, где я работал раньше, тоже.

Я вздохнул.

– Мой отец – большой мастер соблюдения формальностей. Он считает, что выполнил мои требования, но я-то знаю, что сделал он это чисто формально. Поэтому я и ушел.

Большого я сказать Пьеру не мог. Насколько мне было известно, краденными древностями отец торговать перестал. Но тут же пустился в новую авантюру, ничуть не более законную, только с другими партнерами. И тогда я решил, что с меня хватит. Я подробно объяснил Кэролайн, что именно он затеял. Она и ухом не повела, заявив: «Ну и что? Зато подумай, скольким людям можно помочь на эти деньги». С того дня нас разделил океан, в прямом и в переносном смысле.

– То есть ты поэтому занимаешься теперь тем, чем ты занимаешься? – осторожно сказал Пьер. – Прошу тебя, только не говори, что ты приехал забрать нашу Нефертити. Германия приобрела ее у Египта совершенно законно.

Он имел в виду знаменитый бюст, украшающий постоянную экспозицию Нового музея, который находился чуть севернее того места, где мы сидели с Пьером.

— Группа немецких археологов, которая нашла Нефертити, вела раскопки по лицензии египетского правительства, но сам Египет тогда находился под властью Османской империи, а заправляли там всем англичане, — сказал я. — Так что и она тоже часть наследия колониализма.

— Думаешь, если вернуть им эти сокровища, они смогут заботиться о них как нужно? — спросил Пьер. — Ты же бывал в Стамбуле. Вспомни их музей. У них там столько всего римского, они просто тонут в римских артефактах. Памятники искусства лежат во дворе кучами, их поливают дожди, по ним лазают кошки...

Мы целый час проговорили о политике и искусстве, что для меня было приятным разнообразием. Когда мы вернулись в офис, на столе Пьера уже лежали папки с нужными мне бумагами. В отелях компании «Трэкстон интернешнл» было принято фотографировать всех служащих, так что если тот человек, чье лицо мне запомнилось, когда-нибудь работал у нас, я его узнаю. Так оно и случилось, причем довольно скоро. Тринадцатая по счету папка, которую я взял со стола, содержала сведения о человеке по имени Мехмет Бадем. Стоило мне взглянуть на снимок, и время будто повернулось вспять. Со снимка на меня смотрел тот самый человек, который внес меня в самолет.

— Он еще работает здесь? — спросил я и показал Пьеру фото.

— Я его не знаю... — Пьер просмотрел документы в папке. — Нет, он уволился пять лет назад, причина — инвалидность. Несчастный случай, подробности не указаны. Очень странно. — Он перевернул еще пару страниц и подошел к компьютеру. — Ему платят пенсию.

— У тебя есть его адрес? — Я едва сдерживал волнение.

Пока Пьер искал и выписывал для меня адрес, я пролистал другие папки, но больше никого не узнал. Все это время у меня в голове с настойчивостью ночного комара над ухом зудела мысль: могла ли Джульетта случайно оказаться рядом именно в ту ночь, когда умерла Мирей? Ведь тогда она сама еще была студенткой, заканчивала программу МБА в одном из университетов Лиги плюща. Перекошенное гневом лицо сестры стояло передо мной как живое. «Ты испортил мою неделю в Париже, говнюк. Чтоб ты сдох». Я не впервые

задавался вопросом, насколько далеко способна зайти моя сестра, чтобы завладеть семейным бизнесом, но кровь еще никогда не леденела у меня в жилах так сильно, как тогда.

Глава 26

Дейдре

После разговора с Беном я не знала, куда пойти. Позвонила Джуд сначала на мобильный номер, потом на рабочий, и оба раза попала на голосовую почту; сообщения оставлять не стала – боялась, что голос выдаст мое волнение. В нашу прошлую встречу Джуд ясно дала мне понять, что по-прежнему хранит от меня кое-какие секреты моей сестры, но мысль о том, что Каро посвятила ее в тайны преступной деятельности семьи Трэкстонов, а меня – нет, причиняла мне боль. Конечно, речь шла не о личной жизни, не об отношениях с мужем, но меня все равно не оставляло чувство, что сестра доверяла мне лишь наполовину.

Конечно, существовала еще и другая возможность – Бен просто солгал. Об отмывании денег я впервые услышала от него. Может, и Джуд тоже. Он – скользкий тип, на которого надо хорошенько надавить, если хочешь у него что-то выведать. Верить ему на слово – большая ошибка.

Я допивала воду, размышляя о том, что сяду сейчас в метро и поеду к мэрии, чтобы там подстеречь Джуд, когда она выйдет с работы, и тут мне позвонили копы.

– Дейдре, не могла бы ты еще раз зайти к нам? Появились новые факты, и нам надо обсудить их с тобой, – услышала я голос Вильяверде.

Я не поверила своим ушам. Копы сами зовут меня к себе? Когда я была у Вильяверде, то поняла, что он считает меня истеричкой, которой больше всего хочется привлечь внимание к собственной особе. Вот почему я удивилась, что он все же взялся за этот запутанный клубок – убийство моей сестры.

– Конечно, – ответила я, даже не скрывая энтузиазма. – Уже иду.

В участок я не шла, а летела. Там пришлось немного подождать, но очень скоро ко мне вышел полицейский и, дружелюбно улыбаясь, проводил меня в комнату для допросов, где предложил содовой. Тут появился Вильяверде с напарником, крепким коротышкой с оранжевыми волосами и веснушками, которого представил мне как детектива Гори. Гори сразу принялся разглядывать мои руки, словно собирался составить каталог моих татуировок. Вдруг он покачал головой, и я поняла, что дело серьезное.

– Мы хотим задать тебе несколько вопросов, Дейрдре, – начал Вильяверде.

– Конечно, задавайте. Только сначала я задам вам один вопрос. Вы знаете, что Тео уже в Берлине?

Копы переглянулись.

– Нет, мы об этом не слышали, – сказал Вильяверде.

– Он свободный человек, может ехать куда угодно, – добавил Гори.

– Он только что схоронил жену и сбежал, бросив маленького сына, – возразила я, кладя руки на стол ладонями вверх. – По-моему, это подозрительно. И еще, сегодня утром я говорила с его отцом.

– Да? – скучающим голосом отозвался Гори.

– Он подтвердил, что первая жена Тео умерла, и сказал, что ее смерть была связана с наркотиками. – Я поняла, что не хочу проблем для старика. Не то чтобы я полностью ему доверяла, но и ломать ему жизнь тоже не входило в мои планы. Пусть он расскажет свою историю сам. – А еще он сказал мне, что в день смерти моей сестры Тео вернулся из командировки раньше, чем его ждали, и ранним утром был уже дома.

– Слушай, Дейрдре, вообще-то мы позвали тебя не за этим, – сменил тему Вильяверде. – Мы хотим тебе помочь, но сначала нам нужна кое-какая информация.

– Какая?

– Ты говорила, что твой отец избивал твою мать, – сказал Гори. – Но ни слова не сказала о том, что сама пыталась убить своего отца.

Шестеренки времени заскрежетали и замерли. Я смотрела на Гори и слушала стук своего сердца, которое бухало, словно далекая канонада. Напускать на себя воинственный вид и выяснять, что он хочет этим сказать, было бесполезно. Как и притворяться невиновной.

– Я защищала мать, – сказала я. – Она написала письмо, на случай если муж ее убьет. Я случайно нашла его и...

– И что?

– Я хотела помочь.

Слова вырвались у меня почти как рыдание. Мое детство прошло в доме, над которым висела тень насилия. Сколько себя помню, шлепок по мягкому месту мог настигнуть меня в любой момент, просто чтобы шустрее поворачивалась. Те два года, что Риган практически жила с нами, были оазисом тишины и спокойствия, потому что при людях мои родители вели себя совершенно иначе. Но стоило нам остаться без посторонних, и наш дом превращался в какой-то львиный прайд. А когда мне исполнилось пятнадцать, у отца начались какие-то проблемы с бизнесом, и дома вообще житья не стало.

– И ты воткнула в него нож, как в стейк, – сказал Гори. – Повредила ему жизненно важный орган. Отец мог умереть.

«Не драматизируй, – сказала мне тогда Каро. – Просто они так живут». Но я не послушала ее совет. В ту неделю, когда я нашла в Библии письмо, мама каждый день надевала шарфик, закрывая им шею, что было странно. И вот как-то вечером она его сняла, а я случайно увидела и ужаснулась: ее хрупкое белое горло перечеркивала цепочка синяков – следов от пальцев. Я пошла на кухню, взяла там нож и унесла к себе, завернув в старое чайное полотенце. И дала себе слово, что больше не буду сидеть сложа руки, когда услышу звуки драки у них в комнате. Надо сказать, что худших деяний моего отца я никогда не видела, но всегда слышала.

– Он был пьян, – сказала я. – И избивал мою мать.

Та ночь запомнилась мне как любительское кино, снятое «с рук», когда картинка все время дергается и подпрыгивает. Может быть, это потому, что, когда я вошла в их комнату, меня саму трясло? «А ну, прочь», – зарычал отец, но весь его гнев был по-прежнему направлен на мать. Она завизжала, он толкнул ее. Я не стала тратить время на споры и просто всадила ему нож в спину.

В комнате повисло молчание.

– Конечно, мы понимаем, что ты оказалась в ужасной ситуации, – сказал Вильяверде. – И мне жаль, что тебе пришлось через это пройти. Нам обоим жаль.

Гори, услышав слова напарника, будто проснулся.

– Никто не должен проходить через такое, – буркнул он.

– Мне было всего пятнадцать. – Эти слова смутили меня саму, повиснув в воздухе между мной и ими. Что это я, оправдываюсь малолетством? Но я не знала, как объяснить копам, что в нашей семье жаловаться чужим на своих считалось преступлением похуже, чем любое физическое насилие. Только один человек на свете мог меня понять – Каро. Так что, да, пырнуть отца ножом было для меня тогда единственным выходом.

– Понятно. Мы тут каждый день имеем дело с теми, кто берет правосудие в свои руки. Некоторые из них даже хотят кому-то добра, вот только кончается это всегда плохо.

Слова Гори показались мне горькими. Но спорить было трудно. Отец сам отказался вызвать полицию или поехать к врачу, но на следующий день ему стало плохо, он слег с лихорадкой. Мой удар ножом не мог убить его сам по себе, но отец подхватил сепсис и провел пару недель в больнице.

Мать навещала меня в Психиатрическом центре Кридмора, куда меня уехали, чтобы провести психиатрическую экспертизу и выяснить, есть у меня преступные наклонности или нет. «Зачем ты это сделала, ягненок? – спрашивала она меня нежно, с певучим ирландским выговором. – Какой ужас...»

«Он же хотел тебя убить, – отвечала я ей. – Я нашла твое письмо».

«Какое письмо?»

«То, в нашей Библии».

При упоминании Библии мать перекрестилась.

«Оно не предназначалось для твоих глаз, ягненок. Мне жаль, что ты его нашла».

«А я рада, что нашла его. Теперь он получил по заслугам».

«Ты не права. Ему нужна помощь. Как и всем нам, наверное».

...От воспоминаний у меня задрожали руки. Чтобы скрыть это, я сцепила пальцы.

– То, что случилось с моим отцом, не имеет никакого отношения к смерти Каро.

– Как раз имеет, и самое непосредственное, – заявил Гори. – Ты считаешь, что мужчины, у которых не складываются отношения с женами, заслуживают смерти.

По всей видимости, мое понимание выражения «не складываются отношения» отличалось от его собственного, но я не стала поднимать эту тему.

– Я считаю, что каждый имеет право на справедливость.

– Но жаждешь мести, – возразил Гори. – А это не одно и то же. Не буду притворяться, что понимаю, каково тебе сейчас; скажу только, что ты ступила на зыбкую почву.

– Я не понимаю, какое отношение события из давнего прошлого моей семьи имеют к тому, что происходит сейчас.

– Обри Саттон-Брейтуэйт хочет, чтобы мы завели на тебя дело за то, что ты сделала с ним вчера, – сказал Вильяверде. – Мы объясняли ему, что ты сейчас в стрессе, но он...

– Обри? – Я вытаращила на него глаза. – Но ведь он сам на меня набросился!

– И тем не менее ты сидишь перед нами совершенно невредимая, ни синяка, ни царапины, – возразил Гори. – А вот у него сломаны два ребра и сотрясение мозга.

– И по заслугам, – буркнула я мрачно. Вряд ли я так уж сильно его отделала. Травму головы он вообще, скорее всего, симулировал.

– Почему по заслугам?

Было бы соблазнительно предаться ярости. Хотелось опрокинуть стол, вырваться из участка, найти Обри и разбить ему башку, как яйцо. Меня остановила только память о маме.

– Может, позвоним моему адвокату? – сказала я. – Его зовут Хьюго Ларайя. Он работает в компании «Каспер Питерс Макнэлли».

– Мы знаем такого адвоката, – подтвердил Гори. – И знаем, что у тебя нет на него денег.

– А вот в этом вы ошибаетесь, как и во многом другом, – возразила я. – Где тут у вас телефон?

Глава 27

Дейдре

Не могу сказать, что у меня было ясное представление о том, как должен выглядеть всемогущий адвокат Теодора Трэкстона, но парень,

который вскоре вошел в комнату для допросов, обманул бы ожидания любого. Хьюго Ларайя словно явился с костюмированной вечеринки по мотивам романа «Великий Гэтсби», где играл в крокет. Он был весь в белом, от элегантных остроносых кожаных туфель до мягкой фетровой шляпы. Копы вытаращились на него так, словно он у них на глазах шагнул в комнату прямо со страницы книги.

– Привет, я Дейрдре, – поздоровалась я.

– Моя любимая новая клиентка, – ответил Ларайя с улыбкой.

– Мы только... – начал было Гори, но Ларайя предостерегающим жестом выставил вперед руку.

– Я знаю, что вы затеяли, – произнес он с расстановкой, сверля полицейских взглядом, который заставил их опустить глаза. – Я уже говорил со свидетелем протеста, которому мисс Кроули пожаловалась на сексуальные домогательства Обри Саттон-Брейтуэйта.

Услышав это, я вспыхнула. Думать о себе как о жертве мне было так же приятно, как сидеть на муравейнике.

– Свидетелем протеста? – переспросил Вильяверде.

– Теодором Трэкстоном, – сказал Ларайя. – Уточню – старшим. – Ларайя сел со мной рядом. – Всего десять минут ушло у меня на поиски информации об этом Обри, и знаете, что я обнаружил? Множественные случаи вождения в нетрезвом виде – раз. Пара обвинений в нападении – два. И несколько обвинений в сексуальных домогательствах и даже изнасиловании – три. А вы тут сидите и гнобите его очередную жертву, как будто она и есть преступница. Одумайтесь, джентльмены! Включите мозги.

– Отец Обри позвонил в службу контроля АДА^[11], – начал оправдываться Гори, – прислал им копию медицинского освидетельствования. Они передали информацию нам.

– Мы знали, что Дейрдре недавно потеряла сестру, и захотели помочь, – вставил Вильяверде.

– А, так вы, значит, помогали ей, обходясь с ней как с правонарушителем? – повторил Ларайя. – И после этого полицейские еще удивляются, что граждане им не доверяют... – Он перевел взгляд на меня: – Дейрдре, пойдем отсюда.

Я ошарашенно смотрела на него:

– Так я могу идти?

– Тебя же не арестовали, – сказал Ларайя. – Значит, ты имеешь полное право встать и уйти отсюда.

И мы пошли. Оба полицейских смотрели нам вслед с таким выражением, какое бывает у мультяшных персонажей, когда их переедет грузовик.

– Давай сначала выйдем на улицу, а уж там поговорим, – сказала Ларайя. – А то в таких местах и у стен есть уши.

Мы вышли на Пятьдесят первую улицу, перешли Третью авеню. Всего в половине квартала от нас был парк, известный жителям Нью-Йорка как Зеленый акр. Преувеличение, конечно, – по размеру он меньше акра, но что зеленый, то да. Мы пошли туда, уселись на бетонную скамью и примерно с минуту созерцали в дружеском молчании струи каскадного водопада в северной оконечности парка.

– Я так и не поняла, что это сейчас было? – нарушила молчание я, слегка успокоившись. – Теодор Трэкстон дал мне твою визитку. Я даже не думала ею пользоваться. Как ты узнал про Обри?

– Из интернета, пока ехал в такси, – объяснил Ларайя. – Еще раньше мне позвонил мистер Трэкстон – может быть, сразу после разговора с тобой. Он странный тип, но уж если берет кого-то под свое крыло, то никогда не делает это наполовину.

– Я чуть от злости не лопнула, когда ты назвал меня жертвой, – призналась я. – Ведь это я надрала этому Обри задницу, как он того и заслуживает.

– В глазах закона важно, чтобы ты действовала в целях самообороны. Закон косо смотрит на попытки граждан брать правосудие в свои руки.

– И что мне теперь делать?

– Рассказать мне, что случилось вчера, – ответил Ларайя. – После мы свяжемся с АДА и составим полицейский рапорт о происшествии.

– Но я не хочу...

– Придется, – жестко пресек мои попытки возражения Ларайя. – Не беспокойся – большую часть этой работы я сделаю сам, без твоего участия. Но, раз он решил подать на тебя в суд, надо, чтобы и твое видение событий было зафиксировано документально.

– Я рассказала об этом Джуд Лазаре, подруге моей сестры. Она работает в мэрии, в отделе по связям с общественностью. Когда Обри меня облапал, я не знала, куда кинуться. Голова шла кругом. А офис

Джуд всего в паре кварталов от его квартиры, вот я и решила зайти к ней.

– То есть ты пошла к ней сразу после нападения? Отлично! – Адвокат выглядел очень довольным. – Любой свидетель, каждая подробность произошедшего нам на пользу.

Просто удивительно, как расспросы могут стимулировать память. Я вдруг вспомнила, что рассказала о нападении еще и Риган. Тут Ларайя заговорил о «Снаппе».

– Ты знаешь, что можешь подать на них в суд? Они сознательно подвергали тебя опасности.

– Так-то оно так, но копы только что жарили меня на медленном огне, выпрашивали подробности из моего прошлого... Я не хочу, чтобы это всплыло наружу.

– По закону они не имели на это права, однако в руках богатых людей закон проявляет порой недюжинную гибкость, – сказал Ларайя. – Но дело необязательно доводить до суда. Можно взять отступные. И если в этом «Снаппе» сидят не полные дураки, то они такой шанс не упустят.

– Но разве мне не придется изображать перед всеми жертву?

– Тебя использовали, Дейдре. Твои работодатели воспользовались твоим подчиненным положением и выступили практически в качестве сутенеров. Они ведь знали, куда и к кому тебя посылают. Поэтому нет ничего постыдного в том, чтобы встать и сказать об этом во всеуслышание. Твое молчание выгодно прежде всего им, а не тебе.

В горле у меня встал ком, который не сразу позволил мне ответить.

– Можно я подумаю?

– Конечно. Я знаю, неделя у тебя выдалась тяжелая, – сказал Ларайя. – Кстати, я не сказал тебе, как мне жаль Кэролайн. Она была таким теплым, душевным человеком...

– Ты ее знал?

– Я был на их свадьбе, – ответил он.

Я его не запомнила, но это не странно: я сама всю свадьбу хоронилась по темным углам и слиняла оттуда, едва представился удобный случай. Подружкой невесты была Джуд.

– Теодор говорил мне, что ты друг Тео, – сказала я.

– В колледже мы крепко дружили, но Тео так и не простил мне того, что я работаю на его отца.

– Почему?

– Они антагонисты, эти двое, – объяснил Ларайя. – Как-то я сказал Тео: «Назови мне еще хотя бы одного юриста-филиппинца, работающего на высококласную юридическую фирму типа "Каспер Питерс Макналли"». Правильно – таких больше нет. Я один. И работаю там по личной рекомендации Теодора. Но для Тео мое согласие работать на его семью стало чем-то вроде предательства. «Ты влипнешь в его паутину, из которой не выберешься», – твердил он мне. По его словам, отец никогда не делает ничего без выгоды для себя и за любую свою помощь ждет благодарности с процентами.

Мне захотелось расспросить его о схемах отмывания денег, но я удержалась, зная, что это бесполезно.

– А ты знаешь, что Тео сейчас в Берлине?

– Шутишь? – Он помотал головой. – Черт... Вот до чего доводят попытки вмешаться.

– Какие попытки?

– Извини, я слишком много болтаю, – сказал Ларайя. Минуту он молчал и вдруг спросил: – А ты знаешь, почему отношения между твоей сестрой и Тео испортились так внезапно?

– Каро никогда мне об этом не рассказывала.

– Да, мне тоже. – Ларайя улыбнулся. – Но интересно. Они ведь были так близки в свое время...

– Теперь я точно знаю одно – моя сестра рассказывала мне далеко не все о своей жизни.

– Не хочу показаться циником, – ответил адвокат, – но для людей это обычное дело – не посвящать самых близких в подробности своей жизни.

Глава 28

Тео

Мехмет Бадем жил в Пренцлауэр-Берг, районе, который я хорошо знал еще со студенчества. Наркотиками и клубами фетишистов полон

весь Берлин, но те, кому хочется чего-нибудь покруче, отправляются в Пренцлауэр, где есть все что угодно. Дом Бадема был к востоку от Мауэрпарка, названного так в память о стене, которая стояла там когда-то, и от очаровательных кофеен и бутиков Шенхойзер-аллее.

Сам дом походил скорее на промышленную постройку, чем на жилье: четыре этажа, составленные друг на друга, точно коробки; внизу – африканский ресторан. У входа в подъезд были двенадцать квартирных звонков, на которые я жал по очереди, пока в одной из квартир не ответили.

– *Anlieferung*, – сказал я в домофон, надеясь, что правильно вспомнил, как по-немецки доставка – мой немецкий всегда оставлял желать лучшего. Меня впустили.

Квартира Бадема была на верхнем этаже, и он открыл, как только я постучал. Я сразу узнал его по фотографии, хотя, случись мне встретиться с ним на улице, прошел бы мимо. Десять лет назад он был крепким, мускулистым мужиком, а теперь превратился в живой скелет, обтянутый желтой, обвисшей кожей. С исхудавшего лица смотрели запавшие глаза. Волосы, раньше темные, были обильно разбавлены сединой и зализаны назад.

Я как будто смотрел в черное зеркало. Наверное, если б я не завязал в свое время с наркотиками, то сейчас выглядел бы не лучше.

– Мехмет Бадем? *Entschuldige*. – Я хотел извиниться за то, что явился к нему без всякого предупреждения, но дальше немецкого «извините» дело у меня не пошло. – *Ich bin...*

– Я тебя знаю, – сказал он по-английски, уставившись на меня почти немигающим взглядом.

– Меня зовут Тео, – сказал я. – Раньше вы работали на мою семью в отеле Трэкстонов.

Бадем вытаращил глаза еще больше, в горле у него что-то булькнуло.

– О, черт, – прошипел он.

– Мне сказали, что с вами произошел несчастный случай в отеле, несколько лет тому назад...

Он отшатнулся так, словно я его ударил. Я воспользовался случаем, шагнул внутрь и закрыл за собой дверь.

– Верно. – Бадем еще немного попятился.

– Что это было? – спросил я.

– Ты же Трэкстон. Сам должен знать, – ответил он, не сводя с меня глаз.

– Все, что я знаю, это что пять лет назад что-то произошло. Чем вы занимались в отеле?

– Работал охранником, – с опаской ответил он.

Ну ясное дело, кем же еще...

– Сигарету? – вдруг спросил он.

– Нет, спасибо.

Бадем отошел к дивану, взял с него пачку сигарет и закурил. Сам он выглядел развалиной, но в квартире у него было довольно чисто. Телевизор с большим экраном, консоль для видеоигр, новенький лэптоп; не богач, конечно, но пенсии, видимо, хватает. Вдруг с диванных подушек кто-то тьякнул. Черно-белая кудлатая собачонка вскочила и начала, захлебываясь, лаять на меня.

– Ш-ш-ш, Снупи, – одернул ее хозяин.

– Славная какая, – сказал я, хотя шавка уже оскалила на меня клыки. Собака была совсем некрупная и наверняка неопасная, но мне все равно пришлось призвать на помощь все свое мужество, чтобы не убежать.

– Нервничает, – объяснил Бадем. – Ты же чужой. Он чужих не любит.

– Мне нужно задать вам пару вопросов.

Лай не умолкал.

– Сейчас, только отнесу его в спальню, – сказал Бадем, сгребая песика в охапку. – Тогда и поговорим.

Я подошел к окну и стал глядеть вниз, на оживленную улицу. В мой первый год в Берлине, узнав о существовании Пренцлауэр-Берга, я проводил здесь почти каждую ночь. БДСМ-клубов в Берлине было как грязи, но только здесь я узнал игры с кровью и с тех пор то и дело платил хорошеньким девчонкам за то, чтобы они вскрывали мне вены. Так я убегал от самого себя. Когда кровопотеря становилась достаточно сильной, я терял сознание, голоса в моей голове умолкали, и я больше не слышал этого «я полон скрытых страхов». И сколько бы я не работал с доктором Хэвен над восстановлением памяти, те моменты не вспоминал никогда – они так и оставались черными провалами пустоты и безвременья. Как и было задумано с самого начала.

Теперь, глядя в окно, я гадал, что заставляло меня так отчаянно искать забвения в те дни. Доктор Хэвен пыталась мягко направить меня на разговор о моих родителях и о том, как повлиял на меня их развод и последующее бегство матери от нас с отцом и Джульеттой. Но мать я не винил; я верил, что она бежала, спасая свою жизнь. Не зря ведь Урсула говорила: «Жизнь с Трэкстоном – чистое мучение». У меня не было причин сомневаться в ее правоте.

Вдруг я явственно услышал голос Мирей: «Что может быть романтичнее, чем тайная свадьба, Тео? Давай убежим от всех и поженимся, а? Пусть у нас будет маленький секрет». И я немедленно согласился, потому что не мыслил тогда жизни без нее. Мы совсем недолго были вместе, но из-за нее я перестал ходить в клубы; она тоже знала толк в кровавой игре, была добра и никогда меня не осуждала. И вот, стоя в чужой квартире и глядя из окна на улицу, где было пролито немало моей крови, я вдруг замер. Странно, Мирей давала мне все, в чем я нуждался, и никогда ничего не просила взамен. Можно было подумать, что она существует единственно для моего удовольствия, а я, эгоистичный, как все молодые мужчины, считал, что так и должно быть.

Задумавшись, я очнулся, только когда услышал щелчок за своей спиной. Обернувшись, увидел Бадема – он стоял передо мной и целился мне в грудь из пистолета.

Глава 29

Дейдре

Никогда в жизни я не чувствовала себя настолько потерянной. Работу я потеряла, а от одной мысли о том, чтобы подать в суд на бывшего работодателя, мне становилось тошно, что бы там ни говорил Хьюго Ларайя. Сестры у меня тоже больше не было, а разговоры с Беном и даже Джуд оставили у меня неприятное ощущение того, что и при жизни я совсем ее не знала. Мне не с кем было поговорить о ней. Риган, конечно, выслушала бы меня и постаралась помочь, но беда в том, что она знала Каро в основном с моих слов. С Джуд все обстояло как раз наоборот: она хорошо знала Каро, но считала нужным

дозировать информацию. А Бен вообще отказался обсуждать со мной их отношения, что еще сильнее укрепило мое подозрение насчет серьезности намерений сестры расстаться с мужем.

Я додумалась только до одного: получить информацию о Каро у самой Каро. Вот почему я села на поезд № 7 на станции «Гранд Централ» и поехала на восток.

В детстве, еще совсем маленькой, я любила зависать в отцовском гараже на Виллетс-Пойнт, районе, известном как Железный Треугольник Квинса, в паре шагов от старого «Ши Стэдиум»^[12]. Отец разрешал мне сидеть за рулем и воображать себя гонщиком «Формулы-1». Но это было давно. Я уже много лет не была у него на работе. Оказалось, что отец поменял только вывеску: крупные буквы «Авторемонт Кроули» торчали теперь на крыше старого каркасного дома, обшитого гофрированным железом. Дом остался прежним, хотя весь район вокруг перестроили. Видимо, мой отец не гнался за прогрессом.

Подходя к гаражу, я не сразу увидела отца. Я стояла на подъездной дорожке и дышала полной грудью, успокаиваясь перед встречей с ним, как вдруг заметила его ноги в носках, длинных, словно гольфы, которые он, по какой-то странной привычке, вечно скатывал до щиколоток. Почему-то на память мне сразу пришло самое начало «Волшебника страны Оз», когда Злая Ведьма Востока грохнулась об землю.

Я хотела заговорить, но голос мой как будто заржавел. Мы с отцом так давно не разговаривали, что я даже не знала, с чего начать.

Пока я собиралась с духом, отец закончил то, что делал под машиной, и стал выбираться наружу. Пятна смазки чернели у него на руках и на лбу. Увидев меня, он вздрогнул так, словно ему явился призрак, и стукнулся головой о днище.

– Дейдре? – спросил отец, едва дыша, и робко улыбнулся. – Я так рад, что ты...

– Это не визит вежливости, – перебила его я. – Мне нужно видеть последнее электронное письмо, которое ты получил от Каро.

Его улыбка погасла. Он достал из кармана тряпку и принялся вытирать руки. Казалось, это простое действие полностью завладело его вниманием.

– Я уже и не помню, когда это было... Мы редко писали друг другу, – заговорил он с ирландским акцентом. Подозреваю, что в тот день, когда отец сошел с корабля, который привез его из Белфаста, он говорил точно так же. Тридцать лет жизни в Нью-Йорке ничего не изменили.

– Я знаю, что ты получил сообщение от Каро в день ее похорон, – сказала я. – Мне надо его увидеть.

Он посмотрел на меня, нахмурившись и сосредоточенно щурясь, точно пытался уразуметь что-то непостижимое.

– Как она могла написать мне *после* того, как умерла? – спросил он наконец и встал на ноги.

– Воспользовалась сервисом под названием... неважно. Кэролайн создала несколько сообщений, которые должны были уйти только после ее смерти. Одно – мне. Второе – тебе.

– Вообще-то я не интересуюсь всей этой белибердой из интернета. Но посмотреть могу. – Отец бросил тряпку на землю и повернулся на каблуках.

Мы подошли к боковой двери гаража, за которой была маленькая комната – офис. Там все осталось так, как я запомнила с детства: небольшой фанерный стол и два высоченных стеллажа, которые отец сколотил сам. На столе стоял древний компьютер из желтоватого пластика. Когда отец запустил его, тот заскрежетал так, словно внутри него жил птеродактиль.

– Это может занять какое-то время, – предупредил отец, водружая на нос очки для чтения.

На стене кабинета висел портрет моей матери в рамке. Судя по ее платью, фото было сделано в день их с отцом свадьбы. Под ним была другая рамка, объемная. В ней под стеклом лежала одна красная роза. Я сразу узнала цветок – он был из того букета, который я положила на гроб матери. Она умерла от рака незадолго до рождения Тедди. Отец не был виноват в ее смерти. Но зато он был виноват во всем остальном, и за это я его ненавидела.

– Ну вот, запустился, – сказал отец.

Я обошла стол так, чтобы видеть экран.

– Заходи в почту.

Еще минуту загружался его аккаунт в «Хотмейле».

– Ты все еще им пользуешься? – не сдержалась я.

– А что? Он же работает.

В почтовом ящике не оказалось никаких посланий от «Озириса». В плане общения отец как был, так и остался минималистом: в ящике хранилось всего двенадцать писем, так что ошибиться было невозможно.

– Проверь спам, – велела я.

Он кликнул туда. Пусто.

– Значит, у тебя есть другой адрес.

– Нет, только этот, – сказал отец, но тут же вспомнил: – Точно, есть же еще один, для бизнеса... Сейчас зайдем туда.

Уставившись в стену, я ждала, когда откроется вторая почта.

– Извини, я редко пользуюсь этим адресом, – сказал отец, видя мое нетерпение. Я промолчала, разглядывая фото у него на столе. На одном была вся наша семья: мне едва исполнился год, Каро лет шесть; на другом – мы с Каро в обнимку.

– Ты поставил эти фотки, когда умерла Каро? – спросила я отца.

– Нет, они давно здесь.

– А зачем тут мои?

Он оторвался от клавиатуры и повернулся ко мне:

– Потому что ты – моя дочь.

– Мы же не общаемся.

Он снова повернулся к компьютеру.

– Это твой выбор. И я его уважаю. Но, разговариваешь ты со мной или нет, это не отменяет того обстоятельства, что ты – мой ребенок.

– На меня твоя психологическая трепотня не действует. Я тебе не Каро, – предостерегла его я. – Это она умела прощать, а я – нет.

– Знаешь, вряд ли тебе это понравится, но ты куда больше похожа на меня, чем Каро.

– Ищи лучше письмо, – перебила его я.

– Я говорю это не для того, чтобы сделать тебе еще больнее, – ответил отец. – Уж я-то знаю, каково это – испытывать гнев. Не зная, как справиться со своей яростью.

– Заткнись. Ты ничего обо мне не знаешь. Ты и я – биологические родственники, но я никогда не думаю о тебе как об отце. Для меня ты – тот, кто избивал мою мать.

В комнате повисло ледяное молчание.

– Я переставал быть собой, когда пил, – прошептал он. – Если бы ты знала, как мне теперь жаль...

Но это я уже слышала. Отец всегда винил во всем алкоголь, даже когда пил. Послушать его, так виски меняет природу человека. По мне, так это все равно, что сказать: маска, которую носит человек, определяет его характер. Впрочем, в случае с моим отцом верно было как раз обратное: алкоголь срывал с него маску и показывал его гнилое нутро, его истинную сущность. Так в фильме ужасов какой-нибудь монстр стягивает с себя человеческое лицо, а под ним оказываются скользкие щупальца. Тьма, которая всегда была внутри...

– Просто найди письмо, – повторила я.

Я наблюдала, как он роется в сообщениях компании. Ничего от «Склепа Озириса» там не было.

– Может, оно в почте, дома? – предположил отец.

– Но это же не письмо! Не обычная почта! – от расстройства я даже закричала. – Слушай, у тебя должен быть еще адрес. Люди то и дело подписываются на новые адреса, а потом забывают...

– Я пользуюсь своим уже двадцать лет, – возразил он. – Адрес компании новее, потому что я долго не хотел заводить сайт. Никаких других у меня нет.

В отчаянии я вынула свой телефон.

– Сообщение выглядело вот так. Видишь?

На экране появилась надпись: «Склеп Озириса сохранит ваши данные в целости и неприкосновенности». И ниже: «Кэролайн Кроули хочет, чтобы вы прочли это письмо».

– Так ты про это? – Отец выглядел ошарашенным. – Я его сразу стер.

– Что? Почему? Что там было написано?

– Не знаю. Я его даже не открывал. Эти стервятники-журналисты то и дело названивали мне, спрашивали, сидела ли Каро на наркотиках... Я думал, это от них.

– Открой корзину, – велела я ему.

Он открыл, и первым, что мы там увидели, было письмо Каро. В нетерпении я оттолкнула руку отца и сама кликнула на письмо.

Папа!

Это письмо, которое я пишу тебе сейчас, самое трудное в моей жизни. Я всегда считала, что мой долг – оставаться жизнерадостной и энергичной, но на самом деле я давно несчастна. Моя всегдашняя нелюбовь к выяснению отношений, и даже просто к разговорам на сложные темы, привела к тому, что я поверяю свои мысли только бумаге, пусть и цифровой. Рождение ребенка подтолкнуло меня к размышлениям о том, что и как влияет на человека, пока он растет. Я много думала о тебе и маме – не знаю, к добру или к худу. Но каждый раз, вспоминая детство, я испытываю обиду. Все, что было тогда дурного, не сотрешь, но я все равно благодарна тебе за то, как сильно ты изменился в последние годы. Жаль только, что, когда мы росли, ты был другим.

Я знаю, что Дейдрэ не подарок, но только от тебя зависит, помиришься ты с ней или нет. Я знаю, ты считаешь, что она ненавидит тебя и не хочет иметь с тобой ничего общего, но ты сможешь преодолеть это, если захочешь. Мы такие, какие есть, потому что ты был таким, каким был. Если со мной что-то случится, я хочу, чтобы вы оба были рядом с Тедди, пока он будет расти.

*Я люблю тебя,
Каро*

Даже не знаю, чего я ждала от письма Каро, но точно не этого. Я смотрела на экран, вытаращив глаза. Глянув на отца, поняла, что и он тоже ошарашен. Мы с ним походили на двух рыб, которые вылезли на сушу, а теперь не знают, чем тут дышать.

– О чем это она, а? – спросил отец. – Почему она несчастна? Из-за Тео, что ли? Да она всегда была такая веселая... В какую комнату не зайдет, везде точно свету прибавится.

– Счастливая и жизнерадостная – не одно и то же, – мрачно ответила я. – О чем она и пишет в самом начале.

– Неужели она еще злилась на меня? А я думал, мы помирились...

Если он рассчитывал, что я стану его утешать, то обратился не по адресу. Я молчала. И молча кипела внутри. «Я знаю, Дейдрэ не подарок...» В нашей семье роль хорошей девочки возложила на себя Каро, меня же всегда представляли как черную овцу. А тут, поглядите-ка, оказалось, что и она чувствовала то же, что и я в детстве... Она и я

должны были стать союзницами, а вместо этого не разговаривали долгие годы. Так что я, может, и не подарок, но зато и не лицемерка.

– И на что она обижалась? – продолжил отец. – Мне казалось, мы так с ней близки... Я всегда так ей и говорил: если тебе нужна помощь, только скажи.

И тут я не стерпела.

– Помощь от тебя? Да ты последний человек в мире, к которому кто-нибудь в своем уме станет обращаться за помощью.

– Дейдре...

– Она хотела сказать тебе, что ты был паршивым отцом, который испоганил своим детям детство. Да, Каро притворялась, делала вид, что все хорошо, а в глубине души, знаешь что? – С каждым вдохом мой голос поднимался все выше, так что под конец я почти кричала: – Она ненавидела тебя не меньше, чем я.

Я вылетела из офиса, грохнув дверь. Каро писала правду – она всегда избегала конфронтаций, а я только ими и жила. Но в тот момент мне просто необходимо было убраться от отца куда подальше. Я пошла к нему только из-за письма, надеялась разузнать что-то о Трэкстонах, – а вместо этого проглотила еще одну порцию горькой правды о нашей семье. К такому развитию событий я не была готова.

Глава 30

Тео

– Что ты делаешь? – спросил я, уставившись на ствол пистолета. Я не столько испугался, сколько удивился. К Мехмету Бадему я пришел, чтобы задать ему несколько вопросов о той ночи, когда умерла Мирей, и вдруг выяснил, что он готов скорее убить меня, чем заговорить.

Бадем смотрел на меня, его рука с пистолетом слегка дрожала.

– Я все про тебя знаю, – заявил он. – Но я не ходил в полицию. И не болтал ни с кем. Зачем ты пришел сюда? Я не дам тебе меня убить.

– Я пришел только поговорить, – ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно и спокойно, как будто дуло пистолета вовсе не

смотрело мне в грудь. – Мне нужно узнать кое-что о той ночи, когда умерла Мирей Болью.

– Я ее не убивал, – ответил он. – Клянусь тебе, это не я.

Его слова оглушили меня, точно внезапно налетевшая волна. Я пришел к нему с намерением узнать, что он видел; мне и в голову не приходило обвинять его в убийстве.

– Я ни в чем тебя не виню, – продолжил я. – Просто запомнил твое лицо. Я видел тебя в ту ночь, когда умерла Мирей. Ты... мне кажется, ты меня нес. Внес в самолет, где была моя сестра, Джульетта.

Он кивнул:

– Помню ее. Она была злая. Сказала: «Брось его». По-моему, она хотела, чтобы я бросил тебя прямо на пол. Но я посадил тебя в кресло и пристегнул.

– Ну вот, видишь, оказывается, я тебя еще поблагодарить должен... Пожалуйста, опусти пистолет. Я пришел не затем, чтобы навредить тебе. Мне просто нужны ответы.

Бадем так долго смотрел мне в глаза, что мне показалось, будто прошел месяц, когда он наконец, опустил пистолет. Потом закатал нижнюю часть рубахи и показал мне свой тощий торс и две дырки от пуль. То есть дырки, конечно, давно заросли, но на их месте остались сморщенные круглые шрамы, похожие на миниатюрные кратеры.

– Вот что случилось, когда я в последний раз выполнял задание Харриса, – сказал он.

Меня даже передернуло, когда я услышал имя помощника моего отца. Старик вырастил бизнес с множеством ответвлений и закоулков, а Харрис и Клаус помогали ему обстригивать темные делишки.

– Я бы скорее с утеса прыгнул, чем стал выполнять хоть какие-то поручения Харриса.

– Наверное, и мне не стоило с ним связываться, – ответил Бадем, опуская рубашку. – Но несколько лет жизнь у меня была хорошая.

– Я ищу информацию о той ночи, когда умерла Мирей, сам я ничего не помню. Расскажи мне, что помнишь ты. Пожалуйста, не отказывайся. – В моем голосе прозвучала нотка отчаяния, и Бадем, кажется, услышал.

Он ткнул стволом в сторону дивана, приглашая меня сесть. Я опустился на ту подушку, которую недавно покинул Снупи. Хозяин скрылся в кухонном отсеке и пару минут гремел там посудой.

Вернулся он уже без оружия, зато с двумя стаканами и бутылкой прозрачной жидкости. Поставив их на стол, снова пошел на кухню, откуда принес бутылку воды.

– Пил когда-нибудь раки^[13]? – спросил он.

– Пил, в Стамбуле, однажды, – ответил я. – С меня хватило.

Он слегка усмехнулся:

– Раки не отравы, просто вкус у нее такой. – Плеснув в стаканы прозрачной жидкости, он разбавил ее водой. Жидкость помутнела. Бадем глотнул, поморщился. – Теперь ты, – сказал он, и я последовал его примеру. Напиток оказался горьким и бодрящим.

– Расскажи, что ты помнишь, – напомнил ему я.

– Я работал в отеле уже лет шесть или семь. Это была хорошая работа, лучшая, какая у меня была в этой стране, – начал он. – Как-то днем пришел Харрис. Сказал, чтобы ночью я был готов и ждал его звонка.

– погоди, так Харрис был в Берлине? Мы говорим о ночи двенадцать лет назад. Тридцатого января.

– Да, это был Харрис. Обычно я выполнял спецзадания Клауса фон Штрома. Но самые опасные всегда давал Харрис.

Я наблюдал, как мутное облако клубится в моем стакане. Харрис почти всегда был рядом с отцом. А когда я позвонил отцу, он путешествовал. Правда... я не помнил, чтобы я звонил ему; это мне потом рассказали. Так за каким чертом Харрис приперся в Берлин?

– А Харрис не сказал тебе, что ты будешь делать?

– Нет. Сказал только, что будет поздно, но дело не опасное. – Мехмет глотнул еще раки. – В три часа ночи он позвонил. Я жил тогда в Шарлоттенбурге; ехать туда недолго, минут десять. Он подобрал меня, и мы поехали в Митте, район у зоопарка. Там Харрис вышел и велел ждать. Помню, ночь была морозная, а он отключил двигатель. Было жутко холодно, я ждал его целых пятнадцать минут.

Бадем уставился в свой стакан так, словно видел в нем то, о чем рассказывал.

Я пытался переварить услышанное, но не мог. Я совсем не помнил, что там был Харрис, и теперь у меня даже похолодело под ложечкой. Отец всегда посылал его подчищать всякую грязь, и неудивительно – армейские навыки подчиненного вкупе с полным отсутствием у него этики было как раз то, что нужно; но зачем Харрис

взял с собой Бадема, вот чего я не понимал. Он как будто заранее знал, что случится что-то страшное...

А может, он сам помог этому страшному случиться?

– А что было потом? – спросил я.

– Вернулся Харрис, велел мне идти в дом. Только тихо, молча. Мы вместе вошли в квартиру на первом этаже. Ты был там, лежал на полу. Рядом с тобой лежала красивая девушка. – Бадем покачал головой и потер глаза ладонями. – Она была мертва. В груди у нее торчал нож. Кровь еще текла из ее тела. Прямо на тебя.

– Но ведь нож... – У меня даже горло свело, до того трудно оказалось вытолкнуть из него эти слова. – Нож был у меня в руке.

– Потому что Харрис его туда положил, – ответил Бадем. – Ты лежал в отключке. Харрис сунул нож тебе в руку и велел мне будить тебя. Я попробовал. Харрис велел не деликатничать и сам отвесил тебе пару пощечин. Но ты не просыпался. Я сказал Харрису, что не могу тебя разбудить, но он сказал, что это надо сделать, потому что в этом весь смысл – ты должен все увидеть.

Страшное подозрение закралось, когда я только услышал про Харриса. Такое страшное, что меня чуть не стошнило. Больше десяти лет я жил с мыслью, что я – убийца, и вдруг оказалось, что меня подставили... Если Мехмету Бадему можно верить, то Мирей убил Харрис, а я в это время валялся рядом, как неживой.

– Наконец ты очнулся, но был как не в себе. Долго смотрел на девушку, как будто не понимал, кто она. А потом стал звать ее: «Мирей!» – очень громко, снова и снова. Ты плакал, старался встать, но Харрис держал тебя сзади за голову, а я – за туловище.

Это я помнил – как смотрел на мертвую Мирей и кричал. Сколько это продолжалось – не помню, и как я ее заколол, тоже не помню. Вообще я никогда не мог понять, почему набросился на нее – голоса в моей голове утихали, когда больно делали мне, а не наоборот. К тому же я пустил себе кровь, чтобы отключиться, и мне было непонятно, как я, ослабленный кровопотерей, мог вообще на кого-то напасть, тем паче зарезать. И только теперь туман в моей голове наконец начал рассеиваться.

– Скажи, а я звонил отцу, просил его о помощи?

– Никому ты не звонил. Харрис стукнул тебя, и ты опять отключился.

Все, что я знал о той ночи, оказалось ложью.

– Мы поехали на восток, в небольшой аэропорт. Там тебя уже ждал частный самолет. На борту была твоя сестра. Она страшно злилась, но я тебе это уже говорил. – Бадем смотрел на меня с сочувствием. – Помню, я беспокоился за тебя. Я не знал, что случилось, но мне было тебя жаль.

Глава 31

Дейдре

Выходя из гаража, я уже знала, что совершила непростительную ошибку. Не стоило мне идти к отцу, даже из любопытства. Ведь я знала, что он опять заведет шарманку про то, как стал другим, а я буду ненавидеть его, как раньше. Может, я и смогла бы удержать себя в руках, но письмо Каро стало последней каплей.

Мне было стыдно, что я снова позволила ситуации перерасти в нашу вечную битву. Мы с отцом были несовместимы, как масло и вода. Так было с того дня, когда я нашла отчаянное письмо матери в семейной Библии. Их драки я ненавидела и раньше, но после того письма словно увидела их другими глазами. Я поняла, что моя мать живет в браке словно заложница, испытывая постоянный страх перед человеком, за которого вышла замуж. И это все для меня изменило. Раньше их драки были для меня *их* драками, как будто они вступали в них по взаимному согласию, как, скажем, шли потанцевать в пятницу вечером. С другой стороны, мать всегда была остра на язык, и, сколько бы муж ее ни лупил, запугать ее до полной немоты ему не удалось.

Я села на поезд № 7 и доехала до Корт-сквер, где пересела на G, единственный маршрут, соединяющий Квинс с Бруклином. Но G так петляет, что езда на нем – настоящее путешествие. Сидя в вагоне, я украдкой оглядывалась по сторонам – не видит ли кто, что глаза у меня мокрые, но бояться было нечего: народу в поезде оказалось немного, редкие пассажиры равнодушно скользили по мне глазами, лишь иногда останавливаясь взглядом на моих татуировках.

Поезд был медленный до безобразия. До «Форт-Хэмилтон-парквей» мы ехали больше часа. Оттуда на кладбище Гринвуд я пошла

пешком. Входя в кладбищенские ворота, пожалела, что не могу прийти вот так же к матери. Не могу сказать, что верю в духов, но и сказать, что не верю, тоже не могу. В конце концов, энергия ведь не исчезает просто так. Прах моей матери стоял у отца в доме. Каро говорила, что он даже не вскрыл пакет, в котором получил урну из крематория; так и засунул в какой-то шкаф. У меня было немало причин ненавидеть отца, и то, что он не дал моей матери достойного места упокоения, было не последней из них.

Я не знала, смогу ли найти могилу Каро. На этом кладбище я была всего один раз, когда меня привез сюда Тео, и мы на его машине долго петляли по узким дорожкам в поисках нужного места. Зато теперь, пешком, я шла от ворот к дальнему краю кладбища более или менее по прямой, разглядывая по пути замшелые от старости холмики, из которых, будто поганки, торчали покосившиеся могильные камни. Мое внимание то и дело привлекали памятники и целые мавзолеи – призраки фантазии давно ушедших людей. На кладбище оказалось немало прекрасных статуй и надгробий, но стоило мне подойти поближе, как я видела очередное напоминание о чьей-то утрате. Иные мавзолеи представляли собой уменьшенные копии египетских пирамид или средневековых замков, но возле них я не задерживалась – ведь это были памятники не столько конкретным людям, сколько их раздутому эго; а вот каменные младенцы, ягнята и безутешные влюбленные трогали меня до слез. Я никогда не считала себя сентиментальной, просто царившая на кладбище атмосфера непреходящего горя буквально проникала под кожу, словно сырость, от которой начинало ломить кости.

В общем, когда я добралась до могилы сестры, то уже готова была лечь рядом с ней и заплакать. Строчка из ее письма – «с Дейдрдре трудно» – все еще преследовала меня, но, надо признать, сестра была права. Со мной не просто было трудно – я гордилась своим занозистым характером, и это делало меня похожей на тех, кого я особенно презирала. Пожалуй, впервые в жизни я задумалась о том, когда стала такой, – и поняла, что не помню время, когда со мной все было бы иначе. Значит, такова моя природа.

– Зря ты не поделилась со мной своим несчастьем, пока была жива, – сказала я, плюхаясь на траву рядом с могилой. – Тогда все было бы намного легче.

Заполненная землей, могила выпирала над зеленой травой выпуклым коричневым шрамом. Временную табличку из камня закрывал букет белых роз, чьи крупные тяжелые бутоны поникли, словно уснули.

Я долго сидела молча, жалея, что я не экстрасенс и не могу поговорить с духом сестры. «Почему ты не рассказала мне обо всем, что с тобой происходило? – спросила бы я у нее тогда. – Зачем бросила жалкие крохи перед самым уходом?»

В тишине кладбища я невольно задумалась о разнице в настроении между письмами, адресованными мне и отцу. Тот парень, Тодд, из «Склепа Озириса», говорил что-то насчет разных версий. Может быть, это потому, что мне она писала второпях, рано утром, меньше чем за час до смерти. Ее письмо отцу было задумчивым и размеренным, хотя и содержало в себе неприятную правду. А сообщение мне – торопливым и каким-то испуганным. Может, она действительно чего-то боялась?

«Тео уже убил одну жену, и это сошло ему с рук. Заставь его ответить за мою смерть, чего бы это тебе ни стоило».

Отец Тео признался, что его сын появлялся дома в то утро, часов около пяти, но сразу ушел. Бен сказал, что они с Каро договорились встретиться у ее дома, но потом их планы изменились – сестра решила прийти к нему сама. С одной стороны, я понимала, что внезапное появление Тео могло так напугать Каро, что она поспешила написать мне; с другой стороны, у меня было ощущение, что тут не хватает какой-то маленькой детали, которая все объяснит.

Знать бы, что она хотела, чтобы я сделала... Но она не оставила мне и намека.

Или все же оставила?

Вся информация из «Склепа Озириса» исчезла, но это ведь не единственный цифровой след моей сестры. Я вспомнила о фотографиях и карте памяти, которые она передала мне. Те огромные таблицы были сюрпризом. А вдруг там было еще что-то, какая-нибудь деталь, которой я не заметила потому, что не знала, что искать?

Мысль об этом не давала мне покоя всю дорогу до Квинса. Настолько, что я даже не зашла в любимую чайную «Кунг-фу ти» недалеко от дома. Но, свернув в свой квартал, сразу увидела

полицейскую машину, которая стояла прямо рядом с моим домом, мигая синими огнями.

На лужайке у дома квартирная хозяйка Сэйра Мукерджи объясняла что-то полицейскому в форме. Тот записывал и кивал. Сэйра заметила меня и замахала руками.

– Нас ограбили! – громко вопила она.

Я поспешила к ней.

– Что случилось?

– Уилсон был в подвале... – Уилсон – это та корабельная сирена в образе человека, что живет у меня за стенкой, – ...когда услышал странный шум. Он высунулся в коридор и увидел, что твоя дверь открыта. В комнате стоял какой-то человек и рылся в твоих вещах.

– Вы его поймали?

Сэйра взглянула на меня так, словно спрашивала: «Ты это серьезно?» Уилсон был из тех, кто триста шестьдесят дней в году боится собственной тени.

– Взломщик увидел его и дал ему по голове. Потом затащил в комнату и избил. Бедняга Уилсон сейчас в Элмхёрсте. – Сэйра имела в виду одноименную больницу неподалеку.

– Проверьте свои вещи, посмотрите, чего не хватает, – обратился ко мне коп.

Я кивнула, повернулась, словно деревянная, и на автопилоте вошла в дом.

В комнате был жуткий беспорядок. Взломщик не стал возиться с замком, а просто выбил тонкую фанерную дверь. Вещей у меня было немного, и все они были разбросаны по полу. Перебрав их, я обнаружила, что пропал конверт Каро. И мой лэптоп. Я еще поползала на четвереньках, надеясь, что, может, хотя бы карта памяти выскользнула из пакета и валяется где-нибудь на полу, но ничего не нашла.

Глава 32

Дейдрэ

Ночевать у себя я не могла. Захватив с собой кое-что из одежды и туалетных принадлежностей, направилась к Риган. Уже стоя на крыльце, вдруг почувствовала смущение. Ну вот, опять я к ним и снова прошу приюта...

– Можно, я переночую у вас сегодня? – спросила я, когда миссис Чен открыла мне дверь. – Кто-то вломился ко мне в комнату и все там перевернул.

Несмотря на поздний час, Риган еще не было дома – вкалывала, трудяжка. Ее мама устроила меня в той же комнате, где я жила подростком. Из окна был виден кусок улицы и дерево, на котором любили собираться голубые сойки. Я не знала, как ее благодарить.

– Кто мог к тебе вломиться, Ди? – озадаченно спросила миссис Чен. – Денег у тебя нет. Брать нечего. Определенно, этот город становится слишком опасным для жизни...

Полночи я лежала без сна, задавая себе те же вопросы. При всей моей ненависти к Тео, сейчас нас с ним разделял океан. Другим возможным подозреваемым был Бен – ведь он хотел, чтобы я отдала ему карту памяти. Но я все время почему-то возвращалась мыслями к отцу Тео. Я сама рассказала ему о карте. Без подробностей, правда, но ведь он знал, что карта была у Каро в момент смерти, и мог выяснить, что именно на ней записано, – ведь копы сказали, что все вещи Каро забрали родственники...

Я приказала себе не впадать в паранойю. Обри Саттон-Брейтуэйт тоже точит на меня зуб. И это, кстати, вполне в его духе – ворваться ко мне в комнату и из мести разнести там все в пух и прах. Вот только карта ему ни к чему.

Утром я с трудом уговорила миссис Чен не будить Риган.

– Вы хотя бы знаете, сколько она работает? – спросила я.

– Дай-ка я расскажу тебе, что значит много работать, – выпалила она в ответ. И рассказала. Уже не в первый раз я выслушала историю трудовых подвигов миссис Чен, причем пафосность изложения ничуть не пострадала от некоторой несвежести текста. В конце концов я пообещала сходить с ней к мессе – это в субботу-то утром! – и только после этого она согласилась дать Риган поспать.

Я уже сто лет глаз в церковь не казала – не считая похорон Каро, конечно, но то был особый случай. Миссис Чен ходила в церковь Сент-Адальберт, а я в детстве принимала первое причастие в церкви

Вознесения Господня. Только она, как и дом моего отца, стоит к северу от железной дороги, которая делит Элмхёрст на две части, а Сент-Адальберт – к югу. Последнее обстоятельство серьезно сокращало мои шансы на случайную встречу с отцом; только поэтому я и согласилась пойти.

– У тебя есть маска? – спросила меня миссис Чен по дороге. – В церкви люди не спешат их снимать.

– А как же, конечно, есть. – Я порылась в сумке и достала маску. За последние месяцы люди привыкли носить при себе маску везде, особенно в транспорте. Что, вообще-то, странно – нью-йоркская подземка вентилируется лучше, чем любое общественное здание в городе, и при этом именно она до сих пор служит источником коллективной тревоги.

Сент-Адальберт словно сошел со старинной литографии: готическая колокольня, яркий белый карниз на фоне песчаного цвета кирпичной кладки. Когда-то в этом районе жили преимущественно поляки, и, хотя здешняя община давно стала разношерстной, храм до сих пор хранил память о своих первых прихожанах – на доске объявлений у входа было написано, что следующая служба будет на польском. В церкви я устояла в окно-витраж – точно такое было и в нашей церкви в пору моего беспокойного детства – и задумалась. Священник проповедовал о благотворительности, и его слово навело меня на мысль. До сих пор я тянула за разные ниточки жизни моей сестры, но вот эту еще не пробовала. А ведь всюду, где бывала Каро, оставались какие-то следы ее филантропической деятельности...

Миссис Чен нахмурилась, когда я достала телефон и стала рыться в интернете в поисках сайта «Гражданского общества Диотима». На сайте нашлась контактная информация доктора Адины Герштейн, и я тут же отправила ей эсэмэску с просьбой встретиться со мной в ближайшее время, потом убрала телефон и одними губами сказала «извините».

– Чью задницу ты намерена напирать сегодня? – спросила миссис Чен, когда мы выходили из церкви после службы. Она была почти одного роста со мной, то есть необычайно высокой для китаянки ее поколения. Волосы убирала в угловатый пучок, как и я, любила носить все черное, но никогда не выходила из дому, не подкрасив губы красной помадой.

– Почему вы думаете, что я собираюсь кому-то напирать?

– Потому что ты всегда это делаешь. А некоторые люди так и просят, чтобы им напинали.

– Сначала я встречаюсь с женщиной, которая знала мою сестру, – сказала я. – Потом иду навестить племянника. Правда, есть риск, что там я столкнусь с зятем. Так что не исключено, что скоро вам придется освободить меня под залог из тюрьмы.

– Постарайся, чтобы этого не случилось. – Она тронула меня за щеку: – Тебе нужны румяна.

Я закатила глаза, но в душе я радовалась. Это Риган бесилась, выслушивая потоки непрошенных материнских советов и наставлений, которые она рассматривала как критику в свой адрес, но я смотрела на них иначе. Миссис Чен была едва ли не единственным человеком в мире, которому действительно было не все равно, есть в моем лице хоть капля румянца или нет. И вообще, жива я или давно протянула ноги, если уж на то пошло. Придираться для нее значило проявлять заботу, которой мне, сказать по правде, иногда так не хватало.

– А у вас есть? – спросила я.

– Конечно. – Миссис Чен открыла сумочку, вынула оттуда коробочку с цветами и корейскими иероглифами на крышке, открыла, окунула в румяна палец и мазнула меня им сначала по одной щеке, потом по другой. – Так-то лучше, – сказала она, втирая румяна мне в скулы. – Будь осторожна, когда пойдешь.

– Постараюсь.

– Старайся лучше, не рискуй понапрасну. – И она похлопала меня по руке. – Хорошая ты девочка, но рисковая.

– Я вчера была у отца. Он точно не считает меня хорошей.

– Что, так прямо и сказал?

– Нет. Но мы поцапались.

– Было бы странно, если б нет. – Миссис Чен улыбнулась. – Ты – хорошая сестра. И делаешь то, что нужно. *Shuǐ dī shì chuan*. Помнишь, что это значит?

– Капающая вода пронзает камень.

– Вот именно. Ты сильная. Цепкая. И ты пронзишь свой камень. Только будь осторожна.

– Буду.

– И еще: неприятности не ходят в одиночку, – предостерегла она меня. – Не забывай об этом.

Глава 33

Дейдре

На сайте «Диотимы» не было почтового адреса, но Адина Герштейн прислала мне его: Гринвич-Виллидж, угол Университетской площади и Двенадцатой улицы. Здание оказалось без привратника, так что я спокойно вошла, села в лифт и поднялась на седьмой этаж. Офис доктора Герштейн был отмечен табличкой на двери. Дом стоял на неухоженной стороне улицы, но офис оказался просторным, светлым, современным. На белых стенах висели репродукции Фриды Кало и Джорджии О'Киф в рамах. В приемной, куда ни глянь, всюду цветущие растения в горшках. Но мне в глаза прежде всего бросился постер под названием «Две Фриды». Это был двойной автопортрет: в левой части художница была изображена в свадебном белом платье европейского покроя, справа – в пестром мексиканском костюме. Женщины держались за руки, и сердце у них как будто было общее, но вырезанное из женщины в белом. В руке она держала ножницы, на белую юбку капала кровь.

– Здравствуй, Дейдре. Как я рада, что ты приехала!

Я обернулась. Передо мной стояла та стройная темнокожая женщина, которую я видела на похоронах Каро. Правда, теперь ее косы были не убраны в прическу, а небрежно сколоты на затылке, но это не делало ее менее элегантной.

– Спасибо, что сразу согласились принять меня, доктор Герштейн.

– Адина. Доктор я только для моих пациентов. – Она провела меня в кабинет и указала на плюшевое кресло: – Пожалуйста, садись.

Кабинет был маленьким, но уютным, на каждой горизонтальной поверхности стоял горшок с каким-нибудь растением. Хозяйка кабинета заняла место за столом напротив, и я сразу почувствовала себя словно на приеме у доктора.

И поняла, что не подготовилась к разговору.

– Я хожу кругами, – выпалила я с места в карьер. – Я любила сестру, но мало ее знала. А теперь, когда ее нет... – Я перевела дыхание. – У меня все время такое чувство, что каждый, с кем я начинаю говорить о ней, что-то от меня скрывает, преследует какие-то свои цели. И я не знаю, как мне понимать то, что я слышу, – верить или нет.

– А это действительно важно? – спросила Адина.

Я задумалась.

– Каро отправила мне сообщение, чтобы я прочла его после ее смерти. – В горле у меня встал ком.

– Сообщение было отправлено из «Склепа Озириса»?

– Откуда вы знаете?

– Там работает мой племянник. – Она улыбнулась, а я подумала, уж не Тодд ли. – Я всегда рекомендую клиенткам оставлять записки с указанием имени убийцы, на всякий случай... Но не все так плохо. Сервисом может воспользоваться любой, кто по какой-то причине хочет сохранить свое местопребывание в тайне. Или облегчить душу признанием, но боится заводить личный разговор.

– Вот что написала мне сестра. – Я вывела на экран письмо Каро – наверное, в тысячный раз – и подтолкнула телефон вперед, даже не глядя в экран, так мне не хотелось читать его снова.

Зато Адина прочла внимательно – и вернула телефон мне.

– После этого письма я как будто в кроличью нору провалилась, – сказала я. – Мысль Каро ясна: муж хотел ее убить. Но чем больше я пытаюсь докопаться до сути, тем яснее понимаю, что и у других людей могли быть свои мотивы... желать ей зла. А вы давно с ней знакомы?

– Мы познакомились с Каро, когда она была студенткой СУНИ. Пришла ко мне на прием, мы поговорили, и все кончилось тем, что она стала моей помощницей. В «Диотиме» никогда не было централизованного управления, и она отвечала на звонки горячей линии из Нью-Палтца.

– Каро когда-нибудь говорила вам, что наш отец избивал нашу мать?

– Нет. – Адина печально покачала головой. – Она говорила, что мать била ее.

Я так расстроилась, услышав это, что даже не сразу ответила:

– Это не... – «Не правда», хотела сказать я, но осеклась, потому что это была и не ложь. «Тебе хорошо, ты маленькая, тебе все прощают», – часто повторяла мне Каро в детстве. У меня сохранились воспоминания о том, как мать шлепала меня, но они были давними и путаными. «Тебе повезло. А меня она била щеткой для волос», – жаловалась мне сестра.

– Насилие нередко становится частью семейных историй, – сказала Адина. – Люди избегают говорить о нем, потому что испытывают стыд. Боятся показаться предателями, если расскажут, а ведь это абсолютно не так.

Она подтолкнула ко мне коробку с салфетками. Я взяла одну, высморкалась, промокнула глаза.

– Я даже не знаю, что делает ваша «Диотима», – сказала я первое, что пришло в голову, лишь бы перевести разговор с моей семьи на другую тему.

– Ты когда-нибудь слышала о Диотиме из Мантинеи? – начала Адина. – Это один из центральных персонажей диалога Платона «Пир». Ее идеи положили начало платонической любви. Такая женщина действительно жила во времена Платона, но кем она была, историки пока не установили. Меня она заворожила, и я взяла ее имя в качестве названия нашего общества. – Адина свела ладони домиком. – «Гражданское общество Диотима» занимается просвещением мужчин и женщин во всем, что касается домашнего насилия. Мы помогаем людям выбираться из тех ситуаций, когда они могут стать или становятся жертвами насилия. Ты, наверное, и сама знаешь, но скажу еще раз – многие из тех, кто уходит от партнера-насильника, здесь, в Нью-Йорке, оказываются на улице. Они кочуют из ночлежки в ночлежку, которых у нас в городе куда меньше, чем нужно, причем многие из них небезопасны. Вот и представь себе, как женщина берет детей, сбегает от мужа, который ее бьет, и оказывается в такой ситуации. А мы помогаем таким беглянкам (конечно, иногда жертвами домашнего насилия бывают и мужчины, но чаще все-таки женщины) найти безопасное жилье.

– Ясно. – Я кивнула, радуясь, что Адина заполняет эфир, пока я прихожу в себя.

– Многие общественные институты помогают именно насильникам, а не жертвам. Например, если у пары есть дети, то право

опеки над ними получает именно насильник. Насильник получает информацию о том, где живет жертва. То есть закон буквально берет их за ручки и ставит лицом к лицу. А «Диотима» оказывает попавшим в безвыходную ситуацию людям такую помощь, которую государство просто не в состоянии оказать.

– Например? – спросила я, бросая скомканную салфетку в мусорную корзинку рядом со столом. Вообще я начала расспрашивать про «Диотиму» только для того, чтобы иметь возможность собраться с мыслями, но тут мне стало действительно интересно.

– Ты когда-нибудь слышала про Дейзи Гарсиа? – спросила Адина.

– Нет.

– Это случилось несколько лет назад. Дейзи пришла в полицию просить помощи, потому что ее преследовал склонный к насилию бывший муж. Вот только заявление у женщины приняли на испанском, а на английский так и не перевели. Она приходила к полицейским трижды и трижды писала заявление. А потом бывший муж пришел к ней в дом ночью – и заколол ее и двоих дочерей насмерть.

У меня даже желудок свело. Я представила себе отчаяние той женщины, и меня затрясло.

– Я сама узнала о Дейзи, только когда ее убили, но этот случай стал для меня своего рода путеводной звездой, – продолжала Адина. – Я задумалась: что могло спасти Дейзи от смерти? Конечно, с одной стороны, общественная активность – надо изменить судебную систему, заставить полицию обращать внимание на подобные жалобы. Но это займет время, а мы не можем позволить себе ждать. Семьдесят пять процентов женщин погибают от рук мужей или сожителей уже после того, как уходят от них. Им приходится из кожи вон лезть, чтобы спастись. Иногда в ход идут фальшивые паспорта и другие средства, которые не считаются законными.

И тут я по-новому зауважала мою сестру.

– Сегодня даже одноразовый телефон без паспорта не купишь, – продолжала Адина. – Конечно, это прежде всего контртеррористическая мера, и, как таковая, она имеет смысл, но жертвам домашнего насилия, особенно нуждающимся в анонимности, от этого не легче. Наш подход к этой проблеме одобряют не все. Многие хотят, чтобы все было строго по закону. Но иногда речь идет о жизни и смерти. Кэролайн это понимала. Получив диплом, она

перестала работать на горячей линии, зато давала нам деньги. Много денег.

– Денег Трэкстонов, – произнесла я, думая об одноразовых телефонах. Бен говорил, что моя сестра пользовалась таким, но я ему не поверила, потому что представить не могла, откуда он мог взяться у Каро. Видимо, мне просто не хватило воображения.

– Теперь, когда ее нет, я думаю, что могу показать тебе кое-что. В своем письме она указывает на Тео как на угрозу, но... – Адина набрала на ящике стола код, замок пискнул шесть раз, и ящик открылся. – Кэролайн попросила меня сделать их для нее.

И она протянула мне два паспорта. Я открыла первый, увидела фото сестры и имя – Дейрдре Джейн Брукс. При взгляде на второй паспорт у меня чуть сердце не выпрыгнуло. На меня смотрел Тедди, а надпись гласила, что зовут его Эдвард Райан Брукс.

– Что за черт? – выдохнула я. – Ничего не понимаю.

– Она и мне ничего толком не объяснила; сказала только, что ей надо бежать от Трэкстонов, – сказала Адина.

– Не только от Тео?

– От всей семьи. Золовка житья ей не давала. А свекровь...

– Урсула? Я думала, они ладят.

– Ты ведь слышала о том, что кто-то все время перекладывал с места на место вещи Кэролайн у нее в доме? – спросила Адина. – Сначала она винила в этом Тео. Но потом тот стал редко бывать дома, а путаница с вещами продолжалась и в его отсутствие. А в один прекрасный день Кэролайн застала у себя в спальне свекровь.

– Так это Урсула – греmlin? – Прозвучало дико, но Адина даже не улыбнулась.

– Видимо, она рылась в вещах Кэролайн, – сказала Адина. – Позже я спросила об этом Кэролайн, но та сказала, что все нормально, что они со свекровью все обсудили и выяснили. И добавила, что Урсула на ее стороне.

– Ну хоть так, и то хорошо.

– Но в тот же день Кэролайн попросила меня сделать паспорта для нее и Тедди, – закончила Адина. – По ее словам, это не семья, а греческая трагедия какая-то, и поэтому она хотела увезти от них сына подальше.

Глава 34

Тео

Инстинкт требовал от меня прыгнуть в ближайший самолет и лететь в Нью-Йорк, чтобы задушить там Харриса голыми руками. Но ненавидеть его было просто, а ведь у меня были теперь все причины полагать, что моя сестра и отец также причастны к убийству. В конце концов, сестра была тогда в Берлине, а отец лгал мне, будто я звал его на помощь. А еще я испытывал невероятное облегчение: после стольких лет, прожитых с мыслью, что я – убийца, меня будто выпустили из тюрьмы на волю. Правда, Бадем не видел, кто и как убил Мирей, но я был уверен: это сделал Харрис. Оставалось только найти ответ на вопрос, по чьему плану он действовал. Ну и не следовало возвращаться в Нью-Йорк, опираясь лишь на слова недужного наркомана в качестве доказательства. Нужно было что-то более основательное.

Клауса фон Штрома я не видел четыре года и не имел понятия, где он, зато знал, как выйти с ним на связь. Я набрал номер его пейджера и стал ждать. Не прошло и четверти часа, как мне перезвонил один из его подручных.

– Это Тео Трэкстон, – сказал я ему. – Я в Берлине; мне надо видеть Клауса, и как можно скорее.

Полчаса спустя звонок повторился.

– Клаус заедет за вами в отель к семи тридцати. Будьте одеты к ужину.

Только повесив трубку, я понял, что не сказал, где остановился. Но это было неважно. Берлин – город Клауса, он здесь хозяин.

* * *

В назначенное время меня ждал у отеля черный «Мерседес». Водитель распахнул дверцу, и я сел. Машина была пуста.

– Как я понимаю, Клаус ждет меня в ресторане? – спросил я по-английски у шофера, когда тот вернулся на свое место. На вид ему

было лет девятнадцать-двадцать, смуглая кожа, темные волосы.

– Да, сэр, – ответил он.

Поездка до Митте заняла пятнадцать минут. Я снова увидел Бранденбургские ворота – на этот раз в ярком вечернем освещении, то есть такими, какими я их помнил, – прокатился по роскошной Унтерден-Линден. Оттуда водитель свернул направо, на Фридрихштрассе, и еще раз направо, на Беренштрассе, где внезапно остановился у какого-то переулка.

– Приехали, сэр.

– Где же ресторан?

– Приехали, сэр, – повторил парень. Помощи от него ждать не приходилось. Я вышел из машины.

Если на улице было, скажем так, темновато, то вход в проулок и вовсе зиял отталкивающей чернотой. В дальнем конце проулка мерцала звездочка, и я пошел прямо на нее. Подойдя ближе, увидел, что это фонарь горит над разгрузочной площадкой какого-то магазина, в тот момент пустой. Пройдя площадку насквозь, я увидел слева другой проулок, плотно заставленный красными и синими баками для мусора. Если Клаус задумал меня убить и избавиться от трупа, то лучшего места, чем это, и желать нечего. Я глубоко вдохнул – мой нос немедленно дал мне понять, что напрасно – и двинулся вперед.

Проулок с мусорными баками упирался в железную дверь, над которой горели две лампочки. На стене рядом была кнопка звонка, без надписи. Я нажал на нее и стал ждать. Скоро внутри зажужжало; я толкнул дверь, она распахнулась.

Внутри было почти то же, что и снаружи. Раздвинув черные бархатные занавеси, я оказался в плохо освещенной комнате. За деревянной стойкой стояли двое.

– Я ужинаю здесь с Клаусом фон Штромом, – по-английски объявил я.

– Лестница направо, – ответил один из двоих. – Он вас ждет.

Его слова зловещим эхом отзывались у меня в голове, пока я поднимался по лестнице. После темноты и безлюдья переулков шумный ресторанный зал поразил меня неприятно. Видимо, здесь был когда-то цех, но теперь его стены покрасили белым, а по потолку развесили большие серебристые сферы. Пространство ресторана освещалось цилиндрическими лампами и бра, а блестящие

металлические трубы, тянувшиеся от потолка до пола, отражали и усиливали их свет. Одну стену занимал гигантский постер со словом *ficken*, аналогом английского *fuck*; других потуг на искусство там не было.

Клаус ждал меня, сидя на красной бархатной банкетке. При моем приближении он широко улыбнулся, встал и пожал мне руку.

– Мой дорогой Тео, сколько лет, сколько зим... Как приятно видеть тебя в отличной форме! – Он пригасил улыбку. – Позволь мне выразить тебе глубочайшие соболезнования по поводу смерти твоей жены. Я видел ее всего раз, на вашей свадьбе, но помню, что она была прелестная женщина.

– Спасибо.

Я разглядывал его, пока мы садились за стол в уголке ресторанного зала, куда как будто даже не проникал общий шум. Насколько я знал, Клаус был самым близким другом моего отца. Почти ровесники – обоим слегка за семьдесят – и полные противоположности внешне: отец – балагур и живчик, Клаус, напротив, молчаливый, себе на уме, бывший офицер Штази; оба были закоренелыми негодяями внутри.

– Как ты узнал, где я остановился? – спросил я.

– Тео, брось. Должны же и у меня быть свои маленькие тайны. – Костюм Клауса, наверняка от «Хьюго Босс», некогда плотно облекал его дородную фигуру, а теперь печально обвис. Да и сам Клаус, который в былые дни весил фунтов триста, теперь как-то съежился. Не знаю, добровольно или нет, но он стал более хрупким, чем в нашу последнюю встречу.

– Насчет отеля – согласен. Но не насчет Мирей, – заявил я. – Сегодня ты расскажешь мне все, что знаешь о ее смерти.

– Ты, может быть, не поверишь, но я не имею к ней никакого отношения.

– Ты прав, не поверю. – Я поерзал на стуле. – Вы с моим отцом всегда были партнерами по темным делишкам.

– Смерть этой девушки – исключение. – Он подался вперед. – Я взял на себя смелость заказать все из меню. Все вегетарианское – ты не поверишь, но я уже год как не ем мяса. Сейчас принесут вино, и мы поговорим.

Клаус, сколько я его помню, всегда был помешан на здоровье, но мне в тот момент было безразлично, что есть и что пить.

– Меня интересуют твои ответы на мои вопросы, а не меню.

Нам принесли еду, официант открыл бутылку рислинга, налил вино в бокалы и отошел. Клаус поднял бокал.

– Выпьем за тех, кого мы любили и потеряли, – сказал он.

Мы чокнулись бокалами.

– Я расскажу тебе все, что знаю, а ты просто заполнишь пробелы, – начал я. – Я долго избегал думать о Мирей из-за того, как кончилась ее жизнь. Но когда я все же решил собрать воедино все, что помню, то при свете, так сказать, разума мне сразу показалось, что это была какая-то подстава. Мирей возникла у меня на пороге из ниоткуда. Так не бывает. Вот поэтому я и задаю тебе вопрос – какую роль в этом сыграл ты?

Клаус взглянул мне прямо в глаза:

– Мы часто говорим, что хотим знать правду, Тео, но всегда ли мы готовы к ней? Правда ведь может оказаться настолько уродливой, что у нас просто не достанет сил взглянуть ей в лицо.

– Я должен знать, что тогда произошло.

– Ну если ты уверен в себе, то слушай... Твои подозрения не напрасны: это я нанял ее.

– Нанял? Она что, была проституткой?

– Нет, начинающей талантливой актрисой и доминатрикс по совместительству, – уточнил Клаус. – Тебе тогда нравились такие. Твой отец бился в припадке, когда узнал, в какие клубы ты ходишь и какие наркотики принимаешь. Я твердил ему, что не стоит подрезать тебе крылья, что настанет время и ты выправишься. Но он настаивал. Тогда я и нанял Настю.

– Кого?

– Ты знал ее как Мирей. Девушка была русской. Очень способная к языкам, отлично имитировала акценты. Тебе ведь и в голову не пришло, что она не француженка, верно?

– Нет, – подтвердил я.

– Я сразу понял, что она – именно то, что тебе нужно, – продолжал Клаус. – И это сработало. Ты перестал шлаться по клубам. Наркотики еще принимал, но уже меньше. Наметился просвет. По крайней мере, так мне казалось.

– А что потом?

– Твой отец рассердился. Он платил девчонке кучу денег и еще снимал ей квартиру. И ему не нужны были улучшения, ему нужен был... в общем, чтобы все было, как он хочет. – Клаус щелкнул пальцами. – Он хотел, чтобы ты был *его* творением. Понимаешь, о чем я?

– Да. – Моему отцу всегда нужен был сын, который наглядно демонстрировал бы его превосходство над всем миром. А он получил меня.

– Последней каплей стала та поездка в Эльзас, куда Настя потащила тебя на твой двадцатый день рождения. Твой отец едва не спятил от злости, когда ты заявил ему, что вы поженились. Он позвонил мне, орал в телефон, что *Schlampe*^[14] подцепила его сына. Я пробовал успокоить его тем, что брак был не настоящим. Но он как с цепи сорвался. Заявил, что эта Настя – Мирей – слишком глубоко запустила в тебя коготки.

– А моя сестра? Что она сделала?

– Джульетта? – Клаус удивленно поднял брови. – А что она могла сделать? Она была студенткой. Если и слышала о Мирей, то только от тебя или от отца.

– Но ведь Джульетта была в том самолете, на котором меня увезли в клинику... – Едва эти слова слетели с моего языка, как я вспомнил другие, те, что сестра бросила мне тогда: «Ты испортил мою неделю в Париже, говнюк. Чтоб ты сдох». И тут я понял – в ту ночь, когда умерла Мирей, все было не случайно. Джульетта оказалась в Европе потому, что ее отправил туда отец. За хорошую учебу, как она считала. Но у отца были на ее счет другие планы.

– Значит, убийство Мирей организовал мой отец, – тихо произнес я.

– Ну я ему не исповедник. Он никогда не говорил мне, что вот так, мол, и так.

– Но ты его знаешь. И сам догадался, как все было.

– Он меня не предупредил. А если бы предупредил, то я не допустил бы убийства. – Клаус сидел, глядя в бокал с вином. – Настя уже не раз работала на меня до этого. А тут мне пришлось рассказать родителям о ее смерти. Это было так... – Он замолчал, потом продолжил: – Твой отец порвал наши отношения. Я больше не мог

доверять ему после этого. Можно что угодно говорить о Штази, но у нас были свои правила. У твоего отца их нет.

– Мой отец не просто убил ту девушку. Он свалил вину на меня. Заставил меня поверить, что я – убийца.

Эта мысль, новая для меня, причиняла мне боль. У меня всегда были непростые отношения с отцом, но, сколько себя помню, своим главным врагом я считал Джульетту. В чем только я ее не винил... В моем воображении у нее были клыки, рога и раздвоенные копыта. Сколько раз я жаловался отцу на то, какая она злая, а он всегда со мной соглашался? Как будто хотел, чтобы я возненавидел сестру.

– Ему нужен контроль над тобой, Тео. Твой отец и я по-разному думаем о жизни, но наше главное отличие вот в чем. Я – преступник и знаю это; а он считает себя бизнесменом. Я никогда не подпускал своих детей близко к своей работе, а твой отец, наоборот, хочет, чтобы ты шел по его стопам.

– Он всю семью убедил в том, что я – убийца. Джульетта поверила. Урсула. Кэролайн.

На имени жены я запнулся. Неудивительно, что она захотела развестись со мной. Впервые осознав всю низость отца, я не мог переварить последствия. Смерть Мирей изменила меня к лучшему: я зарекся когда-либо приходить в такое состояние, в котором смогу причинить кому-то боль, пусть даже случайно. И она же отравила любые отношения, какие у меня были потом. Отучила меня доверять.

– Моя-то сестра могла бы и догадаться – зря, что ли, она прожила с твоим отцом столько лет, – пробурчал Клаус. – Но Урсула перестала разговаривать со мной задолго до того, как это случилось.

– Она сказала, что это ты пристроил ее в дом отца. – Я все еще осмыслял последствия того, что сотворил мой отец, но упускать шанс разобраться и в этом фрагменте семейной истории тоже не хотелось. В конце концов, Урсула была в моей жизни столько, сколько я себя помню; она появилась даже раньше, чем ушла мать.

– Очень может быть. В молодости Урсула была ни к чему не способна, а твоя мать... характер у нее всегда был тот еще, а когда родился ты, начались серьезные проблемы. Урсула должна была помогать ей с детьми, – сказал Клаус. – Но мне и в голову не приходило, что она закрутит роман с твоим отцом. И уж, конечно, не я присоветовал ей выйти за него замуж. Эту ошибку она сделала сама.

– Это из-за нее ушла наша мать, – сказал я. – Джульетта презирает ее за это.

– А ты – нет?

– Как я могу? Урсула заботилась обо мне с ранних лет, когда моя мать ушла и не вернулась. Если кто и виноват в адюльтере, то только отец. – Я искренне так считал, и только теперь у меня прибавилось поводов предъявлять ему счет.

– Он был старшим из них двоих, но не самым мудрым.

– Отец заставил тебя нанять Мирей, чтобы та притворилась моей девушкой. Потом он убил ее и заставил меня считать себя монстром, – сказал я. – Так что это он виноват. Во всем.

Клаус сделал глоток вина.

– Я понимаю, для тебя это большое потрясение, но все же попробуй взглянуть на это дело с его точки зрения. У него всего один сын, и этот драгоценный для него мальчик однажды выбрал прямую дорогу к саморазрушению. Ты ведь представляешь, какое это было для него горе? Как разрывалось у него сердце?

– Только не говори мне, что отец всю жизнь сводил меня с ума из любви ко мне.

– Не думаю, что твой отец знает, что такое любовь, – ответил Клаус. – У него это чувство заменено тягой к тотальному контролю.

– Он годами использовал смерть Мирей как оружие против меня, – сказал я. – Именно так он заставил меня работать у него.

– Недолго, – заметил Клаус. – Ты ушел, как только понял, что отец отмывает деньги через свои отели.

– Но он продолжает пользоваться этой ложью, чтобы отобрать у меня опеку над сыном. – На том документе стояло имя Джульетты, но это не имело значения. При всем честолюбии сестры, я был уверен – за ней стоит отец. То есть он либо настроил ее начать войну против меня, либо прикрылся ей, как щитом.

Клаус уставился на меня:

– Как? Он же не может рассказать всем, что ты это сделал. Потому что если начнут копаться в твоих грехах, то и его тоже выплывут наружу.

Клаус, конечно, был прав, но мои мысли уже пошли в другом направлении. Отец как-то узнал, что я раньше вернулся из Бангкока. Я специально поменял планы, чтобы успеть на встречу с доктором

Хэвен, не ставя в известность никого из домашних, но отец как-то узнал, что в пять часов утра я заезжал домой. Правда, он живет через улицу, и нет ничего странного, если отец встал рано, выглянул в окно и увидел меня. Но, зная, как далеко он может зайти, я засомневался, уж не шпионил ли он за мной да и за моей женой тоже.

– Тео? – окликнул меня Клаус. – Ты о чем задумался? Что случилось?

– Клаус, как ты думаешь, мог мой отец убить Кэролайн?

– Что? Зачем?... Да он на нее надышаться не мог. С какой стати ему было убивать ее?

В памяти ожила моя последняя встреча с женой. В пять утра я своим ключом открыл дверь нашего дома и тихо пошел по лестнице вверх. Мне нужно было взять там кое-какие вещи для сеанса с доктором Хэвен, в том числе потертого плюшевого тигра, которого когда-то купила мне в Берлинском зоопарке мать. Я едва не подпрыгнул, когда понял, что Кэролайн уже встала. Я услышал ее слова: «Может, поднимешься, Бен? Мне просто не терпится. Неужели мы наконец это сделаем?»

Я застыл на месте, но она уже услышала мои шаги и открыла дверь спальни. Увидев меня, пришла в ярость – я понял это по ее глазам. «Что ты тут делаешь? – Живу, если ты забыла», – ответил я.

О том, что случилось дальше, вспоминать не хотелось.

– У Кэролайн был любовник, – сказал я.

– Думаю, что твоему отцу это безразлично, – отозвался Клаус. – Он сам обманывал первую жену со второй, вторую – с твоей матерью, а твою мать... – Он глотнул еще вина. – Единственный человек, кто, по-моему, всегда ненавидел Кэролайн, – это твоя сестра.

Но я уже не слушал. У меня возникла идея. Не исключено, что мой отец действительно любил Кэролайн на свой лад; но его любовь смертельно опасна для тех, кого он любит. Он сумел обернуть себе на пользу ее смерть, а значит, и сама смерть вряд ли была случайной.

Глава 35

Дейрдре

Пришла пора наведаться в логово льва. После смерти Каро я видела племянника лишь дважды, в том числе на похоронах. Поэтому, когда позвонила в дверь, мое сердце буквально рвалось на части между желанием выполнить последнюю просьбу сестры и чувством вины. А тут еще две рогатые гаргульи оскалились на меня со второго этажа, как будто знали, что я задумала...

Дверь открыла няня Глория Ривера, – и расплылась в улыбке при виде меня:

– Дейдре! Как приятно... – Судя по голосу, она и впрямь была рада. – Тедди будет счастлив увидеть свою тетю.

– Как у малыша дела?

– Нормально. – Она перешла на заговорщицкий шепот: – Но ему одиноко, бедняжке... Отец уехал, а мальчик даже не понимает, что мама больше не вернется.

– Я и то не могу до конца понять, хотя я взрослая.

– Ди-и-и-и! – раздался торжествующий вопль Тедди с верхней площадки. Мальчик побежал вниз; не добежав до конца четырех ступенек, притормозил и прыгнул, приземлившись на четвереньки, как лягушонок.

– Тедди! Нельзя так прыгать! – рассердилась Глория.

– Я – лягушка, – заявил Тедди в ответ. – Лягушки прыгают.

Я обняла его.

– Прыгай, но осторожнее, лягушонок.

– Я могу спрыгнуть с пятой ступеньки, – сообщил племянник. – Хочешь посмотреть?

– Он все время скачет; того и гляди, голову расшибет, – сказала Глория.

Тедди оттолкнулся от меня и бросился вверх по лестнице.

– Пошли играть, Ди-и-и-и!

– Пойду пока, приготовлю ланч, – сказала Глория. – На ланч у нас сыр гриль, потому что Тедди сейчас ест только это, но тебе, если хочешь, я могу приготовить что-нибудь другое.

– Сыр на гриле – самое то, спасибо. – Пусть Глория подольше побудет на кухне, мне это как раз кстати. – Тедди, где ты? – окликнула я, поднимаясь по лестнице. В доме сестры полно арок, статуй и всяких других интересных вещей, и мне давно хотелось исследовать его, но Каро

предпочитала, чтобы мы встречались в ее офисе или в ресторане, так что я почти не бывала здесь.

– Я у папы, – отозвался племянник. Я пошла на голос, толкнула тяжелую деревянную дверь и увидела Тедди, который скакал на широченной кровати со столбиками. – Это остров пиратов! – заявил он.

Панели из темного дерева придавали комнате Тео особый шарм мужского клуба – не хватало только развешанных по стенам оленьих голов, укоризненными взглядами встречающих каждого вошедшего, да струек сигарного дыма, сплетающихся под потолком. Зато стены были покрыты фотографиями, недешевыми имитациями моментальных снимков. На одном Тео с Каро в лодке под парусом. На другом мальчик и девочка на лыжах – мальчик Тео, а девочка, наверное, Джульетта, догадалась я. А вот и Тедди, ползет по гладчайшему газону на четвереньках и тащит в зубах плюшевого мишку.

– Это я! – объявил Тедди.

У окна стоял небольшой письменный стол, а при нем резное деревянное кресло с прямой высокой спинкой – яacobинское. В остальном комната выглядела настолько обыкновенной, что я даже слегка разочаровалась: нормальный комод, совершенно предсказуемые прикроватные столики, правда, покрытые обильной резьбой. Ничего подчеркнуто аскетического, но и ничего особенно вычурного.

– А папа знает, что ты скачешь на его кровати? – спросила я и потянула на себя верхний ящик комода – там лежали белые мужские майки. В следующем – трусы. Обойдя всю комнату, я открыла дверь гардеробной, но и за ней не обнаружила ничего, кроме унылых рядов рубашек, костюмов и мужских туфель, и все на открытых полках. Сколько свободного места пропадает... Заглянув в приоткрытую дверь туалетной комнаты, я увидела большую ванну с джакузи. В шкафчике возле раковины тоже не оказалось ничего интересного, только лосьоны для лица и пены для бритья.

– Конечно. А на маминой кровати прыгать нельзя.

После рождения Тедди стало окончательно ясно, что Каро спит одна, в отдельной комнате, которую я никогда не видела. Сестра устроила мне полную экскурсию по дому всего раз, месяца через три после свадьбы, а видеться чаще мы стали после смерти нашей матери.

Тедди спрыгнул с кровати и со стуком приземлился на пол. Ковра в комнате Тео не было.

Снизу раздались поспешные шаги.

– Там у вас все в порядке? – услышала я голос Глории.

– Все хорошо! – крикнула я в ответ, а Тедди сказала: – Вау, я и не знала, что лягушки так громко топают.

Тедди улыбнулся:

– Давай поскачем вместе. Ты готова?

И мы прыжками вышли из комнаты. Племянник скакал впереди, но в коридоре стук от его прыжков гасил ковер. Вдруг Тедди остановился у запертой двери.

– Мамина комната, – сказал он и взялся за ручку, но открывать не стал.

– Давай зайдем.

– Нет. – Тедди вдруг превратился в поборника строжайшей дисциплины и помотал головой: – Туда нельзя.

Я опустилась перед племянником на четвереньки, чтобы поговорить доверительно, как лягушка с лягушкой:

– А почему?

– Мама, – сказал он. В двух коротких слогах уместился целый океан горя, тоски и боли, так что слезы невольно навернулись мне на глаза. Я поняла – если держать дверь запертой, как велела когда-то мама, то волшебство свершится и мама в один прекрасный день вернется.

– Я тоже скучаю по ней, – сказала я.

Тедди опустил голову так низко, что подбородок уткнулся в грудную клетку, а потом стукнулся макушкой о дверь.

– Осторожнее. – Я положила ладонь на его макушку. Черные волосы были гладкими и мягкими, как шелковый занавес. – Не надо так, ладно?

– А когда ты умрешь, Ди?

– Еще очень скоро, – ответила я.

– А папа?

– И папа тоже. – Я понадеялась, что Тедди не заметил отсутствия у меня энтузиазма по поводу долгой жизни его отца, и раскинула руки. – Обнимемся?

Он бросился мне на грудь и уткнулся мордашкой в шею. Мне так много хотелось ему сказать, но он был еще слишком мал. Поэтому мы просто сидели обнявшись довольно долго.

– Это очень плохо? – спросил вдруг Тедди.

– Что – плохо?

– Если мы зайдем в комнату к маме?

– Нет, милый. Конечно, нет.

Я почувствовала себя демоном, соблазняющим трехлетнего ребенка нарушить запрет и войти в комнату матери, но мне самой страшно хотелось заглянуть туда хоть одним глазком. Нет, я не ожидала обнаружить там ключ ко всем тайнам. Но если я в чем-то и убедилась за последние дни, так это в том, что знала свою сестру вовсе не так хорошо, как мне казалось. Меня обмануло сияние совершенства, окружавшее ее на каждом шагу. Оно не просто затмило в моих глазах все недостатки сестры; нет, я вообще не замечала, что они у нее есть.

Я встала и распахнула дверь. Повеяло знакомым цветочным ароматом. Комната Каро оказалась настолько же дамской, насколько комната Тео – мужской: утопающая в подушках и подушечках кровать с бархатистым покрывалом, пара кресел, обитых бледно-розовым бархатом, деревянные шкафчики и столики, расписанные цветами. Странно, но эта спальня сразу напомнила мне комнату сестры в детстве. Приглядевшись, я поняла, что кресла те самые, купленные когда-то матерью на блошином рынке, только обтянутые заново дорогой материей. Комод, разрисованный выюнками и розовыми цветочками, был тоже прямо из детства. Но почему-то знакомые вещи не успокаивали, а, наоборот, вселяли тревогу. Не исключено, что я далеко зашла в отрицании своего детства, поселившись вместо розовой девичьей спальни в мрачной темно-зеленой конуре, которую сама называла застенком, но то, что Каро так любовно воссоздала комнату своего детства в этом богатом доме, показалось мне нездоровым.

Повсюду в комнате стояли фотографии в узорчатых рамках, на стенах висели таблички. Одна была от мэрии Нью-Йорка, другая – от «Гражданского общества Диотима». Последняя выглядела особенно впечатляюще: на черной лакированной поверхности серебряная гравировка с изображением разбитой колонны, возле которой замерла

женщина. На столе под табличкой лежал ежедневник Каро. Я пролиستала его, но ничего необычного не обнаружила.

Тедди стоял в дверях и круглыми, как блюдца, глазами осматривал комнату.

– Все как было, – прошептал он.

– А ты думал, в маминой комнате что-то поменялось? – спросила я.

– Наверное...

Я обыскивала комнату сестры неловко, как начинающий квартирный вор. Никаких дневников, конечно, не обнаружилось. Впрочем, я и не ожидала: в жизни ничего не бывает так просто. Но обыскать громадную, точно пещера, гардеробную сестры, где та хранила впечатляющий запас бальных платьев, оказалось вовсе не так трудно, как представлялось сначала. Вскоре под полкой для туфель я нашла Библию. Она была полна разных клочков бумаги. Я вцепилась в них, как в выигрышные лотерейные билеты. У нас дома все важное всегда клали в Библию. Первый вкладыш представлял собой карточку из плотной белой бумаги с золотым обрезом. На нем элегантным курсивом было написано следующее:

«Неопытность застилает твой взор, – ответил мистер Рочестер. – Все, что здесь есть, ты видишь через ее волшебную пелену и потому не различаешь, что позолота – на самом деле плесень, а шелковые занавеси – паутина; что мрамор не мрамор, а грубый сланец, а полированное дерево – гряда щепок и шероховатая кора».

Принимая решение остаться, ты становишься соучастником преступления.

Цитату из «Джейн Эйр» я узнала сразу, потому что сестра заставила меня прочесть эту книгу. Но от нижней строчки у меня буквально перехватило дыхание. Карточка была без подписи и без даты, но я сразу решила, что она от Тео. Таблицы, полученные мной от Каро, яснее ясного говорили о том, что с семейным бизнесом Трэкстонов не все так просто. Бен прямым текстом сказал, что эта семейка отмывает деньги через свои отели. Какое еще преступление мог иметь в виду Тео, если не это? И при этом получается, что он – единственный Трэкстон, который не вовлечен в криминальную деятельность семейства?

– Ты тоже его ищешь, тетя Ди? – спросил вдруг Тео.

– Кого – его?

– Тайник.

– У мамы был тайник?

Я положила Библию на место и только тут поняла, что под ней было еще кое-что: небольшой кожаный футляр с надписью «Картье», выдавленной на крышке. Внутри оказались платиновые серьги: усыпанные бриллиантами морды пантер, несмотря на свою крошечность, на удивление свирепо глядели щелками изумрудных глаз. Рядом была записка на полоске бумаги примерно такого размера, какие обычно кладут в печенье с предсказаниями; только почерк другой, судорожный и неразборчивый.

«Знаю, Кэролайн, что ты ненавидишь все экстравагантное, но я не удержался. Я очень горжусь тобой и твоими достижениями. Тот день, когда ты вошла в нашу семью, стал самым счастливым для нас. С неизменной любовью, Теодор».

В гардеробную вбежал Тедди, и я инстинктивно захлопнула коробочку и сунула ее назад, на полку.

– Ты его нашла?

Я огляделась, ожидая увидеть альков, скрытый между платьями, туфлями и шляпными коробками.

– Где он?

– Здесь. – Тедди показал на комод, стоявший внутри гардеробной.

– В ящике?

– Да нет же, – сердито воскликнул племянник. – Сзади.

Комод показался мне чересчур тяжелым, я не могла сдвинуть такой с места.

– Потяни за него. – И он протянул ручонки к верхней крышке, но не достал. – Тяни.

Я открыла ящик.

– Вытащи совсем, – настаивал Тедди.

Я вынула ящик из комода.

– Видишь? – не успокаивался мальчик.

Я нагнулась и заглянула внутрь. Комод оказался без задней стенки. Вместо нее я увидела сейф.

– А ты знаешь код? – спросила я у племянника, чувствуя всю глубину своего нового падения: до чего же я докатилась, раз вымогаю

подсказки у невинного ребенка...

– Мама говорила, это секрет.

Я попробовала день рождения Каро, потом Тедди, потом наших родителей и, наконец, свой. Ничего не сработало.

– Ланч готов! – услышала я зов Глории снизу. – Налетай на сыр, пока не остыл!

Тедди тут же завопил:

– Бежим!

Я вернула ящик на место, закрыла за собой дверь гардеробной и с тяжелым сердцем пошла следом за Тедди на первый этаж. Тайны моей сестры вдруг оказались так близки – и в то же время недостижимы.

Глава 36

Дейдре

Днем я сводила Тедди в зоопарк. Мы оба любили морских львов и долго зависали в их уголке. Вернувшись, мы застали дверь дома приотворенной. Я замерла на верхней ступеньке лестницы, потом повернулась к Тедди.

– Подожди меня здесь, ладно?

– Ладно.

Я крадучись поднималась по лестнице, ломая голову, что бы это могло значить, когда услышала голос:

– Я не могу запретить ей приходить сюда. У нее есть право. Она же тетя, – говорила Глория.

– Я приказываю тебе больше никогда не впускать ее. Эта женщина – чудовище, ей нельзя доверять.

У меня сжалось сердце. Неужели они говорят обо мне? И тут я заметила, что за мной крадется Тедди.

– Эмми! – закричал он, вбегая в комнату. Я вошла за ним.

– *Liebling*^[15] – женщина с серебряными волосами, мелкая, как воробышек, наклонилась, чтобы обнять Тедди. Шелковое платье в цветочек висело на ней как на вешалке, а дамская сумочка из крокодильей кожи, которую она держала в руках, была шире ее бедер.

Судя по ее наряду, она собиралась на ланч, хотя, судя по всему остальному, ей это было ни к чему – она ничего не ела.

– Урсула, ты ведь помнишь Дейдре, – сказала Глория. – Сестру Кэролайн.

– Разумеется. Как твои дела, дорогая? – К моему немалому удивлению, Урсула чмокнула меня в щеку. От нее пахло пудрой и можжевельником.

– Привет, – ответила я смущенно. В моем представлении, после того что я слышала, она должна была по меньшей мере вытолкать меня взащей.

– У нас печенье, – сказал Тедди, дергая Урсулу за платье. – Я чувствую запах.

– Я тоже почувствовала, как только вошла. Глория прекрасно готовит, – подхватила Урсула с энтузиазмом, хотя было ясно, что с начала этого столетия ни одна печенюшка ни разу не попала ей в рот.

– Ну как там зоопарк? – спросила у меня Глория.

– Печеньку-у-у! – завопил Тедди.

– Ладно, ладно. Но только одну. Иначе испортишь себе аппетит перед обедом. – Глория покачала головой, пока Тедди вился вокруг. – До чего же этот парнишка любит печенье...

– В зоопарке классно, – ответила я. – Тедди готов проводить там хоть целый день, каждый день.

– Тедди повезло, что у него есть такая замечательная тетя, которая готова водить его туда, – сказала Урсула. – Не то что та, другая.

И тут все встало на свои места – они говорили не обо мне, а о сестре Тео.

– Что еще натворила Джульетта? – спросила я.

– У вас в английском есть только одно слово для обозначения таких людей, как она – *troublemaker*, человек, который создает неприятности, – сказала Урсула. – А в немецком таких слов гораздо больше: *Unruhestifter*, *Klatschbase*, *Provokateur*, и еще около дюжины. По слову на каждую конкретную неприятность.

– И какое из них больше подходит Джульетте?

– Любое, – ответила Урсула. – Но лично я предпочитаю *Stänkerin*.

Я расхохоталась. Просто не могла удержаться. Нет, я не забыла слов Адины Герштейн о том, что Урсула рылась в вещах Каро, и

доверять ей не собиралась. Но я ведь и сама совсем недавно делала то же самое, так что не мне бросать в нее камни.

– Тетя Ди, ты ведь пойдешь обедать? – крикнул Тедди, жуя печенюку – видимо, далеко не первую.

– Твой дедушка пригласил меня вчера.

– Не пускай ее больше сюда, – зашипела за моей спиной Урсула Глории.

– Ладно, – неуверенно ответила та.

– А что натворила Джульетта? – также шепотом спросила я.

– Ходят какие-то слухи об опеке, – ответила Урсула, подчеркнуто глядя на Тедди. – Не знаю, правда, насколько они соответствуют действительности.

Мы вышли на улицу, пересекли дорогу и оказались на крыльце другого особняка Трэкстонов, в котором я не была ни разу в жизни. «Там просто невероятно, – рассказывала мне Каро. – Как в музее. Никогда ничего подобного не видела. Даже смешно, что там живут люди». Сестра не преувеличила. Дверь нам открыл дворецкий. За его спиной стерегли просторы передней два мощных каменных льва, с виду такие же древние, как экспонаты музея Метрополитен.

– Паровозики! – воскликнул Тедди.

– Конечно, милый, – согласилась Урсула. – Пойди, посмотри пока на паровозики. Дедушка достал их специально для тебя.

Тедди на большой скорости обогнул одного из каменных львов и скрылся из виду.

– Не волнуйся, здесь он как у себя дома, – успокоила меня Урсула. – Выпьешь что-нибудь?

Она повела меня в гостиную. Дом был таким огромным, что по сравнению с ним особняк Тео и Каро казался просто коттеджем. Стоя на перекрестке коридоров, которые уходили куда-то в бесконечность на восток, запад и север, я догадалась, что в процессе постройки к этой собственности было присоединено немало соседних участков. В общем, это был настоящий дворец. Вот только освещался он так скупно, как будто Трэкстоны экономили на электричестве. Из-за царившего внизу полумрака я не сразу поняла, что в гостиной, куда привела меня Урсула, есть кто-то еще.

– А вот и Дейрдре пожаловала, лучик света в нашем темном царстве, – раздался воркующий голос откуда-то из угла.

Приглядевшись, я увидела там сестру Тео – она сидела на кушетке, обтянутая платьем в тигриную полоску так туго, что все ее прелести буквально выпирали из него.

Я была в джинсах, черных кожаных ботинках и черной блузке с жабо и рюшами – мой вариант одежды в пир, в мир и в добрые люди.

– Если б я знала, что попаду на сафари, надела бы хаки.

Джульетта улыбнулась, как кошка, поймавшая канарейку.

– Почему ты еще здесь? – спросила Урсула.

– Потому что отец заставляет меня ждать. – Джульетта одарила мачеху высокомерным взглядом и снова обратилась ко мне: – А ты знаешь, что Урсула раньше была нашей няней?

Я бросила взгляд на Урсулу, которая так глянула на падчерицу, словно была готова ее зарезать.

– Да, да, она жила в нашем доме и очень любила брать без спросу украшения и туфли моей матери. А потом ей приглянулся и ее муж, – продолжила Джульетта.

Урсула вскрикнула, точно раненый зверь, и выбежала из гостиной.

– И зачем ты мне это говоришь? – спросила я.

– Затем, что это правда. – Джульетта пожала плечами.

Я сама из тех, кто предпочитает всегда смотреть правде в лицо, но зачем же говорить гадости?

– Это было жестоко.

– А что бы ты чувствовала к женщине, с которой твой отец сначала закрутил роман, а потом женился на ней и заставлял тебя называть ее мамой? – спросила Джульетта.

– Это что, правда?

– Закрой рот, Дейрдре, тебе так не идет. Да, это правда.

– Сестра никогда мне об этом не говорила.

– Откуда ей было знать... – Несмотря на слабое освещение, Джульетта принялась рассматривать свои ногти. – Не возражаешь, если я задам тебе вопрос? В глубине души ты никогда не испытывала презрения к своей славной сестренке, этой пай-девочке?

– Ты что, спятила?

Джульетта лениво пожала плечами, очень довольная тем, что ей удалось меня завести.

– Родственников положено любить, особенно данных Богом, но я своих просто ненавижу. Ничего не могу с собой поделать.

Как там говорил Бен? Все Трэкстоны – один большой преступный синдикат...

– Может, твои родичи и заслужили такое отношение, откуда мне знать.

Джульетта рассмеялась и подняла свой бокал так, словно собиралась чокнуться со мной.

– Не исключено, – сказала она и сделала глоток. – Но если не лгать себе, то придется признать, что природа часто играет с людьми злую шутку. Взять хотя бы родных братьев и сестер – предполагается, что они должны стоять друг за друга горой, а на самом деле нередко оказываются злейшими врагами.

Тут мне неожиданно стало интересно.

– А вы с Тео – враги?

Она похлопала по кушетке рядом с собой, словно предлагая мне сесть, и сказала:

– Я расскажу тебе кое-что о нем, а ты мне – о своей сестренке.

Предложение было соблазнительным, но я не успела и рта раскрыть, как в коридоре раздались шаги.

– Извини, что заставил тебя ждать, Джульетта. Мне пришлось... – Теодор увидел меня и улыбнулся. – Дейдре! Как я рад тебя видеть...

– Спасибо, что пригласили меня на обед.

– Уф, так ты заманил ее на официальный визит? Вот бедняжка... – каждое слово Джульетты буквально сочилось ядом, но она все же улыбнулась мне, хотя и коварной улыбкой: – Если захочешь когда-нибудь обменяться наблюдениями, звони. Я в деле.

– Ты тоже можешь остаться, если хочешь, – сказал ей отец.

– Нет уж, спасибо, – ответила Джульетта. – Когда я росла, у нас в доме не бывало званных обедов. Вдруг у меня на них аллергия?.. Но есть одно дело, которое нам надо обговорить еще до моего ухода, отец. У нас проблема с тараканами. Снова.

– Джульетта! Как ты можешь... – Теодор бросил на меня встревоженный взгляд.

У меня тоже были проблемы с тараканами в моем застенке, но говорить об этом сейчас казалось мне неуместным.

– Точно такая же, как два месяца назад, – добавила Джульетта.

– Прошу прощения, Дейдре, – обратился ко мне Теодор. – Я не знал, что нам предстоит серьезный разговор. Может, ты пойдешь пока

к Урсуле и Тедди?

– Конечно, – сразу согласилась я.

Я вышла из гостиной, но в коридоре, отойдя немного, остановилась. Снимать ботинки, чтобы красться с ними в руках назад, времени не было – оставалось только вернуться к дверям гостиной как можно тише, чтобы никто меня не заметил.

– Во сколько это обошлось нам в тот раз? – услышала я голос Теодора.

– В четверть миллиона, – ответила Джульетта. – Кэрлайн считала, что мы должны заплатить, потому что дурная репутация на этом рынке была нам не на руку.

Волоски у меня на шее встали дыбом. Не может быть, чтобы речь у них шла о насекомых.

– А что ты теперь думаешь? – спросил он.

Но я не услышала, что ответила ему Джульетта – в переднюю выбежал Тедди и громко потребовал:

– Помоги мне с поездами, тетя!

Черт, до чего же не вовремя... Но разочаровывать племянника было нельзя.

Десять минут спустя, когда локомотив уже вовсю стучал колесами по рельсам, в комнату вальяжно вошел дед Тедди.

– Ну как, все уладили? – спросила я у него.

– Да, полный порядок. Джульетта со всем разберется. Она очень способная... – Теодор вздохнул. – Честно говоря, мне даже неловко, что я на нее столько взваливаю. Девочка работает не покладая рук. Я-то надеялся, что она и Тео будут вести семейный бизнес вместе, а он бросил нас, мотается по всему свету и что хочет, то и вытворяет...

«Может, он просто не хочет отмывать грязные деньги», – подумала я, но вслух ничего не сказала. Я ведь еще не выяснила, насколько глубоко Каро увязла во всем этом, и мне было неловко.

– Плохо, – сказала я.

– Не пойми меня превратно, я не жалуюсь... – он снова вздохнул. – Просто с детьми часто так бывает: они рождаются, и родители думают, что они будут такими же, как они. Ведь в их жилах течет та же кровь. А потом дети вдруг забывают все, чему их учили родители, и становятся совсем другими людьми.

Зря Теодор завел этот разговор именно со мной. Я ведь тоже порвала всякие отношения с отцом – и никогда об этом не жалела.

– Говорят, против природы не пойдешь, – заметила я. – Но я никогда не верила в то, что все зависит от генов. Гены отвечают за определенный набор характеристик, но не определяют личность человека полностью.

– Хорошо сказано. Я и сам об этом думаю с тех пор, как Тео сбежал. Похоже, он и отцом быть не хочет...

Я бросила взгляд на Тедди. Тот занимался своими паровозиками и, кажется, даже не прислушивался к разговору. Но Тедди – умный малыш, из тех, кто ни слова не пропустит.

– Сейчас для всех трудное время.

– Разумеется. Но я беспокоюсь, вдруг Тео сделает что-нибудь нехорошее? Например, увезет Тедди в Европу... И что тогда с нами будет?

– Ужас. – Тедди – единственное, что еще связывало меня с покойной сестрой. Я не готова была отпустить его из своей жизни.

– Я рад, что ты с нами заодно, – сказал Теодор. – Джульетта готовит пакет документов, чтобы не дать Тео увезти Тедди туда, где опасно. Нам очень помогло бы, если б любимая тетя Тедди дала заявление под присягой.

Теодор говорил мягко, но его слова звучали зловеще. Я вспомнила предостережение Хьюго Ларайи и слова, сказанные Тео, когда тот пытался отговорить друга работать на отца: «Из его паутины не выберешься». Может быть, у меня поэтому возникло такое чувство, словно огромный паук прикрепил ко мне тонкие ниточки паутины. Теодор Трэкстон и раньше говорил мне ужасные вещи о своем сыне, подтверждая мои подозрения против него, а теперь усилил их тысячекратно, выложив новую порцию информации. Что если так же он поступил и с Каро?

– Как скажете, – без всякого выражения ответила я и отвернулась, наблюдая за Тедди.

Каро планировала сбежать от всех Трэкстонов, так сказала мне Адина Герштейн. И от Теодора Трэкстона тоже. Кажется, я начинала понимать почему...

Я ошибался, когда думал, что мне понадобятся два дня на мои дела в Берлине. На самом деле, мне хватило и одного. Но авиакомпания отказалась поменять мне билет, и поэтому пришлось проторчать в Берлине еще день.

– Я хочу задать вопрос, который наверняка покажется тебе странным, – сказал я Клаусу, когда мы, покидая тайный ресторан, в который он меня заманил, шли путаными переулками.

– Валяй.

– Ты, наверное, знаешь, что у меня шрамы по всему телу, – начал я. – Некоторые из них я нанес себе сам, но другие были на мне столько, сколько я себя помню. Отец всегда говорил мне, что на меня напал в зоопарке зверь. Он никогда не рассказывал тебе эту историю?

– Одну версию я от него слышал, – отозвался Клаус. – О нападении на тебя. Но в ней не было упоминаний о зоопарке.

– Тогда кто на меня напал?

– Он не сказал.

– А ты не спросил? – удивился я. – Почему?

– Причина нашего успешного сотрудничества с твоим отцом – причем, обрати внимание, сотрудничества многолетнего – состоит в том, что мы никогда не задавали друг другу лишних вопросов. Так было и в твоем случае. Он был в ужасе, когда понял, что ты можешь умереть. И ему совсем не требовалось, чтобы еще и я приставал к нему с вопросом: «Как ты позволил такому случиться?»

Мы вышли на улицу.

– Тебя подвезти? – предложил Клаус.

– Сам доберусь.

– Ну тогда *bon voyage*^[16] тебе на завтра, – не стал настаивать он. – Не окажешь мне услугу?

– Как ты узнал, что я лечу... а, ладно. Так о чем ты?

– Передай Урсуле, что я – мерзавец и прошу у нее прощения, – сказал Клаус. – Я натворил много гадких вещей в жизни, но об этой сожалею особенно.

– Почему ты сам ей не скажешь?

– Она не станет слушать. – Судя по голосу, Клаусу было себя жалко. – Много лет назад она просила меня о помощи, но я ответил ей: «Как постелешь, так и выспишься». Я был неправ.

– А в чем она хотела, чтобы ты ей помог?

– Уйти от твоего отца, – сказал Клаус. – Но я тогда больше боялся потерять друга, чем сестру. И никогда не думал о чувствах Урсулы. Я велел ей остаться, и она осталась.

* * *

К себе в отель я вернулся уже после одиннадцати, но в Нью-Йорке было всего пять. Я позвонил сначала Глории, спросил, как дела у Тедди, а потом набрал номер доктора Хэвен.

– Мне надо немедленно рассказать вам все, что я выяснил...

Слова так и сыпались из меня; часть истории я пересказал в обратном порядке, но доктор Хэвен слушала внимательно. В какой-то момент я услышал сдавленный всхлип и с запоздалым ужасом понял, что всхлипываю я сам. Я был в ярости и в то же время испытывал опустошение оттого, что меня предали. Я привык к тому, что мои родственники не доверяют мне полностью, что отец ведет дела, как сложную шахматную партию, в которой роль пешки неизменно отводится мне. Но я не был готов к тому, что он может совершить преступление и заставить меня поверить в то, что это моих рук дело. Такое открытие стало для меня кошмаром, от которого я не мог проснуться.

Наконец у меня кончились слова. Лицо было мокрым от слез. Дыхание участилось, как после бега.

– Тео... это похоже на сюжет триллера, – произнесла наконец доктор Хэвен. – Даже не знаю, что сказать. Мне доводилось видеть, как члены одной семьи делали друг другу гадости, но это вообще за гранью.

– Мне необходимо сделать так, чтобы мой отец никогда не смог дотянуться до Тедди.

– Люди много говорят о правах дедушек и бабушек, хотя на деле таких прав просто не существует, – отозвалась доктор Хэвен. – За

исключением тех случаев, когда можно доказать, что родитель, которому вверена опека над ребенком, не годится на эту роль.

Я ни секунды не сомневался – именно этим и занят теперь мой отец. Но вот считал он Кэролайн подходящей матерью для Тедди или нет – это был вопрос. Понятно, что сейчас отец лезет из кожи вон, лишь бы наложить лапу на моего сына; неясно только, как далеко он изначально готов был зайти.

– Тео, я понимаю, сейчас тебе кажется, что доверять нельзя никому вообще, но все-таки выслушай меня, – продолжила доктор Хэвен. – Прежде всего, верь самому себе. Твой отец – да что там, все твои родственники – те еще манипуляторы, но ты не такой, Тео. Поэтому верь себе.

«Легко ей говорить», – горестно думал я, заканчивая разговор. В ее голове нет хора, который шепчет: «Я полон скрытых страхов». Она не живет, снедаемая беспокойством о том, какой части своих воспоминаний можно верить, а какой – нет.

Машинально я зашел в ванную. В футляре с туалетными принадлежностями лежал бритвенный станок. Я достал его и сломал о раковину пластиковый корпус. Из него высыпались фрагменты лезвий – четыре штуки. Я собрал их в ладонь. В них, точно в крошечных зеркальцах, отражались отдельные черты моего лица – глаз, губа. Расколотое отражение в точности соответствовало тому, как я себя чувствовал. Я рос, смирив душевную пытку физической болью, но тут понял, что это мне больше не поможет. Я и так весь в шрамах, словно в татуировках, а боль внутри как была, так никуда и не делась.

Мне почему-то вспомнился мой последний разговор с Кэролайн. «Может, поднимешься, Бен? Мне просто не терпится. Неужели мы наконец это сделаем?»

Она была в ярости, когда поняла, что это не он, а я. «Что ты здесь делаешь?»

«Живу, если ты забыла», – сказал я.

«Я больше не хочу быть твоей женой. Разве это так трудно понять, Тео? Уходи из моего дома». Вот что сказала мне тогда Кэролайн.

Я ворвался в свою спальню, но никак не мог вспомнить, зачем я здесь. Тогда схватил со стены нашу с Каро свадебную фотографию,

выскочил с ней в коридор, где изо всех сил треснул рамкой о косяк. Осколки стекла и дерева брызнули во все стороны.

«Мне плевать, как ты живешь, – сказал я жене. – Дом можешь оставить себе, но Тедди я тебе не отдам».

Кэролайн ответила мне испуганным, остановившимся взглядом. Я спустился по лестнице и вышел из дома. Это была наша последняя встреча. Меня тошнило при одном воспоминании о ней...

Я бросил лезвия в корзину с мусором. Настанет день, когда я должен буду научить своего сына справляться с болью. И как я это сделаю, если не умею сам?

Я посидел, дожидаясь, когда схлынут сожаления о прошлом, и только потом взялся за телефон и набрал номер, которым пользовался редко. Конечно, Джульетта не ответила. Говорить пришлось с ее голосовой почтой.

– Это Тео, – сказал я. – Я в Берлине. Приехал сюда, чтобы... пытаюсь восстановить кое-какие пробелы в памяти. У меня есть к тебе вопрос. Ты наверняка помнишь ту ночь, когда умерла Мирей. В самолете ты сказала, что я испортил твою неделю в Париже. Но почему ты была в Париже? Ты ведь тогда училась. – Я перевел дыхание. – А вопрос вот какой: ты сама решила тогда поехать в Европу? Или это отец огорошил тебя внезапным подарком? Видишь ли, я тут выяснил, что в ту ночь отец меня подставил... Не исключено, что он подставил и тебя.

Часть III

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.

Ф. Ницше

Глава 38

Дейрдре

В субботу я спала в собственной постели у себя в застенке, хотя моя дверь была по-прежнему оклеена полосатой полицейской лентой как место преступления. Я взяла пару черных мешков для мусора, склеила их вместе скотчем и им же приклеила к двери, после чего упала на свой матрас. В голове бурлили мысли, которые слишком смущали меня, чтобы я могла ими с кем-то поделиться. Всего два дня назад я готова была распять Тео за убийство моей сестры, но теперь я глядела на него другими глазами – как, впрочем, и на Каро. Я и раньше часто спешила с выводами, и на этот раз, похоже, сделала ту же ошибку.

Путаница в моей голове не прояснилась, когда в воскресенье я проснулась и обнаружила на телефоне письмо от зятя: «Дейрдре, я в аэропорту Берлина, лечу домой. Буду на месте в воскресенье в полдень. Очень нужно с тобой поговорить. Не могли бы мы встретиться? Спасибо. Тео».

Я еще повалилась на матрасе, пялясь в сообщение, но в восемь все же выползла из постели. «Отличное предложение, – написала я в ответ. – Я тоже хочу поговорить. Весь день свободна». До прибытия его рейса было еще четыре часа – значит, я смогу раскопать еще что-нибудь, прежде чем мы встретимся лицом к лицу.

Больше всего мне хотелось поговорить с Джульеттой. Я никогда не была у нее дома, но точно знала, где она живет. У Трэкстонов был такой образцово-показательный отель на Парк-лейн и еще один бутик-отель на Кросби-стрит. Там Джульетта занимала номер в пентхаузе с собственным лифтом. Я позвонила ей по пути в метро.

– Ты серьезно вчера предлагала поменяться историями о родичах?

– Еще как, – ответила она. – Когда и где?

– Я могу подъехать к тебе примерно через час. – Попасть на поезд, идущий из Квинса в центр в воскресенье утром, было почти нереально, но мне не хотелось вводить ее в курс своих проблем.

– Отлично, – ответила Джульетта. – Пока закажу пару «Мимоз».

И она повесила трубку, не дав мне возможности сообщить ей, что я не пью.

Мне повезло: поезд «Гранд-авеню – Ньютаун-стейшн» прибыл на станцию через минуту после меня. Три четверти часа спустя я была уже у дверей Джульетты. Эта собственность Трэкстонов была куда симпатичнее, чем левиафан из стали и бетона в центре. Здесь изогнутые грани были окутаны серебристым и белым металлом. В фойе оказалась целая выставка картин: развешанные по стенам полотна в сочетании с высоким, точно в соборе, потолком вызвали трепет даже у такого циника, как я.

Я подошла к мраморной стойке и спросила Джульетту. Оттуда меня отправили к другой стойке, в противоположной части этажа. Рядом с ней был также отдельный лифт. Позолоченная табличка на стене гласила, что лифт частный. «Как это похоже на Джульетту», – подумала я.

– Здравствуйте, мне назначена встреча с Джульеттой Трэкстон. Я – ее родственница, Дейрдре Кроули, – представилась я, втайне злорадствуя над Джульеттой – вот бы она взбесилась, если б кто-то идентифицировал ее с родственниками вроде меня.

Но дама на ресепшен если и удивилась, то ничем этого не показала.

– Добро пожаловать в отель «Пенелопа», – сказала она с улыбкой. – Мисс Трэкстон сейчас на совещании, но, как только она освободится, я дам вам знать.

Я устроилась в небольшом зале ожидания напротив общих лифтов. Кресло, в котором я сидела, было плюшевым, с обивкой вроде

искусственной овечьей шкуры. В ней было тепло и уютно, как той самой блохе в ковре. Я глянула на консьержку, но та сделала вид, что занята. Минуты две я сидела, наслаждаясь комфортом и надеясь, что никто меня не заметит.

Но не тут-то было. Над частным лифтом вдруг зажглась лампочка.

– Мисс, хотите, я позвоню прямо сейчас? – спросила меня консьержка.

– Конечно, – ответила я. И тут дверь лифта открылась, и из него шагнул в фойе Бен Норткатт.

Он увидел меня и, судя по всему, был потрясен не меньше, чем я. По крайней мере, застыл на месте и так на меня уставился, словно у меня вдруг выросли рога.

– Бен? Какого черта ты здесь...

Не успела я закончить вопрос, как Норткатт шмыгнул мимо консьержки и нырнул в какую-то боковую дверцу. Он не бежал, но двигался на удивление быстро. Я смотрела ему вслед, потрясенная и напуганная.

– Бен! – крикнула я пару раз, но он не обернулся и не сбавил шаг. Тогда я вскочила, догнала его бегом и схватила за руку. Он повернулся ко мне и вырвал свою руку. Его дыхание участилось, лицо было искажено яростью.

– Что ты ко мне привязалась, чего тебе от меня надо? – рявкнул Бен.

– Я пришла на встречу с Джульеттой. А ты что здесь делаешь?

– Что надо. Я не обязан отвечать на твои вопросы.

– Если мне понадобится, я выбью из тебя ответ.

– Как, интересно? Ножичком пырнешь, как своего папашу?

На нас начали оглядываться. Даже мой отец – единственный, кто имел право высказываться по этому поводу – никогда мне такого не говорил. Неудивительно, что от наглости Бена я почувствовала себя дезориентированной, не знала, куда кинуться. Гнев и тот прошел.

– Я только...

– Знаешь, что я тебе скажу? Кэролайн не зря ничего тебе не рассказывала, – выпалил Бен. – Она тебе не доверяла. Знала, что ты не умеешь держать себя в руках и обязательно сваляешь дурака, как ты всегда и делаешь, Дейдре.

И он пошел прочь, а я стояла и смотрела ему вслед, чувствуя, как у меня подгибаются колени.

Глава 39

Дейдре

Я не знала, что это было; понимала только, что я застала Бена за чем-то нехорошим и он психанул. Раздумывая об этом, я вернулась в отель.

– Мисс Трэкстон ждет вас в любую минуту, – сообщила мне консьержка, едва я вошла, и улыбнулась мне так радостно, как будто ровным счетом ничего не произошло. Ей бы в кино сниматься, честное слово.

– Спасибо, – буркнула я, направляясь к частному лифту.

Через несколько секунд я была уже наверху. Дверцы лифта открылись, и я оказалась в зеркальной черно-белой гостиной в стиле ар-деко, похожей на лихорадочный бред декоратора. По крайней мере четыре Джульетты ждали меня, и на каждой было черное платье с запахом и атласные шлепанцы на босу ногу.

– Добро пожаловать в мою гостиную, Дейдре, – протянула она.

– То есть ты паучок, а я – муха...

– А разве нет?

Я сделала шаг вперед, надеясь, что не ошибусь и попаду к настоящей Джульетте.

– Хочу тебя предупредить, у меня живет ручной питон, – сказала она. – Он ползает на свободе; правда, сейчас он уже староват и медлителен, так что смотри, не наступи на него случайно.

– Кромвель, – вспомнила я. Среди прочих странностей золовки Каро упоминала и эту – пристрастие к комнатным рептилиям. – А почему именно питон?

Джульетта повернулась ко мне и выдала свою забавную полуулыбку.

– Мой отец панически боится змей. А брат – любых крупных животных. Так что Кромвель ограждает меня от обоих. Ну а что привело тебя в мое логово порока сегодня?

– Что здесь делал Бен Норткатт?

Джульетта приподняла бровь.

– Так вы знакомы?

– Он – журналист. Я познакомилась с ним пару дней назад.

– Стало быть, тоже копает под мою семейку, – заметила она. – И что ты ему рассказала?

– Ничего. Он мне не понравился.

– Мы тоже мало кому нравимся. Быть душками – это не по нашей части, – парировала Джульетта. – Выпьешь что-нибудь?

Не дожидаясь ответа, она направилась в просторную соседнюю комнату. Я последовала за ней, но осторожно, внимательно поглядывая себе под ноги. Мои ботинки вполне пригодны для того, чтобы напирать кому-то по заднице, но у питонов-то задниц нет, вот в чем все дело.

– Я собиралась заказать шампанское, – говорила на ходу Джульетта, – но потом подумала и решила, что ты, скорее, предпочтешь пиво. Без обид.

– Я не пью алкоголь. – Я замерла как вкопанная – в центре комнаты стояла большая каменная статуя египетского бога. Того, с головой шакала. Анубиса, вот как. Когда-то я любила египетскую мифологию. Анубис был богом мертвых до убийства Озириса.

– Правда? – Джульетта смерила меня взглядом. – Почему – тебе ведь незачем сидеть на диете.

– Я и не сижу. Просто не пью, и всё.

Она моргнула и в кои-то веки удержалась от оскорблений.

– Ладно. Садись.

– Ты не ответила, зачем к тебе приходил Бен Норткатт, – спросила я, усаживаясь. – Я знаю, он о тебе что-то пишет. Но зачем ты разговариваешь с ним?

– Всегда важно знать, что затевает твой враг. А мистер Норткатт считает себя умнее, чем он есть на самом деле. Но ты ведь пришла сюда затем, чтобы мы с тобой могли обсудить наших единокровных... – Ее зеленые глаза сверкнули, как у кошки, и я вдруг поняла, что она считает меня всего лишь игрушкой, с которой собирается позабавиться. Но Джульетта – не тот оппонент, на которого можно воздействовать силой. Значит, придется драться на ее условиях.

– За что ты так ненавидела мою сестру? – спросила я.

– О, так мы играем в «Правду или действие»? – притворно удивилась она. – Ну хорошо, тогда мой ход первый. Я ненавидела ее за то, что она была безупречной доченькой-блондинкой, как раз такой, о какой всегда мечтал мой отец. Хорошенькой, худенькой и покладистой. Для него солнце вставало и садилось вместе с ней.

– Ты что, ждешь от меня комплиментов?

– У меня горячий нрав, я это знаю, – продолжала Джульетта. – И вообще, я – та же кукла, только более роскошная и сардоническая. Класа люкс. Мой отец начал отправлять меня в детские лагеря для толстушек, когда мне было восемь лет.

– Как я погляжу, в твоей семье куча проблем.

– Ну а в твоей, разумеется, нет, – парировала она. – Семейство Кроули – сплошное благолепие.

– Ты права, мы тоже не такие, – согласилась я.

– Ладно, я ответила на твой вопрос. Теперь твоя очередь. Что ты ненавидела в Кэролайн?

Вопрос застал меня врасплох.

– Я любила сестру.

– Не спорю, – сказала Джульетта. – Но каждый человек, как правило, испытывает смешанные чувства к членам своей семьи.

– Только не я. Каро была хорошей. Она старалась помогать людям.

– Так не пойдет, Дейрдре. Если хочешь продолжать разговор, то будь честной. Если нет, я тебя не задерживаю.

Мне очень хотелось уйти, но так я ничего не добилась бы. Мне нравилось думать о себе как о человеке, не боящемся глядеть правде в глаза, но дело в том, что я нередко избегала этого.

– Мне не нравилось, что Кэролайн не порвала с отцом, хотя он и избивал мать. – Во рту у меня стало сухо, сердце заныло; в какой-то момент мне показалось, что оно вот-вот лопнет и проломит грудную клетку. Я положила руки на колени и слегка откинулась назад.

– Я этого не знала. Я имею в виду про твоих родителей. – Джульетта, которая до этого сидела нога на ногу, поставила вторую ногу на пол и, потянувшись вперед, взяла клубничину с блюда. – Я бы могла сейчас сказать, что мне очень жаль и все такое, однако это прозвучало бы слишком покровительственно. Но жаль, что Кэролайн мне об этом не говорила.

– Почему?

– Потому что теперь мне все про нее понятно, – ответила Джульетта. – Раньше я думала, что она просто сучка, которой нравится корчить из себя мисс совершенство. А она просто пыталась быть хорошей девочкой, которая все в своей жизни держит под контролем. Такие дети нередко вырастают в семьях абьюзеров. Им кажется, что если только они все станут делать правильно, то в их жизни будет мир и порядок.

– Это еще что, популярная психология? – Я пробовала пошутить, но слова Джульетты запали мне в душу. Когда в пятнадцать лет меня поместили в психбольницу, доктора все время пытались меня разговорить и так, и этак. Я никогда не чувствовала себя хуже, чем тогда.

Джульетта пожала плечами.

– После школы я хотела изучать психологию, но пришлось пойти на администрирование отелей. Впрочем, психология так и осталась моим хобби.

– Ты когда-нибудь проходила терапию?

– Нет. Если б я на это пошла, кое-кто из моих родственничков подкупил бы терапевта и использовал бы против меня каждое мое слово. А ты?

Я помотала головой.

– Мне предлагали, но я отказалась. Так вот откуда у тебя комплекс превосходства...

– Я долгое время анализировала свою семью, – отозвалась Джульетта. – Трэкстоны дисфункциональны. Конечно, главным агентом разложения является отец, и все же наихудшим образчиком Трэкстона я считаю брата.

– Почему?

– Потому что он хочет получать все преимущества, не играя при этом по правилам. Он делает что захочет, и все же стоит Тео лишь намекнуть, что он готов войти в дело, как отец все передаст ему.

– Разве это не характеризует скорее твоего отца, чем Тео? – спросила я.

И тут сзади что-то шлепнулось мне на шею. Я завопила и вскочила с места.

– Успокойся, – сказала Джульетта. – Это всего лишь Бартлби.

Я обернулась и увидела небольшую зверушку в шубке карамельного цвета, с круглыми ушками на макушке. Янтарные глаза зверька смотрели на меня с любопытством.

– Это кинкажу. Они ужасно привязчивые, – сказала Джульетта и вложила клубничину мне в руку. – Покорми его, и он будет твой навеки.

– Где ты их берешь, этих зверей?

– Хозяин собирался скормить его крокодилу, – ответила Джульетта. – Этот гад еще предлагал мне посмотреть, но я сказала: «Нет, спасибо». – Наверное, вид у меня был озадаченный, потому что она добавила: – Знаешь, как песец Бартлби.

– Никогда о таком не слышала.

– Это герой одного рассказа Германа Мелвилла. Хорошая вещь, прочти.

Я держала клубничину над головой кинкажу. Он ухватился за нее крохотными лапками с когтистыми пальчиками и аккуратно надкусил. Его глаза заглянули в мои. Я погладила его по головке – шерстка была гладкая, точно бархатная.

– Ты ему понравилась, – сказала Джульетта. – От людей часто одно разочарование, то ли дело звери...

– Он такой хорошенький! Кому могло прийти в голову скормить его крокодилу?

– Мы часто ведем дела с разными мутными типами. Но ты ведь уже это знаешь, не так ли?

– Бен Норткатт так говорил. – Я гладила кинкажу, притворяясь, что этот разговор мне не особенно интересен. – Но он ведь лжец. Он сказал, что моя сестра – преступница. Хотя она была совсем не такая.

Я решила прибегнуть к психологии наоборот, и мой маневр сработал. Если б я задала Джульетте прямой вопрос, та наверняка увильнула бы от ответа. Но стоило мне похвалить сестру, и она тут же взъелась.

– Ну, конечно, разве можно представить, чтобы добродетельная Кэролайн замарала ручки, – съязвила она. – Вряд ли она тебе об этом рассказала, но Кэролайн была полностью посвящена во все махинации Трэкстонов. Твоя сестра любила деньги.

– Она помогала людям, – возразила я. – И много тратила на благотворительность.

– Устраивать званые обеды и праздники еще не значит заниматься благотворительностью. Это значит красоваться в качестве хозяйки праздника в разных людных местах, где тобой и твоими нарядами будут восхищаться.

– Бен Норткатт и есть та тараканья проблема, о которой ты говорила вчера с отцом? – Вчера у Трэкстонов я весь остаток дня ломала голову над тем, о чем же у них шла речь на самом деле. Точно не о насекомых, раз Каро посоветовала им заплатить деньги. И вдруг все встало на свои места.

Джульетта кивнула:

– Он уже не первый месяц вокруг нас ошивается. Грозится написать большую разоблачительную статью, но, стоит ему получить деньги, тут же исчезает. Прямо как белка с желудем.

– Сегодня, когда я его видела, он был сердит. Белка не получила свой желудь?

– Не получила – и не получит.

– Я солгала, когда сказала, что ничего ему не рассказывала, – призналась я. – Каро написала мне перед смертью письмо, которое я получила в день ее похорон. Там было написано, что Тео убил свою первую жену. Я спросила об этом твоего отца, и он практически подтвердил это. А ты в курсе?

– Я видела Тео в ту ночь, когда это случилось, – ответила Джульетта. – Отец сообщил мне, что заказал самолет, и велел отвезти Тео в клинику для наркоманов. С тех пор я ненавижу своего брата всеми фибрами души.

– Потому что он убийца?

– Потому что отцу плевать. Он сказал мне, что я не должна винить Тео ни в чем, что это была случайность. Я даже заболела тогда. Что бы ни натворил мой братец, отец всегда находил оправдания его выходкам. Не знаю почему. Со мной все всегда было наоборот – что бы я ни делала, как бы ни старалась, отцу всегда было мало и плохо. – И она уставилась на статую Анубиса, как будто ждала, что каменный бог разгадает эту загадку.

– Я в нашей семье черная овца, – сказала я. – Уверена, для тебя это новость.

– То-то я удивлена. – Джульетта улыбнулась – улыбнулась по-настоящему, а не ухмыльнулась, как обычно. – Тео оставил мне

сообщение на голосовой почте, и оно так и крутится у меня в голове со вчерашнего дня. Отец вечно твердит мне, что я не должна нападать на Тео. Но если кто и изгадил ему жизнь, так это родители.

Глава 40

Тео

Когда я прилетел, мне прямо из аэропорта хотелось бежать к Тедди, но я сдержался и, выйдя из такси, пошел не к себе, а в дом моего отца напротив. Дворецкий открыл мне дверь, поприветствовав меня замороженной улыбкой, и повел к отцу. В доме было холодно, как всегда, но воздух, казалось, потрескивал от напряжения, точно перед грозой.

Недвижное, будто каменное, лицо отца напоминало морду рептилии.

– Возвращение блудного сына, – приветствовал он меня. – Ну как съездил?

– Я здесь, чтобы сказать тебе одно: гори ты в аду.

– Неужели так плохо? – продолжал отец тем же несерьезным тоном. – А мне всегда нравился весенний Берлин... Мы жили там несколько лет, пока я отлаживал европейскую сторону бизнеса. Ты, наверное, не помнишь...

У меня даже голова закружилась, пока я слушал его болтовню. Я пришел бросить ему вызов, а он ведет себя так, словно между нами все по-прежнему.

– Ты убил Мирей, – сказал я. – Ты превратил мою жизнь в пытку – заставил меня поверить в то, что я убийца! Я заберу сына, и мы уедем куда-нибудь далеко-далеко, где нет тебя.

– Что ж, попробуй, – ответил он. – Нет никаких свидетельств того, что ты способен обеспечить ребенку нормальный дом. Больше того, нет никаких свидетельств того, что ты и сам нормален. Так что подумай прежде, как это все будет выглядеть в суде, а уж потом принимай решения.

– Ты убил Мирей, – повторил я. – Тебя что, совсем совесть не мучает?

– Нет, Тео, я никого не убивал. И могу доказать, что меня даже в Берлине в ту ночь не было. – Он не мигая смотрел мне прямо в глаза. – Полагаю, ты встретился с Клаусом во время твоей небольшой прогулки.

– И он признался, что нанял Мирей по твоей просьбе.

– Как это на него похоже – свалить всю вину на меня... Не знаю, что он там сотворил с этой женщиной, но на моих руках ее крови нет.

Вот ведь стальные нервы у мужика! Я был невольно впечатлен его выдержкой. Надо же, его преступление раскрыто, а он все еще надеется сорваться с крючка...

– А еще я поговорил с тем типом, которого нанял Харрис, чтобы помочь ему убить Мирей и поставить всю маленькую сценку, – добавил я. – И как только услышал про Харриса и его участие в этом деле, то сразу понял – без тебя тут не обошлось. Так что не позорь себя отрицанием очевидного.

Он вздохнул и откинулся на спинку кресла.

– Ты хотя бы понимаешь, до чего это трудно – раз за разом переживать разочарования, которые доставляют тебе дети? Нет, не понимаешь – Тедди еще слишком мал для того, чтобы ты это понял. Вот когда он станет подростком, тогда ты, может быть, и поймешь. Только попробуй представить: ты породил на свет этого милого мальчика, и ты же вынужден наблюдать, как он разрушает свою жизнь наркотиками, связывается с дурными людьми, которые поощряют его худшие наклонности...

Это был умный ход – приплести к делу Тедди: ведь я скорее готов умереть, чем позволить сыну пройти через тот же ад, что и я. Я даже представить себе не мог, чтобы Тедди, мой Тедди, резал себя бритвой. Но, с другой стороны, я не представлял себе и того, кем надо быть, чтобы загнать собственного ребенка в смиренную рубашку вины и наблюдать, как он мучается в ней. Это бесчеловечно, и никакими мотивами оправдать это нельзя.

– Ты думал, что сможешь контролировать меня всю жизнь, если заставишь поверить, что я убил женщину. Кто, скажи на милость, поступает так с собственным сыном?

– Я лишь преподавал тебе урок причин и следствий. Ты должен был понять, насколько опасно то, чем ты занимался.

– Вся моя взрослая жизнь была построена на лжи, которую сфальсифицировал ты. Зачем?

– Я должен был помочь тебе исправиться, – сказал отец. – И в какой-то степени мне это удалось. Ты больше не ходишь в клубы фетишистов, не принимаешь наркотики. А когда ты вошел в семейный бизнес и женился на Кэролайн, я решил, что ты не безнадежен. Увы, я ошибался. Нервишки у тебя не выдержали, и ты снова удрал.

– То, что ты называешь нервишками, я называю ценностями. Этическими нормами. Я знаю, что у тебя их нет. Но я уже говорил тебе и повторю это снова: мне не нужен твой криминальный бизнес, совсем. Вот поэтому я и ушел. Не мог справиться с отвращением к тебе.

– Жаль, что Кэролайн так не считала... Мне кажется, у меня с ней было куда больше общего, чем когда-либо с тобой.

Я сжал кулаки. Мне всегда казалось не совсем приличным то внимание, которое отец оказывал Кэролайн с самого начала – как будто это он ухаживал за ней, а не я.

– Да, тебе доставляло удовольствие испытывать ее лояльность на прочность, заманивать ее в нашу банду. Может, это ты ее и убил? Чтобы защитить меня от чего-нибудь другого?

Впервые с тех пор, как я переступил порог кабинета, самообладание изменило отцу.

– По-твоему, это я убил Кэролайн?

– Джульетта рассказала ей о Мирей, а Кэролайн сказала своей сестре. Тебе не приходило в голову, что могут пойти слухи?

– Ты можешь отправляться в тюрьму хоть до конца дней, мне плевать. Теперь у меня есть Тедди.

– Ты убил Кэролайн?

– Нет. Я ее любил, – тихо сказал он. – И если ты думаешь, что я мог причинить ей вред, значит, ты спятил.

– Я спятил бы, если б хоть на минуту поверил, что есть на свете человек, которому ты не можешь причинить вред.

Отец обдумал мои слова.

– Кэролайн была лучше моих детей. Она была из тех, кто сначала думает, а потом делает, просчитывая последствия не только для себя, но и для окружающих. Ты и твоя сестра всегда были неблагодарной парочкой, особенно ты. Джульетта любит поставить меня в неловкое

положение, перечит мне из-за каждого пустяка. А ты вообще развелся с нами. Все, ради чего я растил тебя, чем я хотел тебя видеть, ты отринул. А Кэролайн была другой. Лояльной.

– Вот что, по-моему, случилось. Кэролайн впала в отчаяние, узнав о Мирей. В поисках ответов она заговорила с тобой, а ты сказал ей, что во всем виноват я. И вот тут ты просчитался, отец. Думаю, что именно в этот момент ее отношение к тебе изменилось радикально.

– О чем ты?

– Драгоценный свекор покрыл убийство ни в чем не повинной женщины, – сказал я. – Этого Кэролайн не могла перенести. Не могла с этим жить. Думаю, она смотрела на Тедди и задавала себе вопрос, как ты его искалечишь. Теперь я понимаю, почему Каро так стремилась остаться его единоличным опекуном. Она хотела увезти его из этого царства чудовищ.

Отец смотрел на меня бесстрастно, но мускул у его левого глаза дергался.

– Это ты ее убил, – сказал я. – Ты намеренно убил Кэролайн.

– Тео, ты и впрямь идиот, если мог так подумать.

– Ты стольким людям причинил вред за свою жизнь... Ты – яд, который течет в наших венах, в моих, Джульетты, Тедди. У тебя нет ни совести, ни принципов. Для тебя есть лишь один бог – деньги. У любого твоего поступка одна цель – обогатиться как можно больше и навредить всякому, кто встанет у тебя на дороге. Ты убил Кэролайн, потому что она задумала сделать твои мошеннические схемы известными всем.

– Ты что, не слышал, что я сказал? Это навредило бы Тедди, в конечном итоге.

– Что ты сделал с Кэролайн?

– Ничего. Можешь мне верить.

– Я никому не верю в своей жизни, – сказал я. – Таким уж ты меня воспитал – в вечном сомнении касательно мотивов других людей. Я был еще ребенком, когда ты внушил мне: единственная причина, по которой люди могут захотеть быть рядом со мной, – это мои деньги.

– И это не самая плохая причина, имей в виду. Но Кэролайн волновало другое. Она верила в лояльность семье.

– Есть также проблема слепой верности, когда монстра принимают за человека.

Вдруг у меня за спиной раздались тяжелые шаги. Я не слышал, как Харрис открыл дверь кабинета, но его поступь я узнал бы из тысячи.

– Я услышал крики. Все в порядке, сэр? – спросил он.

– Тео пробует свои силы, хочет меня свалить, – сказал отец. – Но – маленький спойлер – у него не получится.

– Тебе пора на выход, – обратился Харрис ко мне.

– Этим разговором все не кончится, – пообещал я. – Я ушел из бизнеса по многим причинам, но главной всегда была одна: я хочу, чтобы правосудие свершилось, и я этого добьюсь. За Кэролайн. За Тедди. И за Мирей.

Мой отец фыркнул.

– Ну удачи тебе, Тео. – Он встал и вышел из комнаты.

После ухода отца Харрис продолжал таращиться на меня.

– Я же сказал тебе, уходи.

– В Берлине я встретил твоего коллегу из прежних времен, – сказал я. – Мехмет Бадем. Помнишь такого?

– Наркоман, – бросил в ответ Харрис. – Таким, как он, самое место в могиле. Все равно толку от них нет.

Я шагнул к нему.

– Ты уже двадцать лет делаешь грязную работу для моего отца. Интересно, как тебе спится? Кошмары не мучают?

– Кто бы говорил... Если б ты знал, через какой ад прошел из-за тебя твой отец! Он все для тебя сделал, а ты отплатил ему предательством.

Его ненависть ко мне была так сильна, что я буквально вдыхал ее, стоя рядом с ним; она сочилась из пор его кожи, словно пот.

– Тебе хотелось избить меня в кровь, еще когда я был подростком, – заметил я. – Почему же ты сдерживался?

– Твоему отцу не понравилось бы, если б я ударил тебя первым.

– И только это тебя сдерживало? – спросил я. – Отлично.

И я ударил его кулаком в живот. Кулак натолкнулся на сопротивление мускулов, как я и ожидал. Харрис хрюкнул.

– Ну вот, – сказал я. – Теперь ты сможешь сказать моему отцу, что это я ударил тебя первым.

У него даже глаза вспыхнули. Обеими руками он вцепился мне в горло – руки у него слегка дрожали, как у человека, который внезапно

осуществил свою давнюю мечту, – и прижал меня спиной к книжному шкафу. При этом слегка поднял меня над полом, так что я касался его только носками туфель. Я думал, что он сразу пустит мне кровь, но Харрис, видимо, нацелился на не столь заметные, зато более долговременные последствия.

Я схватил с полки каменную статуэтку и обрушил ее на голову Харриса сбоку. Тот пошатнулся.

– Извини, я слегка не в форме, – сдавленным голосом сказал я. – Раньше у меня получалось лучше.

И я ударил его снова. На этот раз во рту у него что-то противно треснуло.

– Это тебе за Мирей, – сказал я. – Поверь мне, ты заслуживаешь куда большего.

Когда я выходил из кабинета, Харрис был занят тем, что сплевывал кровь и осколки зубов на персидский ковер.

Глава 41

Дейдре

Передо мной было два пути: пойти домой, отдохнуть и спланировать новое нападение – или пойти к Бену и потребовать у него ответы прямо сейчас. Конечно, умнее было бы выбрать первый вариант, но когда это я была умной?

Раньше я уже пыталась проникнуть в его квартиру в Тюдор-Сити, но потерпела неудачу. Зато благодаря той попытке я знала, что других входов в здании нет. Прежде чем спуститься в метро, я зашла в рабочую сеть марафонцев «Снаппа» и спросила, делал ли кто-нибудь доставку в Тюдор-Сити. Я еще не доехала до Сорок второй улицы, как уже получила исчерпывающий ответ. Выйдя из метро, зашла в «Уолгринз»^[17] и двинулась в сторону жилого комплекса. Нырнула под леса, которыми был загорожен дом Бена, вошла в подъезд и улыбнулась привратнику в маске.

– Привет, я Дейдре из компании «Снапп». У меня доставка для семьи Палански из квартиры 11С. Ключ у меня есть.

Он кивнул, и я поспешила к лифту. Тот довез меня до одиннадцатого этажа, где жила эта семья; там я вышла, по лестнице взбежала на тринадцатый этаж и постучала в квартиру Бена.

Я слышала, как он бренчит чем-то за дверью. Наконец приоткрылся глазок. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга – я, конечно, его не видела, но знала, что он на меня смотрит. Наконец замок щелкнул, и дверь приоткрылась.

– Как ты сюда попала?

– Хочешь, чтобы послушали соседи?

Бен впустил меня в квартиру. Квартира имела такой вид, как будто в ней проводился кастинг рекламы Ральфа Лорена. Гостиная была светлой и полной воздуха, белые стены украшали изысканные лепные карнизы. Из стрельчатых окон открывался вид на Публичную библиотеку Нью-Йорка во всем ее великолепии. Каждый предмет мебели производил впечатление антиквариата; одну стену целиком занимали книжные полки. Я невольно приготовилась к тому, что на сцену вот-вот выбежит собака лабрадор.

– Ха, так это и есть квартирка твоих родителей? Миленькое местечко.

– Кто тебе рассказал?

Я задумалась; это была Джуд, но мне не хотелось говорить ему об этом.

– Да какая разница? Главное, что тебе повезло.

– Наверное, обитателю подвала любое жилье кажется роскошным.

– Зря ты на меня злишься, у тебя нет на это права. Это же ты используешь информацию, которую дала тебе моя сестра, для собственного обогащения. Похоже, что журналистика перестала быть честной профессией. Каро больше нет, так зачем ты продолжаешь вымогать деньги у Трэкстонов?

– Ты везде лезешь и все путаешь, – сказал Бен. – При этом ты сама не представляешь, что делаешь, но твоя заносчивость не позволяет тебе признать это. Кэролайн хотела, чтобы я это сделал, и я делаю. И ты меня не остановишь.

– Чем это может помочь Каро теперь?

– Родственники ее мужа заслужили страдание. И поверь мне, они будут страдать. – Он окинул меня презрительным взглядом. – А ты

пока бегай туда и сюда, играй в детектива. Все равно ничего ты не узнала.

– Я знаю, что это не первая твоя попытка вымогательства. Пару месяцев назад ты уже вытрясал с Трэкстонов деньги, и моя сестра посоветовала им заплатить тебе, – сказал я. – Вы с ней были заодно.

– Кэролайн молила меня о помощи. – Бен буквально ощерился на меня. – Никто больше не мог этого сделать. Она хотела сбежать от Трэкстонов. Не только от Тео. От всех них. Она говорила, что они сломают Тедди, если оставить его с ними.

– Так ты выудил у них четверть миллиона долларов на черный день?

– В наше время нельзя просто так исчезнуть, – сказал Бен. – Для этого нужна наличность, и много.

– То есть что ты хочешь сказать? Ты, как добрый самаритянин, помогал Каро устроить побег?

– Мы должны были бежать вместе.

Мне вдруг показалось, что все вокруг меня застыло. «Он врет», – сказала я себе, и тут же смысл сказанного буквально обрушился на меня. Сама Каро пользовалась деньгами Трэкстонов, чтобы приносить добро людям, но со временем поняла, что рано или поздно ее сыну придется заплатить за это. И все же она ничего мне не сказала. Да, прислала мне фотографии, но... неужели она собиралась бросить меня, не сказав ни слова?

– Каро не бросила бы просто так меня и нашего отца тоже.

– Для нее не было никого важнее Тедди, – сказал Бен. – Главной ее целью было защитить его. Но ей становилось все страшнее с каждым днем. А когда Тео явился без предупреждения, она слетела с катушек. И захотела сбежать немедленно, с Тедди.

И только тут я поняла истинный смысл его слов.

– Но без тебя.

– Что?

– Она не планировала брать с собой тебя, Бен. – Мне вспомнились паспорта, которые показывала мне Адина Герштейн. Один для Каро, второй для Тедди. А где же третий, для Бена? – Моя сестра собиралась сбежать со своим сыном, но ты с самого начала не был частью ее плана, Бен.

– Кэролайн нуждалась во мне. Она не могла повернуть все сама.

Я подошла к нему ближе.

– Она нуждалась в твоей помощи, но не в тебе, Бен. Это ты считал, что вы будете вместе, а для нее ты был всего лишь средством достижения цели.

Говорить так о своей сестре было больно – получалось, что она была готова нанести вред, если считала, что у нее есть на это причина, – но признать правду было необходимо. Трэкстоны купались в грязных деньгах, а Каро была готова пользоваться ими – по крайней мере, до тех пор, пока могла направлять какую-то их часть на достойные цели.

– Ты ничего не знаешь. Кэролайн совершила ужасную ошибку, бросив меня. Это был второй шанс для нас.

– Я понимаю, почему тебе так хочется в это верить, но ты заблуждаешься, – сказала я. – Каро не думала ни о ком, кроме Тедди. Для нее это не был план романтического побега, Бен. И ты это знаешь.

Я ждала, что Бен сейчас закричит на меня, но он как-то притих.

– Она дала задний ход только потому, что испугалась.

– Дала задний ход?

– Я же говорю – она дико напугалась в то утро, когда Тео вернулся без предупреждения. И заявила мне, что уедет с Тедди немедленно, как только заберет паспорта.

– Именно это она и сказала тебе в утро своей смерти?

Бен вытер вспотевшее лицо и кивнул.

– Каро очень расстроилась из-за Тео. Она знала, что он шпионит за ней. И очень его боялась.

И тут я почувствовала себя так, словно на меня упала тонна кирпичей. Прежде Бен говорил мне, что не виделся с Каро в то утро, и я ему верила. Эта вера основывалась на том, что моя сестра должна была передать ему карту памяти, а она этого не сделала. До сих пор мне даже в голову не приходило, что они все же могли встретиться.

– А я все ломала себе голову, почему Каро пошла к тебе в то утро, но карту так и не отдала, – стала я размышлять вслух. – Сначала я думала, что кто-то проследил за ней и помешал ей это сделать. Я обвиняла Тео, потом его отца. Но это были не они. Это ты.

– Ты хоть себя слышишь? – сказал Бен. – Говоришь, как сумасшедшая.

– Вы с Каро договорились, что ты придешь к ней. Но тут появился Тео, и ей пришлось бежать к тебе самой. Ты говорил, что у тебя она так и не появилась. Но она и не собиралась подниматься к тебе в квартиру, вы должны были встретиться внизу, в парке, где нет камер.

Об этом говорила последняя сцена того видео, которое показывали мне в полиции – моя сестра выходила там из парка, держась одной рукой за голову, а другой за грудь. Было ясно, что с ней что-то не так. Только все оказалось куда хуже, чем я думала.

– Что произошло, когда вы встретились, Бен?

– Она заявила, что уезжает немедленно. – Его голос прозвучал тихо и невыразительно, как будто мой вопрос ошарашил его. – Я сказал, что не готов, а она ответила... она сказала, что едут только она и ребенок.

– И что было потом?

– Да ты хоть понимаешь, о чем я говорю, Дейрдре? – Его голос налился болью. – Кэрлайн обманула меня. Она заставила меня поверить, что мы снова будем вместе, если я помогу ей добиться своей цели. Я сделал все, что она просила. А она выкинула меня на помойку. Опять.

Я ужаснулась не только его словам, но и той жалости к самому себе, которая звучала за ними.

– И что ты сделал?

– Я схватил ее, вот что. Я был зол и хотел заставить ее опомниться. А потом я отпустил ее, и она упала. На спину. И ударилась головой. С минуту лежала неподвижно, но потом встала. С ней все было в порядке, Дейрдре!

– Нет, не в порядке. – Сердце забилося у меня в горле, как будто хотело вырваться наружу. – Копы показали мне видео целиком. Они решили, что она упала на лестнице потому, что у нее стало плохо с сердцем. Но она уже ударилась головой, раньше. Из-за этого плохо понимала, куда идет. Из-за этого и упала. И умерла тоже из-за этого.

– Говорю тебе, она встала! С ней все было в порядке! – закричал Бен.

Отчаяние, которое я почувствовала в тот миг, было болезненным и острым, как удар ножом. Каро умерла, ее уже не вернуть. Я была в шоке, когда слышала о том, что у нее была проблема с сердцем, которую она от всех скрывала. Но не она стала главной причиной ее

смерти. Еще в первый раз, когда я пришла в полицейский участок, Вильяверде говорил мне, что мою сестру убило сочетание сердечной проблемы с контузией вследствие удара головой.

– Ты убил ее, – прошептала я. – Ты убил мою сестру.

Раньше, представляя себе тот миг, когда я встану лицом к лицу с убийцей, я думала, что меня захлестнет ярость. Но я, напротив, чувствовала себя сломленной и опустошенной. Избить Бена было недостаточно. Его надо было арестовать. Он должен был признать свою вину перед всеми.

Вдруг что-то затрещало, и по моему телу как будто пробежал огонь. В следующую секунду я уже лежала на полу и хватала ртом воздух, пытаюсь вдохнуть.

– Не подходи к зверю, если у тебя нет электрошокера в руках, – расслышала я голос Бена сквозь звон в ушах.

Он схватил меня за плечи, подтащил к окну и взвалил на подоконник. Окно было открыто. Взгляд у меня еще блуждал, и я смогла сосредоточиться только на здании Публичной библиотеки Нью-Йорка вдали.

– Тюдор-Сити славится самоубийцами. Здесь то и дело кто-то выбрасывается из окна, – сказал Бен. – Ты станешь следующей.

И он стал выпихивать меня в окно головой вниз. Хотя меня трясло, я все же сумела расставить ноги так, чтобы зацепиться ими за раму и не выпасть сразу, хотя мой корпус уже болтался в воздухе.

– Тебе и тут надо устраивать проблемы, – буркнул Бен.

Он снова ткнул меня электрошокером, и я перестала чувствовать свое тело. Долю секунды я еще летела в пустоте, а потом меня не стало.

Глава 42

Тео

Сразу после стычки с отцом и его подручным я помчался к Тедди. Он сидел за кухонным столом и рисовал – и даже почти не поднял головы, когда я вошел. Глория молча помахала мне в знак приветствия.

– Извини, что мне пришлось уехать, – сказал я сыну. – Я больше так не буду.

Он посмотрел на меня хмуро:

– А дедушка говорит, что будешь.

Кровь застыла у меня в жилах. Мой худший кошмар воплощался в реальность у меня прямо на глазах: мой отец отравлял ядом своей лжи жизнь моего сына.

– Нет, – сказал я, присаживаясь рядом с ним на корточки. – Я люблю тебя. И всегда буду рядом с тобой, Тедди.

– Угу, – буркнул он и вернулся к раскрашиванию.

– Он сегодня не в духе, – тихо сказала Глория. – Все время спрашивает, когда за ним придет мама.

– Спасибо, что ты заботилась о Тедди, пока меня не было, – сказал я. – Вообще-то ты давно уже не была в отпуске, насколько я помню.

Но Глория только отмахнулась.

– Да ничего страшного. Сейчас трудное время для семьи. К тому же я люблю Тедди, и ты это знаешь.

– Я очень благодарен тебе. Кстати, чтобы ты знала: мы с Тедди уедем из этого дома, как только я найду подходящее место.

– Но в городе-то вы останетесь или нет?

– Я не хочу совсем лишать Тедди корней, отрывать его от всех, кого он знает. Только от моего отца. Вот почему я очень надеюсь, что ты не откажешься поехать с нами. Иначе я прямо не знаю, что мы с Тедди будем без тебя делать.

– И перестать жить через улицу от человека, который называет меня домработницей? – Она просияла. – Легко. Если вы остаетесь в Нью-Йорке, то мы что-нибудь придумаем.

– Спасибо, Глория.

И я пошел наверх, к себе в комнату. Никаких планов у меня не было, но одно я знал наверняка: надолго я в этом доме не останусь.

Вдруг я услышал какой-то шум в комнате Кэролайн.

Я открыл дверь и увидел Урсулу: она сидела за туалетным столиком Кэролайн, перед ней стояла открытая шкатулка с драгоценностями. Урсула увлеченно перебирала блестящие штучки, словно сорока.

– От этого зависит все, – повторяла она.

– Урсула?

– Ты вернулся, мой мальчик... – Увидев меня, Урсула просияла так, словно позади ее лица зажглась лампочка. – Ну как съездил?

– Ужасно и познавательно в равной мере. Что это ты тут делаешь?

– Раскладываю по местам вещи.

– Зачем?

– Я тут все перепутала, – был таинственный ответ, – а теперь возвращаю, как было.

– Я видел твоего брата, когда был в Берлине, – сказал я.

– Клаус для меня несколько лет как умер.

– Он теперь не такой, каким я его запомнил. Изменился. Просил меня передать тебе, что просит у тебя прощения за то, что плохо поступил с тобой. Сказал, что это единственное, о чем он жалеет.

Урсула тихо засмеялась:

– Ах, Тео, ты такой милый мальчик, но такой наивный, если поверил, что леопард может изменить свои пятна... – Она переложила пару колечек в отдельную коробочку. – Я, можно сказать, выросла в Штази. Мой отец был офицером высокого ранга. Клаус пошел по его пятам. А моя мать допилась до смерти, и я тоже следую ее примеру. Жизненный путь каждого намечается еще в юности. Я часто думаю над тем, как сложилась бы твоя судьба, если б твоя мать забрала тебя и сестру с собой и начала новую жизнь. Все было бы совсем по-другому.

– Моя мать вырвалась, – сказал я. – А меня и Джульетту оставила в заложниках.

– Вырваться не удастся никому, Тео. По крайней мере, живым.

Урсула любила такие драматические заявления, и мне показалось неуместным напоминать ей о том, что моя мать улетела в Гуам, где оформила развод. Отец не стал спорить, так как она оставила ему все права на воспитание меня и моей сестры. Мать спаслась сама, но не спасла детей.

Урсула уставилась на себя в зеркало.

– Я полон скрытых страхов.

Я содрогнулся, услышав эти слова из ее уст.

– Я слышал это раньше.

– Это строчка из «Медеи».

– Но почему ты...

– Твоя мать играла в этой пьесе. И часто повторяла эти слова. – Урсула взяла стоявший перед ней стакан и обнаружила, что он пуст.

– Я не понимаю.

– Он любил ее – можешь мне верить. Настолько, насколько вообще способен любить, что, по большому счету, сомнительно. Но он всегда хотел ее контролировать, а потому лгал и пудрил ей мозги. Я стыжусь своей роли во всем этом. Меня взяли в дом, чтобы я помогала ей с *kinder*, а я вместо этого спала с их отцом. Неудивительно, что Джульетта меня возненавидела. – Медленно, цепляясь руками за столик, Урсула встала на ноги – было видно, что она следит за каждым своим движением, как это обычно делают пьяные. – Но я получила по заслугам – позже он проделывал со мной все то же самое, что и с ней. Я теряла себя, чем дальше, тем больше, пока совсем не забыла, кто я такая. – И, покачиваясь, двинулась ко мне. – Теперь ты понимаешь, почему я хотела помочь Кэролайн сбежать. Ей нужна была другая жизнь. Ей и Тедди.

Но я понял только одно – Урсула опять напилась, и что она хочет сказать, разобрать я не могу.

– О чем ты?

– Я пыталась сбежать от твоего отца, но не сумела. Я заслужила эту жизнь. Твой отец – мое наказание. Но Кэролайн не делала того, что делала я. Она не заслужила. Она хотела, чтобы я помогла... но я не могу сделать то, о чем она просила.

– А о чем она просила?

– Она хотела, чтобы я разоблачила семейные тайны Трэкстонов, если она погибнет, – ответила Урсула. – Она хотела, чтобы правда вышла наружу. Но я не могу. Правда лежит слишком глубоко, и я сама ее хоронила. Тедди... – Она всхлипнула, но справилась с собой и продолжила: – Бедный Тедди не заслужил такого.

– Дай-ка я провожу тебя домой.

Но она отмахнулась.

– Я слишком давно делаю это, милый. Я не хочу домой. Не хочу видеть твоего отца – ни сейчас, ни никогда.

Затем обошла меня и пошла сначала по коридору, держась рукой за стену, а потом по лестнице, тяжело опираясь на перила. Я покачал головой и ушел к себе в комнату, где сел на кровать и стал снимать обувь. Было только два часа пополудни – восемь часов по берлинскому времени, – но я не спал в самолете и потому отключился.

Через час я проснулся с тяжелой головой и ощущением ваты во рту. Наручные часы показывали девять вечера, в окно светило солнце. Я не сразу понял, что забыл перевести стрелки, вернувшись из Берлина.

Обулся, поплескал прохладной водой на лицо. В доме было тихо, только у Глории работал телевизор. Я постучал к ней.

– Извини, что беспокою... А где Тедди?

– Урсула взяла его к ним, поиграть в поезда, – ответила Глория.

Конечно, второй раунд с отцом так скоро после первого не входил в мои планы, но и позволить Тедди оставаться в его компании и дальше я не мог. Выскочил из дома, перебежал дорогу, взлетел по ступенькам особняка напротив и позвонил в дверь.

Мне открыл дворецкий. Вид у него был осуждающий.

– Я пришел забрать сына.

– Его здесь нет.

– Он пришел с Урсулой.

Дворецкий покачал головой:

– Ее нет дома.

Я уже готов был отпихнуть его и ворваться в дом, когда обратил внимание на то, что он удивился не меньше меня.

– Она сказала, что идет к вам, – добавил он.

– Она была у меня, потом ушла, – сказал я, чувствуя, как внутри меня поднимается паника. – То есть они оба ушли...

Глава 43

Дейрдре

Я лежала на чужой кровати и смотрела в незнакомый потолок. Все, что я видела, дрожало и расплывалось, как будто я со дна реки рассматривала рябь на ее поверхности. Но вот мой мозг словно очнулся, воды расступились, и зрение прояснилось.

Рядом со мной стоял человек в белом халате, на вид не старше меня. У него была короткая щетина на шее, изображавшая бородку, и заметный дефект прикуса.

– Оно ожило, – сказал он, как будто я была чудовищем Франкенштейна, которое вдруг зашевелилось под брезентом.

Я пообещала себе, что, как только смогу стоять, первое, что я сделаю, – напинаю этому мудаку как следует.

– Где я? – услышала я свой каркающий голос.

– В больнице, – ответил мудака. – Я – доктор Вайсс. Вы помните, как попали сюда?

– Меня выбросили из окна. Ударили электрошокером... дважды. Бен Норткатт хотел меня убить.

– Вы даже не представляете, до чего вы везучая, – сказал он. – Пролетели три этажа и упали на проволочную сетку. Несколько глубоких порезов, два ожога от электрошокера, перелом пятой плюсневой кости левой стопы и множественный перелом запястья. Честно говоря, я бы на вашем месте купил лотерейный билет, как только вышел отсюда.

– Вы, правда, врач?

Он усмехнулся:

– Тут ваши родные, ждут не дождутся. Готовы к встрече?

– Ага, – сказала я, надеясь, что это будет Риган, но опасаясь, что это окажется отец, и заворочалась, пытаюсь принять сидячее положение. Доктор Вайсс обеими руками надавил мне на плечи, заставляя лечь, потом нажал какую-то кнопку, и верхняя половина моего тела приподнялась вместе с кроватью. – А где копы?

– Тоже здесь, ждут.

– Пусть войдут.

Не прошло и минуты, как в палату влетела Риган и кинулась мне на шею.

– Как ты нас напугала! Прямо до смерти! Ты в порядке?... Мать-тигрица тоже хотела прийти, но сюда не пускают больше двух родственников за раз.

Тут в палату вошли Вильяверде и Гори. Замыкающим подтянулся отец. Вид у него был встревоженный и бледный.

– Вы должны посадить Бена Норткатта, срочно, – выпалила я. – Он спятил. Пытался меня убить.

– Расскажите подробно, что случилось, – сказал Вильяверде.

Я постаралась объяснить все как можно доходчивее, не упоминая криминальные делишки Трэкстонов и роль моей сестры в них.

– Бен считал, что они с Каро и Тедди уедут и втроем начнут новую жизнь. Он не знал, что моя сестра не хочет иметь с ним ничего общего, – закончила я свой рассказ. – Он признался, что в то утро у него вышла стычка с Каро. Он схватил ее за плечи и сильно встряхнул, а она упала и ударилась головой. Правда, Бен утверждал, что после этого Каро встала и пошла и что с ней все было в порядке, но я сказала ему, что это он ее убил. И тогда он попытался убить меня.

– Значит, вы были на верном пути, – сказал Вильяверде. – Интересно, как Тео примет известие о том, что жена собиралась его бросить?

– У него сегодня и так худший день в жизни, – вставил Гори.

– Почему?

– Тедди пропал, – пояснил отец.

– Его мачеха исчезла и, похоже, прихватила парнишку с собой, – продолжил Вильяверде. – Что вам об этом известно?

Я была ошарашена.

– Урсула всегда была очень милой... и нетрезвой. Почему вы думаете, что это именно она взяла Тедди?

– Так думает Тео. Она сказала ему, что мальчику нужна другая жизнь.

* * *

В больнице не обрадовались, узнав, что я хочу выписаться до срока, и потому заставили меня подписать кучу разных бумажек, чтобы снять с себя всякую ответственность, если со мной что-то пойдет не так, но потом все же выпустили. Доктор Вайсс напутствовал меня собственными наставлениями.

– Если начнется рвота или закружится голова, обязательно возвращайтесь, – сказал он. – Также могут быть проблемы с концентрацией внимания, с равновесием. Вы можете обнаружить, что стали раздражительной...

– У некоторых это нормальное состояние, – буркнул мой отец.

– Интересно, от кого у меня это? – Я еще не поняла, плохо мне от того, что он рядом, или нет, но если Тедди пропал, то в ближайшие дни нам придется много времени провести рядом, так что надо привыкать.

– Ну встретился горшок с чайником^[18], – вставила Риган.

Все втроем мы загрузились в отцовскую машину. Поездка к дому Тео оказалась нервной, зато короткой – отец всю дорогу не поднимал ногу с педали газа. Когда мы прибыли, я выскочила первой и заколотила в дверь. Было уже семь вечера. Тео открыл сразу.

– Как я рад, что вы приехали, – сказал он, тронув меня за плечо. – Полицейские сказали мне, что на тебя напали.

– Один старый дружок Каро попытался выкинуть меня из окна, – ответила я. – Честно говоря, я больше волнуюсь за Тедди.

– Я тоже волнуюсь, но знаю, что Урсула любит его, – успокоил меня Тео. – Она никогда его не обидит. Так что, думаю, он скоро найдется. Пожалуйста, входите, подождите со мной.

Я не заставила его просить дважды и вошла в дом, Риган и отец за мной. В гостиной вышагивала из угла в угол Глория.

– Я не могу поверить, что это Урсула. – Она кинулась к нам. – Ей же некуда идти, и денег у нее тоже нет... Куда она могла повести Тедди?

– Она хотела как лучше, – сказал Тео. – Я прекрасно понимаю, почему она считает, что мальчика надо изолировать от нашей семьи.

– Садись, Дейдре, – предложила Глория. – Расскажи нам, что с тобой стряслось.

– Нет, сначала Тео, – ответила я. – Ты писал, что хочешь поговорить. О чем?

– В тот день, когда хоронили Кэролайн, ты обвинила меня в том, что я убил другую женщину. Я много лет убегал от этой мысли. Притворялся, что ничего не было. И, в конце концов, решился поехать в Берлин и выяснить все до конца. И обнаружил, что все эти годы мой отец лгал мне.

– Подожди, что-то я запуталась, – перебила я его. – Лгал тебе о чем? Что ты убил ту женщину?

– Вот именно. Вкратце история такова: на втором курсе, учась в университете Берлина, я закрутил стремительный роман с одной женщиной, которую знал под именем Мирей. Я был тогда в жутком раздрае, но мне показалось, что я влюблен. – Он откашлялся. –

Однажды ночью, когда я был... ну, скажем, под газом... мне трудно об этом говорить.

Мы молчали. Потом отец сказал:

– Нет ничего больнее, чем говорить правду. Но только она и лечит. Тео кивнул.

– Я не помню, что тогда случилось, но, когда я очнулся, тело Мирей лежало на полу; ее закололи насмерть, а мой отец сказал мне, что это сделал я. Я верил ему много лет. – Он перевел дыхание. – Но теперь я знаю, что это все ложь. Та женщина была актрисой, ее нанял мой отец. Он же ее и убил – не сам, конечно, – потому что я женился на ней. Вся история, от начала до конца, была подстроена с одной целью – дать моему отцу в руки оружие против меня, чтобы он мог контролировать меня всю жизнь.

– И как ты докопался до правды? – спросила я.

– Я уже давно работаю с доктором, которая помогает разным людям вернуть их скрытые воспоминания, – сказал Тео. – В последнее время я стал проводить в Нью-Йорке больше времени именно из-за этого, но не хотел, чтобы дома об этом знали. В тот день, когда умерла Кэролайн, я заходил домой, чтобы забрать кое-какие вещи... этот доктор, она считает, что предметы способны активировать воспоминания. – Тео посмотрел на нас смущенно. – Звучит, наверное, дико, но мне действительно помогло.

– С терапией вообще так, – снова вмешался отец. – Звучит как полная чушь, пока сам не попробуешь.

– А ты что об этом знаешь? – удивилась я.

– Я и сам хожу к терапевту, каждую неделю, – был ответ.

– Ты?

– Это групповые занятия, – уточнил он. – Но и один на один я тоже пробовал. Сначала сам себе казался дураком, не привык так много говорить о себе. Не так меня воспитывали. Но, чтобы измениться, надо сначала понять, в чем ты не прав.

– Найти ошибку в программе, – поддакнула Риган.

– Что, и ты тоже ходила на терапию? – Я повернулась к подруге.

– Да, время от времени хожу, – сказала она. – Начала несколько лет назад, когда умер папа. Выполняю назначения телетерапевта.

– А у меня дочь учится на психолога, – сказала Глория. – Раньше я говорила ей, что это для психов, но она заставила меня взять пару

сеансов у ее подруги. И действительно, помогает, начинаешь думать иначе...

Я поняла, что нахожусь в меньшинстве.

– Твой отец говорил мне, что ты был в доме ночью, – обратилась я к Тео. – Я стала подозревать тебя еще больше.

– Я и так хотел увезти Тедди от отца подальше, но теперь вижу, что у меня нет другого выхода. Думаю, Урсула тоже это понимает, потому и забрала его сегодня. – Тео взволнованно заходил по комнате. – Но я все же хочу послушать, что случилось с тобой, Дейдре.

– Я поехала к старому другу сестры, – начала я. – Журналисту по имени Бен Норткатт. Он помогал Каро вымогать деньги у твоих родственников.

– Он... она... что? – заморгал Тео, глядя на меня.

– Ты ведь знаешь, что твоя семья отмывает деньги, да? – спросила я в лоб.

– Поэтому я и ушел.

– Каро передавала ему информацию, а Бен превращал ее в деньги. Он думал, что они с сестрой и Тедди уедут и начнут новую жизнь где-нибудь в другом месте, втроем. Я заставила его сознаться, что он толкнул ее в то утро, когда она умерла. Это из-за него Каро упала и ударилась головой.

Зазвенел дверной звонок. Тео пошел открывать и вернулся с Джуд Лазаре.

– Твой отец позвонил мне и сказал, что ты в больнице, Ди, – удивилась она. – Почему тебя выпустили так быстро? – Она нервно оглянулась. – А где Тедди?

– Уехал. С Урсулой, моей приемной матерью, но это не точно, – ответил Тео.

– Я приехала сюда, потому что.... Мне звонил Бен, – сказала Джуд. – Точнее, он мне угрожал.

– Бен и меня пытался убить, – сообщила я, чувствуя, как внутри меня поднимается волна неудержимого гнева. Странно, что гнев утих, когда я выслушала признание Бена, а теперь вдруг снова вернулся. – Хотелось бы знать, где он теперь.

– В том-то все и дело, – подхватила Джуд. – Я знаю, что у них с Каро был план. То есть сначала она пришла с этим ко мне и

предложила мне помочь ей вытащить деньги у ее свекра. Она собиралась бежать, и я хотела поддержать ее, но просто не смогла пойти на это. Поэтому от меня Каро пошла к Бену. Подробностей я не знаю, но, судя по ее проговоркам, он сделал все, чего она от него потребовала. – И Джуд промокнула глаза. – А когда она умерла, Бен начал звонить мне. Он рассказал мне, что Кэролайн хотела спасти своего сына от Тео. И тут же заявил, что Тео должен понести наказание за то, что сделал с Кэролайн.

– Ты не обращалась в полицию?

– Я думала, ему просто надо было сорвать на ком-то зло. А еще я не хотела рассказывать полиции о том, что затеяла Каро, – ответила Джуд. – Но двадцать минут назад он позвонил мне снова. Клялся, что, если я обращусь в полицию, какие-то люди, которых он знает, придут и убьют меня. Я спросила его, что он сделает с Тео, а Бен сказал... – Она прижала руку к губам. – Сказал, что сейчас главное спасти Тедди, и что этим он и займется.

Глава 44

Дейрдре

– Мне нужно позвонить в полицию, – сказал Тео.

– Ты в самом деле думаешь, что это Бен забрал Тедди? – спросила я у Джуд, все еще не желая верить услышанному. – Но что он будет делать с ребенком?

– Кэролайн считала, что ее родственники по мужу могут плохо повлиять на ее ребенка. Она прямо говорила мне, что их влияние испортит Тедди, как оно испортило Тео. – Она посмотрела на моего зятя: – Извини меня, Тео.

– У Кэролайн были причины так считать, – ответил он.

– Сестра отправила мне сообщение. И нашему отцу тоже, но он положил его не в ту папку. – Я смерила отца злобным взглядом. – Было еще третье сообщение. – Я нашла его фото у себя в телефоне и прочла вслух: «Если у меня не получится, это сделаешь ты. На тебя я возлагаю всю мою веру и надежду. От тебя зависит будущее моего сына». Я показывала его Бену, и он отреагировал странно, но

утверждал, что послание адресовано ему. Может быть, он правда делает то, о чем просила его Каро...

– От этого все зависит, – сказал Тео. – Когда я вернулся домой сегодня днем, Урсула сидела в комнате Кэролайн и повторяла эти слова.

Я чуть не выронила телефон. Неужели моя сестра настолько доверяла Урсуле? Пьянице Урсуле? В это невозможно было поверить. Но ведь Каро написала это сообщение в пять утра, сразу после того, которое отправила мне. Судя по всему, она была тогда смертельно напугана и могла действовать под влиянием страха.

– Вообще-то Урсуле нравился Бен, – вмешалась в разговор Глория. – А что, если она...

– Урсула встречалась с ним? – перебил ее Тео.

– В зоопарке, раза два, – ответила Глория. – Она рассказывала, что познакомилась с ним на одном из балов, которые устраивала Кэролайн. – Ее лицо стало несчастным. – И Тедди Бен тоже нравился. Они разговаривали о животных.

– Надо вызывать полицию, – сказала Риган. – Даже если Урсула не заодно с Беном, ему будет несложно уговорить мальчика пойти с ним. Значит, надо понять, где Бен мог его спрятать.

– Моя сестра присылала мне фото, где она снята с Беном, на обороте надпись – дом в Хай-Фоллз, штат Нью-Йорк.

– У тебя есть адрес? – спросил Тео.

– Нет, – призналась я. – Там написано Хай-Фоллз, и всё.

– Я знаю, где этот дом, – вдруг подал голос отец.

– Откуда? – удивилась я.

– Забирал как-то Каро оттуда. – Он не стал объяснять, как там оказалась его дочь. – У Бена богатые родители. У них есть еще летний дом в Поконосе.

– Я сообщу это полиции, – сказал Тео. – Но если Кэролайн упоминала Хай-Фоллз, то нам надо ехать туда.

* * *

Мы поехали туда на двух машинах – я с отцом, а Тео на своей. До выезда из города мы в основном молчали. В последний раз я ездила с

отцом лет десять тому назад и теперь чувствовала себя странно, потому что ощущение было, в общем-то, знакомым. Как будто взрослую меня перенесли в прошлое, только тогда меня и отца разъединял мой постоянный страх из-за драк родителей, а теперь нас объединяла общая тревога за Тедди.

– В чем тогда было дело? – первой не выдержала я. – Ну когда тебе пришлось забрать Каро из дома Бена?

– Она не приехала домой в свой день рождения. Прошло две недели, а Каро не появлялась. На нее это было не похоже, – сказал он.

– А по телефону вы разговаривали?

– Да, она звонила, мы болтали, но недолго, о работе и всяком таком. Ничего серьезного. – Он помолчал. – Она никогда ни на что не жаловалась.

– Так что случилось?

– Я подумал: «Странно это все». Твоя мать считала, что я преувеличиваю. Она встречала этого Бена, и он ей понравился. А мне, честно сказать, не очень.

– Слишком мачо?

– Слишком позер. Только и делал, что болтал о своих подвигах.

– И что случилось, когда ты приехал к ним?

– Каро была в бешенстве. «Этот козел украл мою работу», – сказала она мне.

– Бен украл у нее работу? Но разве он не получил Пулитцеровскую премию?

– Получил, и как раз за ту самую статью, материал для которой собрала Каро. И написала ее тоже она. Но ничего за это не получила. – Отец покачал головой. – Я думал, Каро его задушит, но его не оказалось дома. Она попросила меня подождать, собрала вещички и укатила со мной. Даже записки ему не оставила.

– Надо же... – Я смотрела на дорогу. – А мне она никогда и словом об этой истории не обмолвилась.

– Кроули умеют хранить секреты, но совсем не умеют просить о помощи.

– Но тогда зачем она опять с ним связалась, вот что мне непонятно.

– Он, конечно, подлец, но пальцем тогда ее не тронул. – Отец помолчал. – Ты наверняка хочешь спросить то же самое о матери.

Он был прав, только раньше мы с ним никогда об этом не разговаривали.

– Я не понимаю, как она могла все тебе прощать. Я думала, мама уйдет от тебя когда-нибудь, но она так этого и не сделала.

– Сам не понимаю, почему она меня не бросила, – сказал он. – Я был дерьмом. Я ее не стоил.

– Почему ты ее бил? – Это был вопрос, на который мне всегда хотелось узнать ответ.

– Я и сам давно себя об этом спрашиваю. Моя первая терапия была именно на эту тему – я учился контролировать гнев. Ну ты знаешь – досчитать до тридцати, глубоко вдохнуть – выдохнуть, отвлечься, начать думать о другом... Но это все было как пластырь против гангрены. Дело было не в гневе как таковом, а в том, что я считал себя вправе давать ему выход.

Его слова эхом отозвались в самой глубине моего «я». Надо же, мы никогда еще так с ним не говорили. Может, все дело было в том, что мы оба глядели на дорогу, а не друг на друга.

– Почему ты уверен, что теперь ты изменился? – спросила я.

– Я не уверен, я надеюсь, – был ответ. – Раз в неделю я хожу на групповые занятия. Не пью и по барам не хожу, так что с драками в барах тоже завязал. Последние годы мы с твоей матерью жили хорошо, вот только она болела, и многое меж нами стало по-другому. Иногда я думаю – что если б я встретил еще женщину, как бы все было. Но я боюсь узнать.

Со смерти моей матери прошло почти четыре года, а я даже не знала, что мой отец по-прежнему живет один, как и я. В моем случае причиной одиночества было недоверие к людям, но и к себе тоже. Ну перепихнуться разок еще куда ни шло, с этим я справлялась. Но длительные отношения меня пугали.

– Когда меня кто-то обижает, мне первым делом хочется его убить, – призналась я.

– Это потому, что ты такая же, как я, – он вздохнул. – А я всегда ненавидел отца. Он причинял столько бед людям, которых я любил больше всего на свете... Я рос и мечтал его убить.

– Он избивал твою мать? – Я никогда раньше даже не слышала об этом.

– Да. И меня, и моего брата.

– И что, ты дал ему сдачи?

– Ага, в семнадцать, – сказал отец. – Он начал меня бить, а я – его. Но он был сильнее и чуть дух из меня не вышиб, а потом вышвырнул меня из дому.

Можете считать меня извращенкой, но, услышав об этом, я так хохотала, что слезы потекли. Все-таки мы с отцом так похожи, что даже я не могла отрицать этого сходства, как бы ни хотела.

– Я знал, что тебе понравится рассказ о том, как твоему отцу надрали задницу, – заметил он.

– Прости, я не хотела...

– Но что меня по-настоящему изменило, так это день, когда ты напала на меня с ножом. Спорю, ты сейчас думаешь, что это потому, что у меня была задета печень и начался сепсис. Так вот, ты ошибаешься. Ты заставила меня понять, что я стал таким же, как мой отец. И это была такая правда о себе самом, проглотить которую оказалось особенно трудно.

И он промокнул глаза тыльной стороной ладони.

Мы уже съехали с шоссе, дорога вела нас через живописную сельскую местность, мимо домов девятнадцатого века с их треугольными фронтонами и башенками, точно вылепленными из имбирного теста. Было уже темно, так что различать номера домов и знаки становилось все труднее.

– Надо притормозить, – сказал отец. – Я помню, что дом совсем не видно с дороги. Участок большой, и в дальнем его конце протекает ручей. Сам дом типа бунгало, только с большой двухуровневой пристройкой. С обратной стороны – крыльцо-терраса.

– Отлично, только как нам его найти, если он не виден с дороги? Знаки какие-нибудь помнишь?

– Рядом была вывеска какого-то ресторана, – сказал он. – Большая такая белая доска. А напротив был другой дом, вроде как на холме. Вокруг него была изгородь под напряжением и лаяли собаки.

– Ладно, буду держать глаза открытыми.

Мы продолжали ехать, Тео за нами. Мы миновали дом, который находился гораздо выше уровня дороги.

– Стоп, – сказала я. – Въезд, правда, не видно, но это может быть то, что надо.

И мы свернули на боковую дорогу, которая вела направо. Тео не отставал. Там мы вышли из машины. В доме на холме свет горел во всех окнах. Из широкого окна на нас смотрели две хаски. Одна вскинула морду и завyla, вторая поддержала товарку.

– Вот этот дом, – сказал отец и ткнул пальцем на другую сторону дороги.

Присмотревшись, я увидела полукруглую подъездную дорожку, спрятанную за густо посаженными деревьями.

– Из нас вы один бывали в этом доме, – сказал Тео отцу. – Как туда войти?

– С заднего крыльца, я думаю, проще всего, – ответил отец.

– Я пойду туда, – сказал Тео. – Если мне понадобится, чтобы вы привлекли внимание к главному входу, я дам знать.

– В доме чудная планировка, – предупредил отец. – Лестница наверх замаскирована. Дверь в подвал там, где ее не ожидаешь найти. Лучше я сам туда пойду.

– Тогда идемте вдвоем, а Дейрдре подъедет к главному входу, если понадобится кого-то отвлечь, – сказал Тео.

– Сейчас не самое удачное время признаваться, что я не умею водить, но это так, – сказала я.

План пришлось пересматривать.

– Давай мы с отцом зайдем сзади, со стороны крыльца, – предложила я, – а если нам понадобится помощь с переднего входа, я пошлю тебе эсэмэску, о'кей?

Тео кивнул.

– Дай нам время, – сказал отец. – Надо сначала обойти участок сзади, а уж потом приближаться к крыльцу.

Мы перешли дорогу и пошли, прижимаясь к краю участка. Кругом было тихо, только трещали сверчки. Я слегка прихрамывала в шлепках, которые мне выдали в больнице.

Мы не имели понятия, есть у Бена охрана или нет. А вдруг он расставил на территории какие-нибудь ловушки?

– Как думаешь, Урсула с ними? – прошептала я.

– Надеюсь, – ответил отец. – Она хоть и пьяница, но Тедди любит.

За домом оказался обширный двор, полого спускавшийся к ручью. Сразу за водой начиналось поле для гольфа, пустое по случаю темноты.

Когда мы подкрадывались к дому, я заметила какое-то движение внутри и тут же услышала топот шагов бегущего Тедди.

– Мороженое! – радостно завопил он.

Ответил ему мужчина, но слов я не разобрала.

Отец двинулся к террасе, чтобы заглянуть оттуда в гостиную. Я выбрала окно кухни. Там за столом сидел довольный Тедди и уплетал мороженое – перед ним стояла целая пинта.

– Мое любимое, – сказал он.

Я жестом показала отцу, что мы нашли, кого искали, и подергала кухонную дверь, но она была закрыта на пару солидных замков изнутри. Отец молча помотал головой, вернулся к крыльцу, вынул из кармана пару кусачек в считанные секунды прорезал в дверной сетке дыру, потом сунул туда руку и открыл замок изнутри.

– Где мама? – спрашивал Тедди у Бена.

– Больше всего на свете она хочет сейчас быть с тобой, – отвечал Бен. Странно, у него даже голос стал совсем другой: более добрый, мягкий. – Но зато мы с тобой вместе, и это хорошо, да?

– Конечно, – ответил Тедди. – Куда пошла Амми?

– Она осталась в Нью-Йорке, – сказал Бен. – Но она послала тебя со мной потому, что любит тебя.

Странно было видеть Бена в роли заботливого родителя. Похоже, он несколько не притворялся. Странно, но этот человек, который всего несколько часов назад пытался отправить меня на тот свет, оказывается, может быть добрым и мягким.

Мы с отцом даже глаза выпучили от неожиданности.

– Пойдем, пора укладывать тебя баиньки, – сказал Бен.

– А я зубную щетку забыл, – ответил Тедди.

– Не страшно. У меня есть запасная. Она там, наверху.

И они вышли из кухни, а Бен погасил свет.

Я отправила Вильяверде сообщение о том, что мы нашли Тедди у Бена. Точного адреса у меня не было, только примерные координаты. Набирать текст с раненой рукой было неудобно, но лучше так, чем доверять отцу современную технику.

– Что это за звук? – вдруг спросил он.

– Где?

Я продолжала печатать. В следующую секунду отец толкнул меня на пол, и над нашими головами просвистела пуля.

– Я вас слышу, – услышала я голос Бена, который уже не показался мне таким милым, как только что. – Выходите, где бы вы ни были.

«ДАВАЙ», – написала я Тео. Еще секунда, и на подъездной дорожке за домом взревело его авто.

– Это еще что за черт? – пробурчал Бен. Мы услышали его удаляющиеся шаги.

– Жди здесь, – прошептал мне отец.

– Куда ты?

Но он уже исчез, а я ругала себя за то, что не заметила, куда он делся. Скоро в передней части дома раздались крики, завизжал Тедди. Раздался новый выстрел.

Глава 45

Тео

Много лет назад я платил большие деньги тем, кто причинял мне боль в клубах фетишистов. У них были острые ножи, но никогда и ничего не ранило меня с такой точностью, как пуля, вошедшая мне в бок. Сначала мне даже не было больно. Уже падая, я увидел звезды в вышине надо мной и услышал шаги.

Еще раньше, услышав визг Тедди, я выскочил из машины и помчался к нему, как вдруг услышал голос.

– Дедушка! – кричал Тедди. – Что ты тут делаешь? – Незамутненная радость в звонком голоске моего малыша была для меня слаще любой музыки. С ним все в порядке.

Тем временем человек, который всадил в меня пулю, поволок меня в дом. На светлых половицах остался кровавый след. Человек втолкнул меня в какую-то дверь, я кувырком полетел по занозистой лестнице вниз и там замер. Подо мной была прохладная, сырая земля, и ее запах слегка кружил мне голову.

Загорелся свет – с потолка свешивалась на проводе тусклая электрическая лампочка.

– Как ты нас нашел?

– Ты, наверное, Бен, – сказал я. – Необычный способ сводить знакомство.

– Ага, я тот чел, которого по-настоящему любила твоя жена.

– Для этого ты какой-то на удивление несимпатичный, – заметил я. – Ты похитил моего сына. Пытался убить мою свояченицу. И мою жену тоже ты убил.

Носок его ботинка впился мне в ребра – слава богу, с другой стороны от раны.

– Я всегда ненавидел тебя, Теодор Трэкстон. С тех самых пор, как впервые о тебе услышал.

– Меня зовут Тео, – поправил его я.

– Эта из-за тебя Кэролайн нет, – выплюнул он.

– А я слышал, что это ты схватил ее, тряс, а потом толкнул так, что она упала и ударилась головой. Значит, ты и убийца.

– Ничего ты не понимаешь. – Он пнул меня снова. – Ты явился в дом и напугал ее. Это из-за тебя она решила уехать немедленно. Все из-за тебя.

Я даже засмеялся, хотя было больно.

– Что смешного? – вскинулся он.

– Ничего нет хуже мужчины, который отказывается брать на себя ответственность за свои поступки, – сказал я. – Прямо как мой отец. Что бы он ни натворил, какую бы гадость ни сделал, всегда перекладывает свою вину на других. Они за все в ответе. Таких никто не любит. Кэролайн была не прочь воспользоваться тобой в нужде, но бежать с тобой куда бы то ни было она явно не собиралась.

Лицо Бена нависло надо мной.

– Сейчас мы поглядим, как ты будешь философствовать, когда я с тобой разделаюсь, – захрипел он. – Я много лет пишу о подонках. Настала пора воспользоваться личным опытом.

Глава 46

Дейдре

Тедди невредим. И это было главное. Но Тео грозила опасность, а я не знала, как ему помочь, особенно в моем помятом состоянии.

Поэтому, как только мы с Тедди выбрались на дорогу, я сразу позвонила в полицию. Отец повел Тедди к машине, а я поковыляла за ними на таком расстоянии, чтобы Тедди не мог расслышать моих слов. Племянник сразу забрался на заднее сиденье, я – за ним, а отец сел за руль.

– Что случилось? – спросил Тедди. – Где папа?

– Он пошел в дом спасать тебя, – ответила я.

– От Бена? – удивился Тедди. – Я ел мороженое.

Похоже, Бен не сделал ничего такого, что как-то расстроило бы Тедди. Спасибо и на этом.

– Полицейские сказали, когда они будут? – спросил меня отец.

– Минут через пятнадцать-двадцать.

Отец обернулся на дом.

– Надо бы мне снова пойти туда.

– Нет, – сказала я. – Я думала, что у него только электрошокер. Я ошиблась.

И быстро набрала текст, который отправила групповой рассылкой Риган, Джуд и Глории, которая ждала в доме Тео. «Тедди в порядке. Тео в опасности».

– А что с твоей рукой, тетя Ди? – спросил Тедди.

– Разбила окно и порезалась.

– Ой, – выдохнул Тедди. – Дай я поцелую. – И он, наклонившись вперед, нежно чмокнул меня в повязку. – Сейчас все пройдет.

– Вау, уже прошло, – отвечаю я, несколько не шутя.

Пока мы разговаривали, к дому подъехали два темных внедорожника. Из них вышли здоровые мужики в черных футболках и штанах защитного цвета.

Отец повернулся к нам:

– Ты вроде говорила...

– Это не полиция, – перебила его я. Ночь была ясная, но разглядеть подробности не удавалось. – Скорее, что-то вроде бригады быстрого реагирования.

Я рассматривала их из машины, пока они стояли и как будто о чем-то совещались.

– Дай-ка я спрошу, что там. – Я чмокнула Тедди в макушку. – Скоро вернусь.

Затем вышла из автомобиля, снова пошла через дорогу и окликнула их:

– Эй!

Крупный лысый мужик обернулся на мой возглас. Я где-то видела его раньше, но не могла вспомнить где.

– Тео в доме, – сказала я. – Кажется, он ранен.

– Мальчика видели?

– Тедди? С ним все в порядке, – ответила я. – Он с моим отцом.

– Где?

– В той машине. – Я показала через дорогу.

– Отбой, парни, – сказал здоровяк своим людям. – Уберите оружие. Мальчик в безопасности.

Те отреагировали незамедлительно, спрятав свои пушки тем же неуловимо быстрым движением, как раньше их достали.

– Но Тео ранен, – настаивала я. – Его втащили в дом волоком. Бен – псих. Он убил мою сестру. Пытался убить меня. Он может убить Тео.

– Мистеру Трэкстону глубоко плевать на то, что может случиться с Тео, – отреагировал громила. – До тех пор пока жив и здоров Тедди.

И он широкими шагами двинулся к машине моего отца, а я семенила за ним сзади. На всякий случай набрала номер Теодора, но тот не ответил.

– Как вы оказались здесь так быстро? – спросила я.

– На машине мистера Трэкстона стоят устройства слежения, – сказал здоровяк и открыл нашу машину. – Привет, Тедди.

– Привет, Харрис, – ответил мальчик, но без большого энтузиазма. – А где папа?

– Поехали домой, – ответил Харрис. – К дедушке.

– Его дед здесь, – вмешался мой отец.

Харрис сделал вид, что не услышал.

– Вылезай, Тедди.

Мне не хотелось отдавать ему Тедди, но я решила, что это эгоизм с моей стороны. Мы торчим у всех на виду, как утки, а Бен вооружен.

– Да, Тедди, поезжай домой, а я обещаю, что навещу тебя очень скоро.

Племянник неохотно соскользнул с заднего сиденья.

– Я хочу с папой, – сказал он.

– Дедушка разрешит тебе поиграть с поездами, – завлекал мальчика Харрис. – И угостит мороженым и печеньем.

– Я хочу с папой, – возразил мальчик решительно.

– Вы должны помочь Тео, – присоединилась к его голосу я. – Нельзя же бросать его одного в этом доме.

– У меня есть приказ – забрать мальчика, – заявил Харрис. – А Тео пусть хоть сдохнет.

С этими словами он взял Тедди на руки и понес к своему автомобилю. Я пошла было за ними, но мне на плечо легла рука отца.

– Пусть Тедди едет. С ним он в полной безопасности, – заговорил он. – А мы пока постараемся помочь Тео.

Глава 47

Тео

– Если хорошо подумать, приходишь к выводу, что Кэрлайн сама себя убила, – заявил Бен, связывая мне спереди руки. – Тем, что принимала неправильные решения.

– Ты убил ее за то, что она отказалась взять тебя с собой, когда планировала побег. – Хорошо, что Дейрдре успела в общих чертах изложить мне эту историю – я и без того страдал от боли, а если бы пришлось выслушивать сейчас версию Бена, то это было бы просто невыносимо. А так я был все равно что привит от его вранья.

Бен пнул меня еще раз и поволок дальше в подвал. Там он прицепил что-то к веревке, которая стягивала мои запястья.

– Ты самодовольный ублюдок. – Нажал на какую-то кнопку, и мои запястья рывком поднялись вверх. В темноте я не видел, что он привязал меня к блоку, установленному на балке под потолком. С помощью блока Бен сначала поднял меня на ноги, но этого ему показалось мало, и скоро я уже болтался, вися на руках и не касаясь пола ногами.

– Ясно. И ты решил меня попытать. – Мой голос показался мне самому пресыщенным и утомленным. – Таков твой капитальный план? Может, ты ждешь, что я буду умолять тебя о пощаде?

– Сейчас я покажу тебе страх в горсти страха, – посулил мне Бен.

– Если уж цитировать Элиота, то почему бы не начать с начала? Оно меня больше впечатляет. «Апрель, жесточайший месяц, гонит...»^[19]

Бен ткнул меня кулаком в солнечное сплетение.

– Поэзию мне еще процитируй, задница.

– Полиция тебя найдет, – сказал я, как только ко мне вернулось дыхание. – Так что беги, пока есть время.

– Ты все испортил. Я стал бы для Тедди лучшим отцом, таким, каким ты никогда не смог бы быть. А теперь мне все равно. Кэролайн нет, так какая разница? – Бен наклонился и поднял с пола какую-то металлическую коробку. – Правда, сначала нам надо закончить одно дело. Я собираюсь заставить тебя пожалеть о том, что ты родился на свет.

Он нажал на коробке кнопку, приподняв меня еще выше, а потом резко отпустил. Я упал на пол, чувствуя, как вибрируют руки в суставах. Казалось, еще чуть-чуть, и они оторвутся от тела.

– Ну как тебе ощущение беспомощности? – спросил он.

– Бывало и похуже.

– Это из-за тебя умерла Кэролайн. Если б она бросила тебя и ушла ко мне, то была бы сейчас жива. – Бен оглядел меня с головы до ног. – Она совсем тебя не любила.

– Нет, ты не свалишь на меня ее смерть, – ответил я. – Это ты будешь жить и мучиться сознанием вины от того, что сделал.

Бен достал из кармана какую-то черную пластиковую штучку и нацелил ее на меня. Когда в мою кожу впились крючья, я понял, что это «Тейзер». Электрические разряды побежали по моим жилам вместе с кровью, заискрили в мозгу так, что у меня вытаращились глаза и широко раскрылся рот.

– Признайся, Кэролайн никогда не любила тебя. Она вышла за тебя только из-за денег. Ее целью был верх социальной пирамиды, а тебя она использовала как первую ступень своего подъема, – дразнил он меня.

Я молчал. Бен перезарядил устройство. Боль стала неотразимой, почти величественной. Внутри моего тела словно бушевал огонь. Он был моим старым знакомым, много лет назад я встречался с ним часто. Он был тем забвением, которого я искал. Это из-за него я был с Мирей,

ради него прожигал жизнь в жутких местах и вводил в кровь опасные субстанции.

– Кэролайн оставалась с тобой так долго только из-за Тедди. Но она ненавидела тебя, Тео. Правда, правда. Она знала, что десять лет назад ты убил девушку, и считала, что ты должен быть наказан.

Вот тут мне действительно стало больно. Его слова прозвучали как удар молотка, вбивающего последний гвоздь в крышку моего гроба. Потому что Бен был прав в одном: Кэролайн действительно верила самому худшему обо мне. Я с самого начала боялся, что она узнает правду обо мне и возненавидит меня за то, что я сделал. Ужасная ирония моего положения состояла в том, что этот страх заставил меня повернуться к прошлому спиной, не пытаться узнать, что же случилось на самом деле. Кэролайн умерла с мыслью, что ее муж – убийца. И, что бы теперь ни произошло, этого уже ничем не исправить.

Мне хотелось умереть потому, что Кэролайн сошла в могилу, ненавидя меня.

– Я бы приготовился получше, зная, что мне придется принимать тут гостей, – продолжал Бен. – Правда, у меня есть стрихнин – самый ужасный яд, от него умирают мучительной смертью. Жаль только, нет трех часов, чтобы поторчать тут и посмотреть, как ты будешь загибаться в конвульсиях. К тому же мне надо выйти и перестрелять твоих сообщников.

– Тедди...

Он ударил меня кулаком в лицо.

– Ты все испортил, ясно тебе? Если с Тедди что-то случится, виноват тоже будешь ты.

Я вдруг испытал такую ярость, что даже маячившая поблизости бездна небытия вдруг захлопнулась, потеряв для меня всякую привлекательность. Нет, погрузиться в блаженство забвения было для меня теперь непозволительной роскошью. Я должен был бороться за сына.

– Кэролайн... говорила... мне... – дыхание вырывалось из моей груди толчками, как будто меня все еще подвергали любительской шоковой терапии.

– Что-что?

– Кэралайн... рассказывала мне... про тебя. – Моя голова склонилась на грудь так, словно жизнь уже покинула меня.

«Я полон скрытых страхов».

Чужой голос снова заскребся у меня в мозгу, и во всем ограниченном пыточном репертуаре Бена не нашлось бы ничего ужаснее этого. Урсула сказала, что это слова из пьесы; я не знал, верить ей или нет. Слова давно уже проросли внутрь меня и зажили там своей жизнью.

– Что она говорила? – Бен сделал ко мне шаг, но, словно угадав мое намерение, снова нажал на кнопку «Тейзера». Все мое тело сотрясли такие конвульсии, что загремели цепи.

Я прошептал что-то неразборчивое.

– Что там опять? – Бен явно терял терпение; теперь он стоял так близко, что я различал запах его лосьона для бритья. Как же он отчаянно жаждал слова, знака, подтверждающего, что Кэралайн хотя бы иногда думала о нем...

Мои губы почти касались его горла, когда я заговорил снова.

– Ты недооценил мою способность терпеть боль, – прошептал я.

Бен не успел сделать и шаг назад, как я уже вцепился зубами ему в горло, прямо в яремную вену.

Глава 48

Тео

Я был не прочь умереть в этом подвале. Смерть не страшила меня. Главное, что Бен больше не представлял опасности для Тедди. Мой сын спасен. Я никогда даже не мечтал о том, чтобы спасти чью-то жизнь, – и вот я сделал это. Значит, могу и умереть.

Шрам, тянувшийся вдоль торса, вдруг зазудел, точно внутри моего тела заработал маяк. Возможно, это смерть давала мне знать о своем приближении. Тьма окружила меня со всех сторон, накрыла, точно одеяло. Во рту стоял металлический вкус крови. Я убил Бена Норткатта, загрыз его зубами и, по идее, должен теперь испытывать жгучий стыд, но ничего подобного не было и близко. Этот мерзавец заслужил свою смерть.

Почему-то мне вдруг стало мерещиться, что Кэролайн стоит прямо передо мной и проводит пальцами по моему шраму. Глазами я ее не видел, но чувствовал ее присутствие так же отчетливо, как всегда ощущал аромат ее духов в ее спальне. Она и я встретились в сумеречной зоне, месте, где души мертвых могут повстречать тех, кто стоит на грани между жизнью и смертью.

Я полон скрытых страхов.

Я всегда отворачивался от этого голоса. Мне было легче верить в тигра, который едва не разорвал меня на куски. Реальность была куда страшнее.

Я полон скрытых страхов.

Доктор Хэвен говорила мне, что если мне удастся воссоздать запахи, звуки и тактильные ощущения того момента, когда я получил свои шрамы, то я вспомню, как все было. И оказалась права. В том ужасном подвале время повернуло вспять, словно кинолента, и на холодном сыром полу оказался не взрослый мужчина, а трехлетний малыш. Земля подо мной потемнела от крови. Моей крови.

В то же время я словно выскользнул из своего тела и видел со стороны себя, но только в возрасте Тедди. И только ощущение присутствия Кэролайн рядом давало мне силы не отвернуться, досмотреть до конца.

Надо мной склонилась моя мать; в руке она держала нож и все повторяла и повторяла одни и те же слова, словно накладывала нерушимое заклятие: «Я полон скрытых страхов».

Историю Медеи я узнал раньше, чем услышал про Еврипида в частной школе.

Это голос матери преследовал меня всю жизнь. Всю жизнь я считал себя чудовищем, таким ужасным, что родная мать хотела убить меня. Бессвязное воспоминание мучило меня с раннего детства, отравленным осколком засев в памяти. Теперь оно вернулось: мать снова и снова наносила мне удары ножом, а я принимал их как очищение через кровь. Если я умру, значит, я заслужил смерть. Почему-то мысль о том, что я – искупительная жертва, а не мишень, приносила мне облегчение. Мать хотела убить меня не потому, что считала меня монстром, а потому, что знала – монстром был мой отец.

Мать хотела уничтожить меня, как Медею. Древняя героиня убила своих сыновей, чтобы отомстить неверному супругу. Возможно, и моя

мать имела в виду именно это. Только я не умер.

Только теперь я понял, что с моей памятью все не так просто: в ней крылась ловушка, каменный мешок со стальной решеткой, в который я не должен был заглядывать никогда. Густой туман клубился над входом, и, стоило мне только обратить в его сторону свой взгляд, вдохнуть его, как голова начинала кружиться, и силы покидали меня. А потом я отходил от страшного мешка чуть-чуть назад, и мне отчетливо вспоминалось то время, когда мать уже ушла, а ее место внезапно заняла Урсула. Но ведь Урсула была в нашем доме задолго до этого. Она была там в ту ночь, когда мать пыталась лишить меня жизни...

Но теперь рядом была душа Кэролайн; она придавала мне силы, которых мне всегда не хватало. Я смело повернулся к ловушке внутри своей памяти и – впервые в жизни – заглянул прямо в нее.

И увидел отца, который вбежал в подвал. Мать завизжала, увидев его, а он кинулся на нее, вырвал из ее руки нож и тут же, одним ударом, вогнал лезвие ей в живот. Она вскрикнула еще раз и упала на меня, заливая меня своей кровью.

И тут я, впервые в жизни, закричал в темноте.

Глава 49

Дейдре

– Может, дождемся копов? – предложила я.

– Дождись, – ответил отец решительно. – Ты и так сегодня едва не погибла один раз. Я сам.

– Сейчас, – ответила я. – Я с тобой.

Мы снова перешли дорогу и двинулись по подъездной дорожке к дому; сломанная косточка у меня болела как проклятая. Фары в машине Тео все еще горели. А на трех ступеньках крыльца и на деревянных половицах у двери дома виднелись следы крови. Отец толкнул парадную дверь, но она была заперта.

– Попробуем зайти сзади, – сказал он.

У меня зазвонил телефон, но я решила не обращать на него внимания и пошла за дом. Дверь на террасу оказалась открыта, порванная сетка трепыхалась на ветру.

Дверь в дом была не заперта.

Мы вошли в прихожую. Направо была кухня, где на столе плавилось недоеденное мороженое Тедди. Налево – гостиная с большим камином. Рядом с ней невысокая ступенька вела к потайной двери, сливавшейся с деревянными панелями стен. Наверное, за ней был ход в пристройку, возможно, наверх.

– Никаких следов крови, – прошептала я.

Мы прокрались в переднюю. Вот там весь пол был в красном. Кровавая дорожка заканчивалась у закрытой двери в коридор. Мы остановились, прислушиваясь. За дверью было тихо.

– Там подвал, – прошептал отец.

– Нам нужно оружие, – сказала я.

– Нужно поторопиться.

Отец вытащил что-то из кармана и начал ковыряться в замке. А я бросилась на кухню и схватила самый большой нож, который нашла. Когда вернулась в переднюю, отец уже открыл замок.

– Почему ты никогда не показывал мне, как это делается? – прошептала я.

– А то у тебя проблем не хватало в детстве...

И он приоткрыл дверь.

Внутри было тихо, только раздавался какой-то странный скрип.

Отец распахнул дверь, и мы почувствовали запах – сырой, землистый, с явной металлической ноткой. Кровь, сразу догадалась я.

В нас до сих пор никто не выстрелил. Хороший знак.

Что-то зашуршало в темноте, послышался слабый стон.

– Там кто-то живой, – сказал отец.

И мы стали спускаться по слабо освещенной лестнице. К потолку цепями был подвешен какой-то человек.

– Тео? – позвала я, и он застонал.

Отец нашарил на стене выключатель и зажег свет. Тео был весь в крови – лицо, торс, ноги и даже босые ступни. Если он был жив, то едва-едва.

– Надо его снять, – сказала я, но отец застыл на месте и показал на пол. Там лежал Бен – рот разинут, глаза остекленели, из горла вырван кусок.

Первый же патрульный, который спустился в подвал, выскочил оттуда как ошпаренный, только ноги вертелись колесом – знаете, как у мультяшных персонажей, когда они удирают от кого-то.

– Спорим, этот уволится еще до пенсии? – прокомментировал отец.

Вдвоем мы смогли опустить Тео на пол, но его руки оставались в цепях. Даже сейчас они торчали вверх, как у сломанной куклы. Когда до нас добрались парамедики, Тео уже бредил. Я пыталась разобрать слова, но ничего не вышло.

Наконец приехали копы и сразу оттеснили нас от места преступления, а вокруг дома расставили прожекторы. Мы старались держаться к огороженному месту поближе, наблюдая, как люди в разных формах то входили в дом, то выходили из него, ступая друг за дружкой, как муравьи.

– Жалко, – буркнул отец.

– Что не мы сравняли счет с Беном?

Он кивнул.

– Мне тоже, – честно призналась я. – Хорошо, что Тедди в безопасности, и хоть бы с Тео все обошлось...

Отец посмотрел на меня и кивнул:

– Точно.

Нами обоими руководили темные импульсы, но это еще не значит, что мы должны были поддаваться им.

Полицейские, которые охраняли место преступления снаружи, отказались впустить нас в дом, хотя мы уже были там и наверняка наследили.

– Поверьте мне – такое никому не захочется увидеть во второй раз, – объяснял нам седой румяный коп. – Настоящая камера пыток.

Тео вынесли из дома на носилках. Его руки по-прежнему были заброшены за голову, рот открыт, точно в безмолвном крике, но он был жив. Затем из дома вывезли каталку с большим мешком. В нем лежал труп размером с Бена. Каталку поставили у распахнутых дверей скорой, но грузить почему-то не стали и куда-то отошли. Ну что ж, мертвый есть мертвый, куда он денется... Да и Бену спешить некуда.

Тут у меня снова зазвонил телефон. Это была Джульетта. Я ответила.

– Дейрдре, что у нас происходит? – взволнованно начала она. – Мне сказали, Тедди пропал, но теперь нашелся, и с ним все хорошо? Бен Норткатт пытался убить тебя? Урсула хотела утопиться в Ист-ривер? – Ее голос так дрожал, как будто вот-вот сломается. Каждое предложение заканчивалось вопросом, словно она сомневалась в реальности происходящего.

– Да, денек выдался тот еще, – ответила я. Реагировать более эмоционально не было сил. – С Урсулой все в порядке?

– Какая разница? Ее все равно отправляют в психушку. – Джульетта громко сглотнула. – Что с моим братом? Глория сказала, в него стреляли, и, может быть, насмерть?

– Тео плох. В него стреляли, потом пытали и... в общем, все плохо.

– Он выживет? – спросила Джульетта очень тихо.

– Не знаю, – ответила я. – Люди твоего отца приехали сюда, вооруженные до зубов, но, когда узнали, что мы спасли Тедди, схватили его и уехали, а Тео бросили. По приказу отца, так сказал Харрис.

В трубке как будто кто-то поперхнулся. Мне показалось, что Джульетта плачет.

– Джульетта, Тео не выкарабкается без твоей помощи. Ты сможешь?

– Не знаю.

– Судя по тому, что рассказал мне Тео, ваш отец водил вас обоих за нос всю жизнь, – сказала я. – Подумай, может, вам двоим стоит теперь объединиться и дать ему отпор?

Глава 51

Тео

Меня перевели из одной больницы в другую; я заметил это по тому, что изменился цвет стен.

– С Тедди все хорошо? – спрашивал я всякий раз, просыпаясь. – И, пожалуйста, без опиатов. Я наркозависимый.

– Ваш сын? С ним все в порядке. Он с вашими родственниками.

Тут у меня в голове словно включалась сирена.

– Только не с отцом.

– С сестрой, кажется? Темненькая такая, с татуировками...

– Да, – ответил я, расслабляясь. – Слава богу.

И я снова уплыл в беспамятство. Когда снова проснулся, меня звал тоненький голосок:

– Папа? – Тедди не подбежал к кровати, а подошел на цыпочках и стоял, вытянув шейку, как любопытный маленький утенок. – Тебе больно?

– Нет, – соврал я.

– Правда?

– Ну чуть-чуть, – пошел я на уступки. – Но теперь, когда ты пришел, уже почти не больно.

– Поцелуй, – сказал Тедди и поднял руку – он хотел, чтобы я его поднял. Откуда-то появилась Джульетта, подхватила его на руки и подняла так, чтобы он мог чмокнуть меня в щеку. Округлив глаза, сын уставился на мою руку, где старые шрамы переплелись с новым безобразием. – Выглядит неважно, – сказал он, склонился к моей руке и поцеловал ее.

– Мы ненадолго, – раздался от двери голос Дейрдре. – Врач приказал.

Мне показалось, что у меня галлюцинации, когда я увидел, как свояченица подошла к Джульетте, сказала ей что-то на ухо, а та кивнула.

– Обними папу, Тедди, и пойдем вниз, посмотрим, где у них тут печенье.

– Печенье? – тут же заинтересовался Тедди. – Я папе принесу!

Когда они ушли, Дейрдре подошла ближе.

– Ну как твои дела? Только по правде.

– Еле жив. – Голос прозвучал так, словно мне натерли глотку наждачкой. – Ты меня спасла.

– Ты сам себя спас, – лукаво заметила Дейрдре. – Оказалось, что тебе и помощь-то не нужна.

– Еще как нужна. Очень. – Я перевел дух. – Я думал, что сдохну в том подвале. Знаю, это прозвучит не очень, но я даже не жалел.

– Да нет, ты уж еще поживи. Тедди нужен папа.

– Правда? Даже не знаю... Ему будет только хуже, если я буду рядом, и если не буду – тоже. Мне кажется, я уже принес ему много бед, а?

– Это не ты приносишь беды, Тео, – сказала Дейрдре. – Конечно, жаль, что ты не мог быть честным с собой с самого начала, но то же самое я могу сказать и о себе. Мы с Каро обе игнорировали наше прошлое. Делали вид, будто между нами всегда все было как надо. А нас разделяла стена. Мы никогда не говорили о ней, и она так и осталась между нами до самого конца.

– Как любит говорить мой отец, прошлое прошло. Вот и я всегда думал, что смогу держать прошлое под спудом. Я и хотел держать его под спудом. Я всегда боялся, что другие все обо мне узнают. Особенно Кэролайн. И решит, что я – чудовище.

Дейрдре ответила мне кривой улыбкой, как бы нехотя.

– Каро обладала прекрасным, хотя и ужасным свойством – она была способна любить монстра, даже зная, что он – монстр.

– Думаешь, мы еще могли помириться?

– Может быть, вы нашли бы новый путь друг к другу. – Она посерьезнела. – Если б неделю назад кто-то сказал мне, что я буду проводить время с отцом, я ни за что не поверила бы. Я никогда не верила, что люди могут меняться. Но он, кажется, стал другим или, по крайней мере, пытается. Риган сказала мне одну вещь, от которой у меня взорвало мозг. Она спросила меня, что он должен сделать, чтобы я его простила, а я ответила – умереть. – Дейрдре помолчала, как будто обдумывала свой ответ заново. – Тогда Риган спросила: «Думаешь, он заслужил смертный приговор?» И тут у меня в мозгу как будто что-то щелкнуло. Я же верю в то, что наркомана или алкоголика можно вылечить – по крайней мере, теоретически. Я еще не простила отца. Но я говорю с ним и хочу продолжать разговаривать.

– А я своего никогда не прощу, – сказал я.

– Я вовсе не предлагаю тебе дать социопату еще один шанс разрушить твою жизнь, – возразила Дейрдре. – Но, может, тебе стоит поговорить с сестрой – по-настоящему поговорить. Я так жалею, что у нас с Каро больше не будет такого шанса...

– Печенье для папы, – объявил Тедди, вбегая в комнату с нераспечатанным пакетиком в руках.

– Извини, – сказала Джульетта Дейрдре. – Я знаю, ты хотела поговорить с ним наедине, но торговый аппарат оказался здесь совсем рядом, а кое-кто такой зоркий, высматривает печенюшки на раз...

– Ничего, мы поговорили. – Дейрдре погладила Тедди по головке. – Давай-ка поедem с тобой домой, а папа и тетя Джульетта останутся и обсудят кое-что важное.

Странно было наблюдать Джульетту, нормально общающуюся с другим человеком. Я привык видеть в ней вечную антагонистку, которая изводила Кэролайн, язвила со мной и даже с отцом умудрялась бодаться. Конечно, я знал, что она любит зверей, но был уверен, что на этом ее симпатии ко всему живому и заканчиваются.

– Вы с Дейрдре как будто сговорились, – сказал я, когда свояченица и сын ушли.

– У нее есть характер. Мне нравится это в женщинах, – сказала Джульетта. – А ты как себя чувствуешь? Натянул нос смерти?

– Чувствую так, будто меня протащили через ад. Слушай, почему мы с тобой никогда ни о чем серьезном не разговариваем?

– Что за удовольствие ковыряться в незаживших ранах, – отреагировала она. – Поэтому и не разговариваем. Но твое странное голосовое сообщение заставило меня вспомнить ту поездку в Париж. Я говорила о ней с Дейрдре. Время было самое неподходящее, на носу экзамены, но отец настаивал. Щедрость проявил невиданную. Я должна была догадаться, что это все неспроста.

– Наш отец ничего в простоте не делает, – ответил я. – А скажи мне, что ты помнишь о нашей матери?

– Отец ясно дал мне понять, что об этом нельзя говорить. Ни тогда, в детстве, ни сейчас. – Крашенные губы Джульетты сжались в узкую полоску. – Мне было семь лет, когда она исчезла. Я не могла понять, что случилось, – вечером, когда я ложилась спать, все было в порядке. Утром я встала – матери нет, а ты тяжело ранен. Отец отказался везти тебя в больницу, вокруг тебя суетились двое докторов, а Урсула гавкала на них по-немецки. Я не понимала ни слова. Отец сказал мне, что мать пыталась убить тебя, а потом сбежала. А еще он сказал мне, чтобы я помалкивала об этом, потому что иначе мать могут посадить в тюрьму и даже казнить. – На глаза Джульетты набежали

слезы. – Даже тогда я понимала, что он лжет. А он заставил меня лгать тебе. Сказал, что будет лучше, если ты будешь думать, что на тебя напал зверь. Он и выдумал эту историю о том, как тебя порвал тигр в зоопарке. Знаю, что это ужасно, но я ему подпевала. Ведь он все время напоминал мне о том, что может произойти с нашей матерью, если я откажусь.

– Наша мать была уже мертва, – сказал я.

– Думаю, подсознательно я понимала, что ее уже нет в живых, но продолжала цепляться за любую выдумку, которая позволяла мне притворяться, будто дело обстоит иначе, – сказала Джульетта.

– Что еще ты помнишь?

– Помню, что Урсула тоже куда-то исчезла и ее долго не было. Я так радовалась – ты ведь знаешь, как я ее ненавидела, – но потом она вернулась, и они с отцом поженились. В детстве она представлялась мне кем-то вроде злой ведьмы, которая избавилась от моей мамы, чтобы заполучить ее мужа.

– На самом деле во всем виноват отец. Он убил мать.

Джульетта боком присела на край кровати.

– Откуда ты знаешь? Тебе ведь и четырех лет не было, когда это случилось.

– Можешь не доверять моей памяти, если не хочешь, – сказал я. – Урсула давно уже роняла разные намеки, давала понять, что не может жить в мире с собой. Думаю, ей известно все, что тогда случилось, – ну или почти все. Вопрос в том, сможем ли мы убедить ее признаться.

И я начал рассказывать.

Глава 52

Тео

Выйдя из больницы ровно через неделю после своего поступления туда, я вернулся в тот проклятый дом, который отец купил для нашего обреченного брака. Но я уже вел приготовления, тайно. Нельзя было обнаруживать себя, пока все не будет готово.

Урсулу еще раньше перевели из клиники для душевнобольных, где ее держали, чтобы она не попыталась снова покончить с собой, в

клинику для лечения от алкоголизма где-то в штате. Она заплакала, когда я приехал туда навестить ее.

– Мне так жаль, я думала, что помогаю Тедди, – всхлипывала она. – Ни о чем другом я и не думала.

– Знаю, – ответил я ей. – Но теперь ты можешь помочь по-настоящему. Ты говорила, что Кэролайн просила тебя открыть правду. Сделай это, мне очень нужно.

– Я не знаю, смогу ли я, Тео. Я делала такие ужасные вещи...

– Я верю в тебя, – подбодрил ее я. – И Кэролайн тоже верила.

Когда недельная программа по детоксикации организма была завершена, Урсула приехала к нам с Тедди и осталась у нас, а отцу сказала, что пока не готова к разговору, и попросила его прийти чуть позже, в четверг.

Отец пришел, когда ему было назначено, и, войдя, первым делом так дружески хлопнул меня по плечу, словно и не обманывал меня всю мою жизнь.

– Хорошо выглядишь, сынок, – ухмыльнулся он мне, а я попытался улыбнуться в ответ.

– Пойдем в гостиную, отец, посидим, поговорим. Ты так давно не был у меня... даже не помню, когда мы с тобой в последний раз так сидели. Что тебе предложить выпить?

– Чего-нибудь праздничного. Сансерре... или даже шампанского, – ответил он.

– Урсула только что закончила лечение, – напомнил я. – Думаешь, ей не повредит?

– Давай будем реалистами, – ответил отец. – Она никогда уже не сможет бросить пить по-настоящему. Так зачем притворяться?

– Странно, ты все время говоришь, что прошлое прошло, а сам как будто не веришь, что человек может освободиться от своей истории, – заметил я. – А вот я верю, что люди способны менять свою жизнь, и очень серьезно.

Он пожал плечами.

– Тебя ждет разочарование, сын.

– Может быть, – согласился я. – А может быть, и нет.

За моей спиной раздались шаги.

– Я слышала, что просили принести газированной минералки, – начала Джульетта. – У Тео отличный выбор импортных минеральных

вод. Налить тебе?

– Я пока не держу в доме алкоголя, совсем, – пояснил я.

Отец даже растерялся.

– М-да, не ожидал увидеть тебя здесь, Джульетта, – сказал он наконец.

– Почему же? Мы с братом часто обсуждаем историю. Этот предмет интересует нас обоих.

– Знаю, – небрежно бросил отец. – Просто я еще помню, как ты буквально на днях говорила, что лучше бы умер твой брат, а не Кэролайн.

И его взгляд василиска остановился на ней. Джульетта на мгновение застыла. Что ж, обычная стратегия отца – разделяй и властвуй. Он всю жизнь контролировал нас обоих, периодически подливая масла в огонь нашей давней вражды.

– И неудивительно, – сказал я. – Мне и самому хотелось того же.

Сестра бросила на меня взгляд, полный усмешки и, как мне показалось, облегчения. И ее понесло.

– Как ты любишь говорить, папа, у лжеца должна быть хорошая память. Острота твоей памяти приводит меня в изумление.

– Ну по крайней мере одну цитату из Шекспира я помню точно: «...острей зубов змеиных неблагодарность детища!»^[20] А у меня таких неблагодарных двое. Вот, значит, как вы решили мне отплатить за все, что я для вас делал?

– Не начинай, – перебила Джульетта. – Я посвятила жизнь управлению твоей компанией. Беспрекословно выполняла все, чего ты от меня требовал. Так что теперь я имею право потребовать у тебя ответ. Точнее, мы оба имеем такое право.

– Разве не ты сама столько раз повторяла мне, что я ничем не обязан твоему брату? И что мне стоит вышвырнуть его на улицу, так как от него нет проку? – Я понял, что отец видит в Джульетте слабое звено, которое даст слабинку при должном давлении. Ничего странного: я сопротивлялся ему уже много лет, а она, наоборот, старалась заслужить его расположение всеми способами. И теперь он решил обернуть ее лояльность против нее же и подавить ее сопротивление.

– И была права, проку от меня действительно было мало, – снова согласился я.

– Сам он обзывал тебя куда хуже, можешь мне поверить, – холодно и твердо сказала Урсула, стоя в дверях. Одета она была совсем просто – в белую рубашку и брюки; ее глаза сверкали так, как я не припомню никогда в жизни. – Убийцей, вот как он тебя называл. И заставил нас всех в это поверить.

– Вы что тут, сговорились против меня, все трое? Ну так и оставайтесь втроем, потому что у меня нет времени мусолить с вами это дерьмо. – Отец поднялся на ноги. – А тебе, Тео, я делаю официальное предупреждение – освободи дом. Я – его хозяин, а ты всего лишь жилец, арендатор. Можешь жить хоть на улице, мне безразлично.

– Погоди уходить, ты рано собрался, – сказал я. – Тебе еще предстоит услышать потрясающую новость.

– Какую же?

– Я возвращаюсь в компанию «Трэкстон интернешнл».

Он уставился на меня так, словно я был курьезным артефактом, подлинность которого вызывала у него сомнения.

– Ты это серьезно? Хочешь работать со мной?

– С тобой – нет. Я буду работать с Джульеттой. – Я повернулся к ней: – Напомни, как называется моя новая должность?

– Старший вице-президент по соответствию глобальных операций этическим требованиям, – торжественно объявила Джульетта.

– Это что, шутка такая? – Отец вертел головой, глядя то на одного из нас, то на другого.

– Мы с Тео решили, что небольшой отельный бизнес – самая лучшая перспектива для будущего, – сказала Джульетта. – По крайней мере, нашего будущего. Никакого больше отмывания денег, никаких преступных схем. Ты хотя бы можешь себе такое представить, папа? Не отвечай; я знаю, что нет.

– Думаете, вы можете вот так взять и уйти?

– Мы никуда не уходим, – возразила Джульетта. – Мы увольняем тебя.

Отец расхохотался.

– Вы двое просто неподражаемы, – сказал он, отсмеявшись. – Да у вас ни гроша за душой – ни у одной, ни у другого. И как вы собрались отнять у меня мой бизнес?

– Отнимать ничего не придется, потому что ты будешь сидеть в тюрьме, – сказала Джульетта.

Он покачал головой.

– Если уж посадят меня, то и тебя посадят вместе со мной. Каждое обвинение, которое можно предъявить мне, можно с тем же основанием предъявить и тебе. Тео, может, и сорвется с крючка, но подпись Джульетты Трэкстон стоит на всех документах отсюда и до Москвы.

– Вообще-то, Теодор, – вмешалась Урсула, – Джульетте ничего не грозит. В тюрьму сядешь ты один.

Отец посмотрел на свою жену и моргнул, видимо, еще не поняв, насколько сильно земля уходит у него из-под ног.

– Убийство? – И он посмотрел на меня. – Извини, Тео, но если ты насчет Мирей, то у тебя нет и тени доказательств. Ни у кого из вас нет. Клаус не станет свидетельствовать против меня. Руки у меня чисты. Людям, которые работают на меня, хорошо платят за молчание.

– Все это уже не важно, – сказала Джульетта. – У нас есть тело мамы.

– Ничего подобного. – Отец был так уверен в себе, словно похоронил мать своими руками. Впрочем, я даже не сомневался, что так оно и было.

– Прошу прощения, я не так выразилась. Я хотела сказать, что у нас есть мамина копия, – поправилась Джульетта.

Отец побледнел как смерть, поворачиваясь к Урсуле:

– Ты не посмеешь.

– Я сделала все так, как ты мне приказал, – сказала та. – Полетела в Нью-Йорк, перекрасилась в брюнетку и собрала два чемодана вещей твоей жены. С ними я полетела в Гуам, где три месяца просидела в отеле, чтобы дать тебе возможность развестись быстро и по-тихому. Развод был не настоящим, но тебя он вполне устраивал, ведь в твоей жизни и так было полно фальши.

Я смотрел в окно, поджидая, когда же появятся полицейские. Две машины подкатили к дому точно в назначенное время.

– Смотри-ка, полиция, – сказал я. – Сейчас будет весело.

Отец повернулся к окну.

– Они меня не арестуют. У них нет ордера. У них нет полномочий. У них нет...

– Ш-ш-ш, – перебил его я. – Это еще не твой выход. Пока не твой.

Мы молча наблюдали, как полицейские громко постучали в дверь отцовского особняка и вошли внутрь. Зная, что Харрис служил в армии, они захватили пистолеты. Наверное, он представлял серьезную угрозу. Однако арест прошел на удивление мирно. Харрис вышел из дома в наручниках, склонив свою лысую голову.

– За что они его арестовали? – возмутился отец. – Он никак не связан с твоей матерью! Он тогда даже не работал у меня!

Я подумал, стоит ли говорить отцу, что берлинские полицейские не закрывали дело Мирей и что Мехмет Бадем дал по нему показания под присягой. Я не сомневался, что по приказу моего отца Харрис совершил за последние годы несметное количество преступлений, за которые ему никогда не воздастся по заслугам. Но хотя бы ближайшие годы он проведет в тюрьме, и на том спасибо. Если б Харрис остался на свободе, я никогда не был бы спокоен за безопасность Урсулы.

Мой отец потрясенно отвернулся от окна.

– Так нельзя делать.

– Твое нравоучение несколько запоздало, – сказала Джульетта.

– Да у вас без меня гроша ломаного не будет! – заорал он в бессильном гневе, а его лицо искривилось так, что он стал похож на гаргулью из тех, что украшали этот дом.

– Тебе необходимо подписать вот эти бумаги. – Джульетта раскрыла большой кожаный атташе-кейс, лежавший на столе. – Хьюго Ларайя оказал нам любезность составить их для нас. Своей подписью ты передаешь нам компанию и всю собственность, которая сейчас принадлежит тебе.

– С чего вы взяли, что я стану это делать? – завопил отец, выпучив глаза. – Да идите вы все к черту!

Я взглянул в окно. Одна машина полиции Нью-Йорка отъехала, увозя Харриса, но вторая оставалась на месте.

– Подпиши лучше сейчас, пока не нагрянул Интерпол, – сказал я. – Ну или подожди, пока всю твою краденую собственность экспроприирует государство. Тут речь пока даже не об отмывании денег. Пока.

– Что вы делаете? Вы же ломаете все, что я построил...

Джульетта сунула ему бумаги. Я дал ручку.

«Я полон скрытых страхов». Голос матери звучал во мне. Ей я мог простить все; я даже сочувствовал тем мукам, которые ей пришлось вынести, но его я не прощу никогда. Эти страхи породил отец. Понимая, что его империя рушится, он плакал. Впервые в жизни я видел его слезы.

Глава 53

Дейдре

Через две недели после того, как Тео вернулся из больницы домой, мать Риган решила устроить семейный обед. Сколько я знаю миссис Чен, на любые неожиданности, приятные или наоборот, она всегда реагировала одинаково – начинала готовить.

– У нее это основной способ выражения любви, – объяснила мне Риган. – Она может разнести в пух и прах твою одежду, работу, вообще любой твой выбор – но если она готовит для тебя жареную утку, значит, любит тебя.

Два дня подряд миссис Чен готовила нон-стоп, гоня меня из кухни всякий раз, когда я показывалась там, чтобы предложить помощь.

– Вот так: устроишь раз в жизни маленький пожар на кухне, и никто тебе больше не доверяет, – ворчала я.

– Если б только пожар, так это еще полбеды, – отвечала она. – Но ты еще и спец по битью посуды.

Обед был назначен на шесть часов в пятницу – раньше Риган никак не могла уйти с работы. Тедди и Глория пришли первыми.

– Как у вас вкусно пахнет, – объявил племянник с самого порога, чем раз и навсегда завоевал место в сердце миссис Чен. Она впустила его в кухню и даже назначила на должность главного дегустатора при своем гастрономическом дворе.

– Он весь день только этого ждал, – сказала миссис Чен Глория.

В пять тридцать зазвенел дверной звонок. На пороге стоял мой отец с букетом оранжевых лилий и большим пакетом из «Сицилийской пекарни Джо» в Бэй-Сайде. Дело в том, что я сама пригласила его, неожиданно для самой себя. Его слова о том, что он жалеет о прошлом, продолжали вертеться у меня в голове. Это не значит, что я

была готова простить его. Я не была уверена, что вообще смогу. Но мне было любопытно посмотреть, действительно ли он изменился, как говорил. Больше того, я принимала последние слова Каро близко к сердцу: сестра завещала нам обоим участвовать в воспитании ее сына, а значит, я не могла выбросить отца из своей жизни.

Судя по всему, ему было неловко, и мне это понравилось.

– Впечатление произвести хочешь? – сказала я ему.

– Каро подарила мне этот блейзер, – ответил он. – А что, мне не идет?

– Да я про пакетик. С пиджаком все в полном порядке. У Тео, наверное, тоже такой есть. Может, он в нем и придет сегодня.

Странно было оказаться в одной комнате с отцом. Много лет я представляла его себе таким монстром. В реальности он оказался неловким и застенчиво-любопытным, как пингвин, которого выпустили из зоопарка погулять. Потом пришла Джуд, и он явно почувствовал себя больше в своей тарелке. Даже, набравшись смелости, отозвал меня в сторону и протянул мне бумажный пакет, из которого достал маленькую блестящую коробочку.

– Это твое, – сказал он мне.

Внутри лежал мамин медальон с изысканным кельтским орнаментом на крышке, к нему крепилась сверкающая цепочка. Я открыла медальон. Там была наша семейная фотография, снятая, когда мне было восемь.

У меня в горле встал ком размером с Эмпайр-стейт-билдинг.

– Здесь еще кое-что есть, – сказал отец. – Но я знаю, что ты всегда любила этот медальон, и давно хотел тебе его отдать. Просил, чтобы это сделала Каро, но она отказалась, сказала, чтобы я сам. Потом просил Джуд, чтобы она передала его тебе на похоронах... Извини, что получилось так долго.

Я кивнула:

– Спасибо, я это ценю.

Он потрепал меня по плечу.

– Ну, ну, не раскисай.

– Да нет, я просто в восторге от этого коричневого пакета. Шикарная штука.

– Ты всегда была языкастой, – сказал отец, и, надо признать, не без восхищения.

– Кто бы говорил, – ответила я.

– Я тут еще кое-что нашел, – продолжал он. – Вернее, копы нашли, пока занимались расследованием, а я поговорил кое с кем из той египетской конторы.

– «Склеп Озириса»? Никакая она не египетская; они из Бронкса.

– Какая разница. – Отец протянул мне конверт. – Вот, прочитай, когда будешь готова.

Я вышла из дому пройтись. Мне было любопытно и в то же время страшно. Но я все же пересилила себя и развернула распечатку. На первой странице я прочла вот что:

Дейдре,

Я совсем не умею говорить о чувствах (как и все в нашей семье) и потому решила написать тебе на случай, если мне не доведется сказать тебе это лично. Я часто думаю о маме и о том, как все у нас шло, пока мы росли. А еще я жалею, что мы с тобой потеряли связь на годы и что

На этом письмо обрывалось. Я перевернула страницу, но там ничего не было. С минуту я не знала, что и думать, а потом вспомнила тот день, когда влетела в офис «Озириса» и стала требовать у них правды. Тогда мне помог один парень из их служащих; он сказал, что Каро написала мне несколько вариантов письма. Вот именно их я и держала теперь в руках: ее черновики. Дрожащими руками я раскрыла следующий.

Дейдре,

Я часто думаю о маме и о том, как не хочется верить, что и тебя постигнет судьба одного из родителей, пока это не случится. Мне уже давно хочется поговорить с тобой о нашем детстве, но, похоже, я так и не соберусь с духом. Сначала я злилась на тебя за то, что ты сделала. А потом поняла, что я и на себя тоже злюсь за то, что не сделала ничего. Кажется, я никогда еще не говорила тебе, как безмерно я тобой восхищаюсь.

Как и первое письмо, это обрывалось на полуслове. Последний вариант был самым коротким.

Додо,

Ты – маленькое чудовище, способное надрать задницу кому угодно, но я все равно люблю тебя.

Я перечитывала все три сообщения снова и снова, по очереди. Какой роскошный подарок: читать слова сестры и даже как будто снова слышать ее голос, хотя ее самой уже нет... Каро так и не высказала до конца то, что было у нее на уме, но мы не зря были сестрами – я поняла ее и так. Обойдя квартал еще раз, я вытерла глаза и вернулась в дом, к своей семье.

Благодарности

Я всегда говорила, что писать роман – это как путешествовать в одиночку, но это никогда еще не было так верно, как во времена карантина и локдауна. Договор на эту книгу я подписала в ноябре 2019 года, а когда в июне 2020-го сдала готовый текст, мир уже перестал быть прежним. Моя вечная благодарность друзьям, родным и коллегам: всем, кто сделал мою пандемическую жизнь сносной.

Затем я хочу от души поблагодарить всю команду «Томас и Мерсер» – благодаря этим людям процесс публикации этой книги превратился в сплошное удовольствие. И прежде всего это относится к моему замечательному редактору, Меге Парех, которая пришла в восторг, как только я изложила ей идею моей книги; с тех пор она неустанно отстаивала ее на всех уровнях. Спасибо и моему редактору разработки Шарлотте Хершер: она всегда задавала мне такие вопросы, которые помогали мне увидеть новые возможности развития моей истории. Также я благодарна Грейси Дойл, шеф-редактору, за ее невероятную поддержку, и Саре Шоу, менеджеру по связи с авторами, каждая встреча с которой превращала мой день в праздник. Спасибо моему выпускающему редактору Сьюзан Стоукс за то, что исправляла мои ошибки (их было много), и моему корректору Биллу Сиверу за его потрясающее внимание к мелочам. Большое спасибо и великолепной команде по маркетингу, в особенности Габриэль Гварнеро, Кайле Пигони, Эрин Муни и Линдси Брэгг за их поддержку и неизменную преданность делу, а также менеджеру по связям с общественностью Деннелле Катлетт и пресс-агенту Бриттани Расселл за все, что они сделали для рекламы этой книги. Трудно перечислить поименно всех, кто немало потрудился для того, чтобы эта книга оказалась в руках читателя, – например, продакт-менеджер Лора Барретт, дизайнер обложки Линди Мартин, художественный директор Ойзин О’Мэлли. Многих я наверняка пропустила, за что и прошу у них прощения. Правда состоит в том, что работа со всей командой «Амазон пабблишинг» была для меня удовольствием и наградой, от начала и до конца.

Также я хочу поблагодарить моего агента Митча Хоффмана, который прочел эту книгу с начала до конца столько раз, сколько ее не прочел больше ни один человек в мире, и всегда подавал мне отличные идеи. Я благодарю его за мудрость, энтузиазм и дружбу. Я высоко ценю поддержку всей команды Литературного агентства Аарона М. Приста.

Я очень признательна всей моей большой «детективной семье» за все, что они для меня сделали, и все же отдельные люди заслуживают особого упоминания. Итак: Меган Эбботт, Эд Аймар, Нэнси Клэр, Ангел Луис Колон, Либби Кадмор, Мэтью Фаррелл, Ким Фей, Лии Гольдберг, Рейчел Хоузелл Холл, Дженнифер Хиллиер, Крис Хольм и Кат Ниидас Хольм, Сьюзан Элиа Макнил, Брэд Паркс, Гевин Ризи, Джо Рейд, Хэнк Филиппи Райан, Алекс Сегура, Сара Вайнман и Холли Уэст. Я представить себе не могу лучшей группы теневой поддержки и рада, что знакома с каждым из вас.

Хочу поблагодарить и своих друзей, особенно Стефани Крейг, Хелен Лавкин, Илану Рубел, Триш Снайдер, Кэтлин Дор, Дину Вайсберг, Ген Ларайя Лонг и Бет Расселл Коннели. Девчонки, вы знаете, где собака зарыта.

Покойся с миром, Марк Девейн Кумбз; мне всегда будет тебя не хватать.

Пандемия оборвала мое последнее рекламное турне и сделала невозможным посещение пресс-конференций, но она же открыла для меня целый мир всевозможных виртуальных событий и подкастов. Я очень благодарна Джейн Кулов из «Книжного фестиваля Вирджинии», Кэрри Робб из библиотеки округа Сент-Луис, Барбаре Питерс и Патрику Милликину из «Отравленного пера» в Скоттдейле, Пэм Стак из «Авторов в эфире», а также изумительной команде из «Кью и Уиллоу букс» в Квинсе. Спасибо вам всем, каждому из вас я задолжала угощение за мой счет, при личной встрече. Кстати, хочу добавить, что я жду не дождусь, когда же снова откроются мои любимые местечки – «Бен Макнелли букс» в Торонто, «Убийство по книге» в Хьюстоне и «Потрепанные обложки» в Денвере. Скорее бы!

Ну и напоследок благодарность моим главным людям: родителям, Джону и Шейле Дэвидсон (маме благодарность вдвойне, она не только читает все мои романы, но еще и дает мне на них развернутые отзывы; а вот отцу всегда приходится подождать, потому что он не мастер

хранить секреты). Спасибо моим тетушкам – Эми, Эвелин и Айрини, лучшей в мире группе поддержки. И, конечно, огромное спасибо моему мужу Дэниелу, который не устает вселять в меня бодрость и поддерживать меня; только с ним я могу поделиться каждой своей безумной идеей, и сколько же их ему приходится выслушивать! Без тебя, любовь моя, я бы не справилась!

notes

Примечания

Кольцо Кладда – тип традиционного ирландского кольца, которое преподносится в знак дружбы, а также используется в качестве обручального кольца.

Пм. 3:1–2.

3

В дюймах. 1 дюйм = 2,54 см.

Знаменитый бейсбольный стадион в Бронксе, домашняя арена команды «Нью-Йорк янкиз».

Стэнфордский зефирный эксперимент (*англ.* marshmallow test) – серия исследований, проведенная в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в США. Детям предлагали выбор между одним небольшим вознаграждением, предоставляемым немедленно, и увеличением награды вдвое, если они смогут терпеливо ждать ее в течение короткого периода (примерно 15 минут), во время которого экспериментатор покидал комнату. В качестве вознаграждения, как правило, использовался зефир.

Придурки! (нем.)

Штази – Министерство государственной безопасности ГДР.

Ис. 2:4.

Комбуча – напиток из чайного гриба.

К. Марло «Трагическая история доктора Фауста», пер.
Н. Н. Амосовой.

ADA (Americans with Disabilities Act) – закон об американцах с ограниченными возможностями, запрещающий всякого рода дискриминацию по отношению к означенным лицам.

«Ши Стэдиум» – многофункциональный стадион, до 2008 г. служивший домашней площадкой для бейсбольной команды «Нью-Йорк метс».

Имеется в виду бренди с вытяжкой из аниса – та, которую в Турции называют раки, а в Греции – узо.

Шлюха (*нем.*).

Любимый! (нем.)

Счастливого пути (*фр.*).

«Уолгринз» – крупнейшая аптечная сеть в США.

Отсылка к английской идиоме *pot is calling the kettle black*, что по-русски может быть интерпретировано как «один не лучше другого».

Т. С. Элиот, поэма «Бесплодная земля», пер. А. Я. Сергеева.

У. Шекспир «Король Лир», пер. Т. Щепкиной-Куперник.